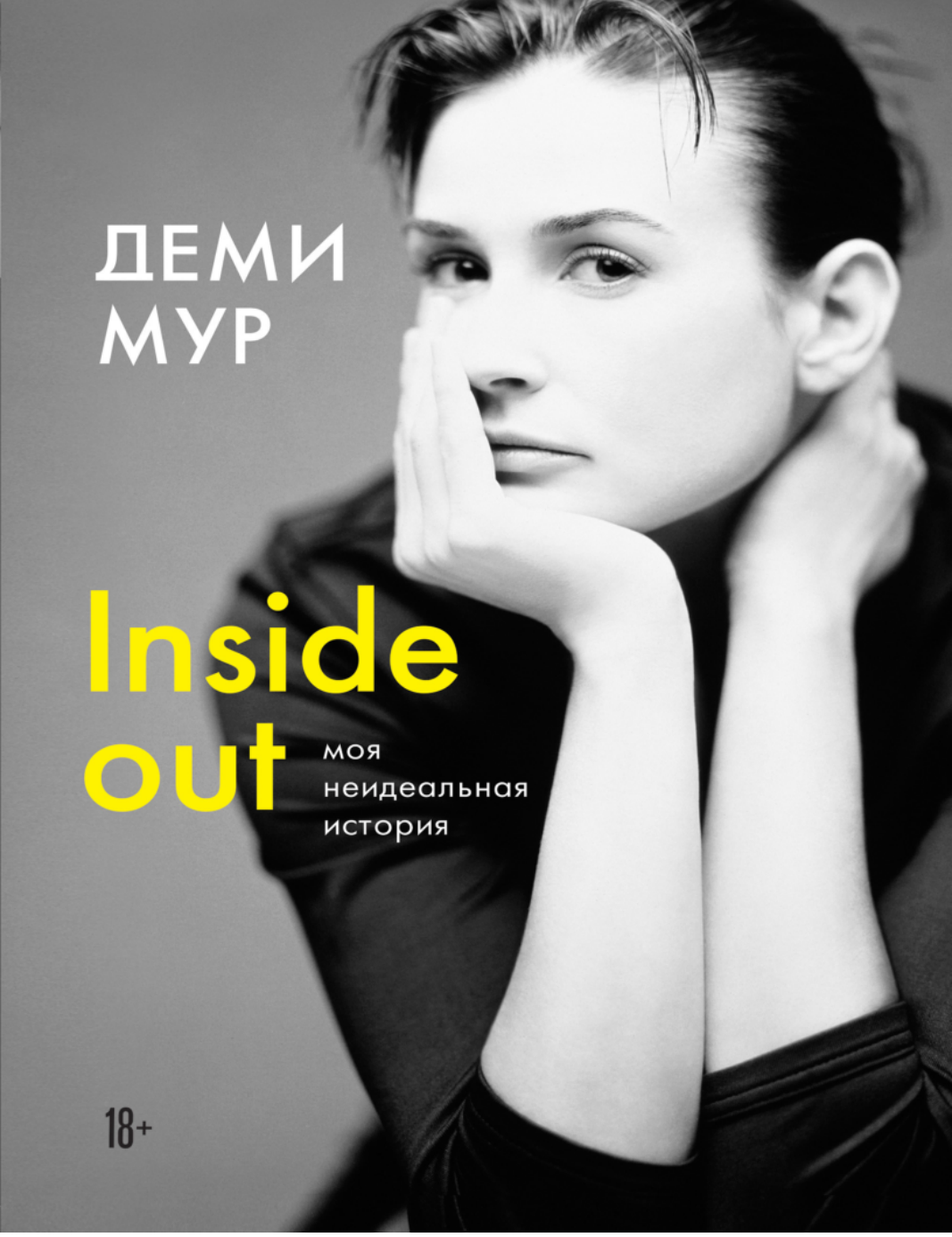

ДЕМИ
МУР
Inside
out
моя
неидеальная
история
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Деми Мур всегда была в центре внимания прессы: от культовых ролей в голливудских фильмах («Привидение», «Непристойное предложение», «Стриптиз», «Ангелы Чарли-2») до громких романов и разводов с Брюсом Уиллисом и Эштоном Кутчером. Но настоящую историю актрисы, пережившую изнасилование в 15 лет, болезненные отношения с родителями и наркотическую зависимость, знали немногие. В своей автобиографии Деми Мур действительно выворачивает наизнанку душу перед читателями, не приукрашая и не скрывая не одной подробности в своей неровной судьбе.

В этой книге есть и душераздирающие признания, и пикантные подробности, но главное – здесь есть неподдельная откровенность. Деми Мур безжалостно разбирает собственные ошибки, великодушно прощает их другим и от главы к главе учится принимать и любить себя.

Вдохновляющая история, признанная лучшей книгой года по версии изданий The New Yorker, The Guardian, The Sunday Times и The Daily Mail.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Деми Мур
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15

- Часть III
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
- Эпилог
- Благодарности
- Иллюстрации
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

Деми Мур
Наизнанку: моя настоящая история. Мемуары Деми Мур

Эта книга посвящается моей матери, моим дочерям и их дочерям

INSIDE OUT: A MEMOIR
DEMI MOORE
Copyright © 2019 by Demi Moore and Pajama Party Productions, Inc.

Фото на обложке: © Matthew Rolston / Corbis / GettyImages.ru

Вдохновляющая история, признанная лучшей книгой года по версии изданий The New Yorker, The Guardian, The Sunday Times и The Daily Mail.

Настоящее произведение не является художественным. Все события, описанные в этой книге, правдивы и были отражены в меру сил и возможностей автора. В целях конфиденциальности и/или анонимности были изменены имена личностей и факты, касающиеся некоторых вовлеченных лиц.

© Глущенко А., перевод с английского, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все наше бытие[1]
Все наше бытие – дом у большой дороги.
Заглядывают все, кому не лень.
То радость, то тоска, то злость приносят ноги,
То мимолетных осознаний тень.
Приветлив будь ко всем у своего порога.
Пусть даже в дом придет толпа скорбей,
Что, как разбойники, забывшие про бога,
Насильно тащат скарб твой из дверей.

Все ж окажи всем почести. Кто знает,
Зачем идут они, чего хотят?
Быть может, они место расчищают
Тебе для неизведанных услад.

Пускай приходят стыд и вспышки гнева.
Всех приглашай радушно погостить.
Признателен им будь – они посланцы неба.
Пришли тебе наставниками быть.

Джалал ад-Дин Мухаммад Руми

Вступление

Каждый раз я прокручиваю один и тот же вопрос в голове: *«Как я дошла до такого?»*

До пустого дома, который пришлось достраивать, потому что детей у меня было больше, чем комнат, дома, в котором раньше я была женой. Сейчас я совершенно одна в этом доме. Мне было около пятидесяти, когда муж, которого я считала любовью всей своей жизни, изменил мне и не хотел работать над нашими отношениями. Мои дочери долгое время не общались со мной – ни поздравления в день рождения, ни открытки на Рождество. Ничего. Их отец, который всегда был для меня другом, на которого я могла положиться, тоже ушел из моей жизни. Карьера, которая начала развиваться с того момента, как я съехала из дома в шестнадцать лет, вдруг застопорилась, а может, закончилась навсегда. Меня покинуло все, что было дорого мне, даже здоровье. Появились невыносимые головные боли, и я быстро стала терять вес. Одним словом, чувствовала себя так же, как и выглядела, – уничтоженной.

Я задумалась*: и это жизнь? Потому что если так, то с меня хватит. Понятия не имею, что я вообще здесь делаю.*

Я делала все, что казалось необходимым: кормила собак или отвечала на телефонные звонки. В тот день у друга был день рождения, я решила устроить небольшую вечеринку у себя дома. Я развлекалась, как и остальные, – вдыхала закись азота. И когда мне передали сигарету, я, расположившись поудобнее на диване в гостиной, затянулась синтетической травкой. Друзья прозвали ее «дьяволом», что оправданно.

Дальше все – как в тумане. Я почувствовала, будто покинула тело и наблюдаю за собой со стороны в дымке разных цветов. Может быть, это был мой шанс наконец-то покончить со страданиями и стыдом. Может, теперь испарятся головные боли, перестанет болеть мое разбитое сердце, пропадет гнетущее чувство, что я не состоялась как мать, как жена, как женщина.

И в голове опять вопрос: *«Как я дошла до такого?»* После всех высот, которых я достигла к своему возрасту. После всех детских попыток сбежать из дома, чтобы выжить. После брака, который начинался, как волшебная сказка, с человеком, которому я действительно хотела открыться по-настоящему. После того, как я, наконец, приняла свое тело, перестала мучить его диетами и ограничениями в еде. И самое главное – после того, как я вырастила трех дочерей и сделала все возможное, чтобы стать матерью, которой у меня никогда не было. Неужели все, что я

делала, было зря?

Внезапно поток мыслей прекратился, и я вернулась в свое тело. Пока билась в конвульсиях, кто-то попросил вызвать 911, я выкрикнула: «Нет!», зная, что за этим последует: скорая помощь, папарацци, новости на сайтах с заголовком «Деми Мур госпитализирована! Передозировка наркотиками!». Конечно же, в итоге все именно так и произошло. Но было и кое-что такое, чего я не ожидала. Я спокойно отнеслась к случившемуся и призналась самой себе, что, несмотря на все достижения к пятидесяти годам, я не осознаю до конца, что мне пришлось пережить. Потому что большую часть времени я «отсутствовала», проживала жизнь не в своем теле, боясь быть самой собой. Я была уверена, что не заслужила хорошего, поэтому все время отчаянно пыталась исправить плохое.

Как я дошла до такого? Об этом моя история.

Часть I
Выживание

Глава 1

Это может показаться странным, но я прекрасно помню время, проведенное в больнице Мерседа[2], когда мне было пять лет, – оно было волшебным. Я лежала на кровати в нежно-розовой ночной рубашке и ждала посетителей: врачей, медсестер и родителей. Мне все очень нравилось. В больнице я лежала уже две недели и решительно хотела стать лучшей пациенткой, которая у них когда-либо была. Здесь, в моей чистой светлой палате, все находилось под полным контролем – настоящие взрослые врачи осуществляли основательное лечение (в то время многие восхищались врачами и медсестрами, а находиться под их присмотром казалось настоящей привилегией). Все имело значение, и мне казалось, что если я буду вести себя должным образом, то это принесет ожидаемый результат.

Мне диагностировали нефроз – опасную для жизни болезнь, о которой к тому времени почти ничего не было известно, поскольку ее исследовали только у мужчин, если исследовали вообще. По сути, это нарушение процесса мочеотделения. Помню, я дико испугалась, когда мои половые органы опухли, а единственной реакцией мамы была паника. Она посадила меня в машину и отвезла в больницу, где я пролежала три месяца.

Моя тетя была учителем начальных классов, и все ее ученики сделали мне открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Родители вручили мне открытки в тот же день – все из цветного картона, с рисунками. Меня очень тронуло внимание детей, которых я вовсе не знала. Потом я оторвала взгляд от ярких открыток и посмотрела на родителей. Именно тогда я поняла, что они не уверены в моей возможности победить болезнь. Я поднялась, взяла маму за руку и сказала:

– Все будет хорошо, мамочка.

Она сама была еще ребенком в свои двадцать три года.

Моя мама, Вирджиния Кинг, забеременела мною, когда была подростком и весила всего сто фунтов[3], – тогда она только окончила школу в Розуэлле[4]. Только представьте – еще совсем ребенок! Роды были болезненные, длились девять часов, и в последнюю минуту перед тем, как я появилась на свет, она потеряла сознание. Не самый лучший опыт первой близости между ребенком и матерью.

Часть ее так никогда и не начала жить в реальности, и мыслила она всегда нестандартно. Джинни была из бедной семьи, но бедность не повлияла на ее образ жизни. Она хотела, чтобы у нас было все самое лучшее. И никогда бы не позволила, чтобы в

нашем доме были товары неизвестных марок, начиная с хлопьев и арахисового масла и заканчивая стиральным порошком. Она была щедрой и гостеприимной хозяйкой. За столом всегда было свободное место для нежданного гостя. Она никогда не была сторонницей правил, вела себя добродушно и беззаботно.

Несмотря на то, что я была ребенком, мне не потребовалось много времени, чтобы понять Джинни. Она была другой – совсем не такой, как остальные мамы. Я закрываю глаза и все еще вижу, как она везет нас в школу на машине, держа в одной руке сигарету, а другой делая макияж. Она ни разу не поднимала взгляда к зеркалу, но получалось у нее прекрасно. У Джинни было спортивное тело – она работала спасателем в парке штата «Боттомлесс Лейкс» недалеко от Розуэлла. И еще она была поразительно привлекательной: ярко-синие глаза, бледная кожа и темные волосы. А как дотошно она относилась к своей внешности, независимо от обстоятельств! Например, когда мы ездили к моей бабушке, она каждый раз просила папу останавливаться спустя три четверти пути, чтобы накрутить себе бигуди, потому что только так волосы выглядели бы идеально к тому времени, когда мы прибудем в город. Мама посещала курсы парикмахеров и визажистов, но никогда не работала в этой сфере. Она не была экспертом в области моды, но у нее был врожденный талант стильно сочетать одежду. Она всегда тянулась к индустрии красоты, поэтому меня и назвали в честь какого-то шампуня.

Мои родители были очень гармоничной парой, они знали толк в веселье, и к ним часто приходили другие парочки. Мой отец – Дэнни Гайнес – был на год младше мамы. В его взгляде можно было заметить озорной блеск, который заставил бы вас думать, что он хочет раскрыть вам секрет. У него были красивый рот с идеально белыми зубами и оливкового оттенка кожа. Он выглядел как Тайгер Вудс[5] из Латинской Америки, любил азартные игры и обладал замечательным чувством юмора. Одним словом, был нескучным – такие парни обычно рассекают на байках, преуспевая во всех делах. Несмотря на брутальность, Дэнни во всем соревновался со своим братом-близнецом, который был намного сильнее и крупнее, к тому же его взяли в морские пехотинцы, а моего отца не взяли из-за косоглазия, которое унаследовала и я. Мне эта особенность казалось важной – благодаря ей я чувствовала, что мы смотрим на мир одинаково.

Отец с братом-близнецом были старшими в семье. Его мать была из Пуэрто-Рико, и в раннем детстве меня часто оставляли у нее. Она умерла, когда мне было два года. Его отец был наполовину ирландцем, наполовину валлийцем. Он работал

поваром в Военно-воздушных силах и был заядлым алкоголиком. Кажется, после смерти бабушки он переехал к нам. Помню, что мама боялась оставлять меня наедине с ним в ванной комнате. Позже я узнала о сексуальном насилии. Как и я, мой отец вырос в доме, полном секретов.

Окончив школу в Розуэлле на год позже Джинни, Дэнни поехал учиться в колледж в Пенсильванию. Мама почувствовала неладное, особенно ее смутило то, что какая-то девушка была его «соседкой по комнате». Поэтому она начала делать то, что потом продолжала делать, когда сомневалась. Она стала встречаться с другими парнями, чтобы Дэнни ревновал.

Джинни познакомилась с Чарли Хармоном, молодым пожарным, чья семья переехала из Техаса в Нью-Йорк. И даже вышла за него замуж. Несмотря на то, что этот союз продлился недолго, он был «результативным»: папа вернулся обратно. Она развелась с Чарли, после чего в феврале 1962 года мои родители поженились. Девять месяцев спустя на свет появилась я. Или мне так казалось.

Когда люди слышат слово «Розуэлл», то первое, о чем они думают, – об инопланетянах, но у нас в доме никогда не упоминалось слово «НЛО». В моем раннем детстве Розуэлл был маленьким военным городком. Здесь находилась самая большая взлетно-посадочная полоса во всей Америке (она служила резервной полосой для космических шаттлов), которую закрыли в конце шестидесятых. А еще мне запомнились ореховые сады и поля люцерны; магазин фейерверков; мясокомбинат и фабрика Levi's. Мы были очень привязаны к Розуэллу и являлись частью его сообщества. Наши семьи настолько были переплетены друг с другом, что моя кузина Диана приходилась мне и тетей. Она была племянницей моей мамы и вышла замуж за младшего брата моего папы.

У мамы была младшая сестра Шарлин, обычно мы называли ее Чок. Джинни присматривала за ней. В старших классах Чок была чирлидершей[6], а я стала крошечным талисманом команды. Она могла тайком уместить всю команду в машине, при этом девчонки лежали и в багажнике. И я чувствовала себя такой же взрослой, участвуя в их интригах. Они наряжали меня, а Джинни делала прическу – для важных событий в школе. Мое появление было большой неожиданностью: я выбегала в нежно-голубом платье, произносила приветственную речь и завершала все коронным приемом, которому меня научили, – подбрасывала птицу в небо. Это были мои первые, пусть и короткие, выступления, которыми я наслаждалась. Джинни чувствовала себя самой счастливой матерью, и мне это нравилось.

В те дни мой отец работал в рекламном отделе Roswell Daily Record. Каждое утро он оставлял маме пачку сигарет и один доллар, на который она обычно покупала для нас огромную бутылку пепси в магазинчике за углом. Папа был на пути к успеху – он много работал и усердно играл, иногда слишком усердно. Он мог пойти гулять с моим дядей, чтобы выпить, и порой это заканчивалось потасовкой (имейте в виду – им тогда было примерно двадцать лет). После таких попоек папа нередко приходил побитый. Он любил драться и наблюдать, как дерутся другие. И меня он тоже брал на местные соревнования по боксу. Мне было около трех лет, когда я стояла на стуле, стараясь что-то увидеть на боксерском ринге. Глядя на двух избивающих друг друга мужчин, я спросила:

– Какого цвета боксерские трусы игрока, за которого мы болеем?

Это было время нашей с отцом близости.

У обоих моих родителей, если можно так выразиться, было наплевательское отношение к честности. Мне кажется, что папа испытывал небывалую радость, когда мог кого-то одурачить. Для него было в порядке вещей во время оплаты чека взять и сказать:

– Сейчас вырублю тебя, решай – либо пан, либо пропал.

В нем всегда был этот азарт, и он постоянно искал способ, благодаря которому ему все сходило с рук. Тогда я не знала, как выразить это словами, но его безрассудство меня волновало. Я всегда вела себя настороженно и бдительно по отношению к другим людям, готовым выйти из себя. У меня остались смутные воспоминания о человеке, который появлялся у нас около дома и настойчиво стучал в дверь. Мне тогда было четыре, и у меня случилась паника – было страшно находиться в собственном доме. Вероятно, это был человек, которого папа обманул. Или, может быть, он переспал с женой того парня.

Мне было почти пять, когда родился мой брат Морган, и с того момента я чувствовала, что мой долг – защищать его, поскольку я всегда была сильнее Моргана. Сейчас он, конечно, крепкий парень ростом шесть футов и три дюйма[7], а тогда был крошечным малышом. И все, кто его видел, предполагали, что это девочка. Он был очень капризным ребенком, и мама всегда его баловала. Ее любимая фраза, которую она часто напевала, была: «Дай ребенку то, что он хочет!» Однажды мы поехали навестить мою тетю в Толидо[8]. Дорога была долгой, Моргану тогда было два года, и он капризничал. Родители передали мне с переднего сиденья бутылку пива, чтобы я давала ему пить маленькими глоточками до пункта нашего назначения – знаете, как младенцу обычно дают молоко. Конечно же, после такого он уже не кричал.

Признаюсь, что я была неидеальной сестрой, в конце концов, не просто так Морган называл меня «жопой» (моя любимая пытка была прижать его к стене, пукнуть в свою руку и дать ему понюхать). Но с самого начала я знала, что должна присматривать не только за ним, но еще и за собой, учитывая то, как «следили» за нами родители. Когда Моргану было три года, произошел следующий случай. Он встал на спинку дивана, чтобы посмотреть в окно, а потом собрался прыгнуть. Я это заметила и сказала маме, что он может упасть и ушибиться. Конечно же, так и произошло. Я старалась его поймать, но была слишком слабой, чтобы удержать. Моя помощь смягчила падение, но он все же умудрился удариться головой об угол кофейного столика. Дальнейшее было похоже на сцену из фильма. Мама подпрыгнула и завопила:

– Не двигайтесь!

Затем обмотала его голову полотенцем и повезла в больницу. У него был перелом черепа, и еще долгое время после того, как ему все зашили, он выглядел как Франкенштейн.

Вскоре после рождения Моргана мы переехали из Розуэлла в Калифорнию – она стала первым местом в списке переездов, которым ознаменовалось наше детство. Мама догадалась, что у папы появилась любовница, поэтому сделала то, чему ее учила бабушка, – увезла его от «проблемы». Мне кажется, женской половине нашего семейства не приходило в голову, что, когда вы переезжаете со своим неверным мужем в другой город, вы забираете с собой эту проблему, и, куда бы вы ни уехали, она всегда остается с вами.

Для большинства людей переезд имеет большое значение, поскольку влечет перемены: необходимость арендовать жилье, пережить трудности и стресс при обустройстве на новом месте, найти нового врача, химчистку, продуктовый магазин. Это еще если не заводить разговор о детях, их обучении в новой школе, маршруте школьного автобуса и так далее. Все это требует длительных обдумываний, подготовки и планирования.

У нас же была совершенно другая картина. Мы с братом подсчитали, что на протяжении нашего детства мы меняли как минимум две школы в год, а обычно и больше. И мне, казалось нормальным, пока я не увидела, как живут другие семьи. Когда я слышала рассказы, что у некоторых лучшие друзья появились еще в детском саду, то не могла себе этого представить.

Все начиналось с предчувствия, что что-то готовится, планируется, а потом в одночасье мы уже едем на одном из наших транспортных средств. Их мои родители неоднократно меняли на протяжении многих лет: ржавого цвета «Форд

Мэверик», коричневый «Форд Пинто», бежевый «Форд Фалкон». Все они были совершенно новыми. За исключением голубого «Шевроле Бел Эйр» 1955 года. Часто переезд был необходимостью: папа так хорошо выполнял свою работу – он и правда был профессионалом, – что в результате его приглашали в команду газет из других городов. От нас требовалась только поддержка. Надо сказать, что в раннем возрасте переезд не кажется чем-то грандиозным или сложным. Поэтому мы просто следовали за ним, не задумываясь.

Второй раз я попала в больницу из-за почек в одиннадцать лет. Совпадение это или нет, но меня положили туда после еще одной измены отца. Конечно, тогда я не знала, что папа изменял, да и не могла как-то повлиять на это. Но в то же время меня не покидала мысль: может быть, таким способом я выражала свое отношение к тому, что происходит дома? Моя болезнь на какой-то период времени была как «пластырь на болячке» – папа вспоминал про свою семью.

По иронии судьбы, в тот момент наш быт казался необыкновенно улаженным: несколько лет назад мы вернулись в Розуэлл, и я почувствовала себя дома. Мы жили в милом трехкомнатном домике на ранчо. У меня была своя комната, где стояла розовая кровать с балдахином и покрывалом такого же оттенка. Морган делил комнату с Джорджем, младшим братом папы. (Джордж жил с нами с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Какими бы странствующими ни были мои родители, они приняли его не задумываясь, когда скончалась бабушка и моему дяде некуда было идти. Для меня он был как старший брат.) Мы подружились с четырьмя ребятами, которые жили на нашей улице, и бегали туда-сюда между домами. Это было первое место, где у меня появились друзья, которых я действительно помню.

Однажды я возвращалась из школы домой и вдруг почувствовала сильный жар по всему телу. Кожа в области щек и живота напрягалась все сильнее и сильнее, второпях я побежала в ванную, спустила трусы, чтобы проверить свой «пирожок». На этот раз отеки были по всему телу.

В католической больнице святой Марии меня окружали монашки. Я сразу же привыкла к новой рутине: у меня измеряли общее количество мочи и брали кровь два раза в день. Пластиковые катетеры еще не изобрели, поэтому выбора не было: для каждого анализа крови использовали иглу. Но, несмотря на все эти уколы, мне здесь было легко – я чувствовала заботу окружающих.

Так совпало, что Моргану в это время предстояла операция по удалению грыжи, поэтому нас поместили в одну палату. Я

считала себя экспертом по больничной жизни, ну и, во всяком случае, была его старшей сестрой. Поэтому в больнице всем заведовала только я. Мы спорили по поводу того, что будем смотреть по телевизору, но у нас не было пульта от него, поэтому приходилось каждый раз звать монахиню, чтобы она переключала каналы. Моргану было шесть, и ему, конечно же, было все равно, а вот мне не хотелось терять статус лучшего в мире пациента. Поэтому, когда Морган пошел на поправку, я не расстроилась, что останусь одна.

В школе мне приходилось регулярно сдавать анализ мочи, а еще меня приводили в кабинет директора, чтобы убедиться, что я поела. Я была так раздута от стероидов, что один мой одноклассник спросил, не сестра ли я Деми. Я чувствовала себя не особенной, как в больнице, а потерянной. И не хотела, чтобы люди видели меня такой.

Поэтому моей радости не было предела, когда родители сообщили о новом переезде. Дело в том, что мама, как я поняла позже, нашла рыжий волос на трусах папы, когда относила вещи в стирку. После этого родители много ссорились, но в конце концов пришли к единственному выходу – переезд. На этот раз намного дальше, чем обычно, в другую часть страны, в Пенсильванию, а точнее, в район Канонсберг.

Это было большим событием. Родители заранее начали все объяснять, что добавило важности процессу. В этот раз к нам приехал настоящий грузовик от компании U-haul. В нем поместились все наши кровати, зеленая кушетка, керамические куропатки мамы и тот самый журнальный столик, о который ударился когда-то Морган. Но когда мы закончили погрузку, оказалось, что в машине для всех нас недостаточно места. Мама пошутила, что я могла бы сесть на пол у нее в ногах, рядом с передним сиденьем, а я приняла ее предложение: постелила там одеяло и положила маленькую подушку, тем самым создав небольшое уютное гнездышко. Эта поездка оказалась ужасно длинной еще и за счет того, что была вьюга и папе приходилось останавливаться, поскольку он не видел дороги. Я сидела у печки, поэтому мне было уютно и безопасно на моем местечке.

Канонсберг кардинально отличался от Нью-Мексико или Калифорнии и в культурном, и в языковом аспекте. Мы приехали оттуда, где говорили по-другому. (У моей мамы всегда было правильное произношение, независимо от места пребывания. Морган поразил ее, попросив однажды большую бутылку колы и «б'рито» вместо буррито[9].) У моего брата адаптация проходила особенно тяжело – он был еще большим интровертом, чем я, и часто подвергался издевательствам. Я была жестче и

хладнокровнее, мой механизм адаптации работал так: сначала я вхожу в новую обстановку, осматриваюсь, после чего начинаю действовать, как детектив. Я задаю себе вопросы: как здесь все работает, чем занимаются люди, кто мои потенциальные союзники, чего мне бояться, кто здесь главный? И конечно же, больше всего меня волнует вопрос: как я могу вписаться в это окружение? Затем я пытаюсь взломать код этой системы и выяснить, что должна сделать, чтобы освоиться. Эти навыки мне пригодятся позже.

Мы поселились в особняке, который располагался в холмистой местности. Рядом находился пруд, замерзавший зимой, так что можно было кататься на коньках. Морган научился ездить на велосипеде. Мне исполнилось одиннадцать, и я любила заниматься гимнастикой. А еще у меня начался пубертатный период. И мне очень хотелось иметь грудь, поэтому каждую ночь я ложилась в постель и начинала молиться, чтобы она выросла.

Я больше не была ребенком, однако мама настаивала на няне для Моргана – мне этого не доверили. Няней стала старшая сестра одной из моих одноклассниц, назовем ее Кори. Она оказалась более развитая и взрослая. Когда я увидела сестру Кори, появившуюся у нашей двери, то разозлилась, не желая иметь с ней ничего общего. На следующее утро Кори объявила всему школьному автобусу:

– Думаю, что Деми все еще нуждается в няне.

Я до сих пор помню, как покраснела до кончиков ушей от унижения. А еще я была в дикой ярости, что мама подставила меня таким образом. От бушевавшей во мне ненависти я чуть не умерла.

Но я не собиралась позволять этому случаю определять мое дальнейшее пребывание в начальной школе Канонсберга. Мне не нужна была няня. Мне нужен был парень.

И я выбрала самого милого мальчика в классе – голубоглазого лохматого блондина по имени Райдер. Сделать его моим парнем не составило труда, после этого я победоносно прошествовала вокруг школы, держа его за руку. Я испытала классное чувство, хотя эта история длилась совсем недолго.

В то время как я переживала типичные «трагедии» своего возраста, у моих родителей ехала крыша. Я никогда не узнаю, что послужило катализатором ухудшения их отношений в Канонсберге, но той весной все пошло прахом.

Однажды вечером, когда отец сидел на кухне, как обычно потягивая пиво Coors и слушая Джеймса Тейлора[10], ему захотелось почистить пистолет. До сих пор помню его лицо: когда он напился, его глаз стал косить еще больше, а взгляд казался

остекленевшим. Он не заметил, что в пистолете была пуля, грянул выстрел, и пуля пробила дыру в стене, и к тому же задела лоб отца. Кровь была повсюду. Когда все было убрано, мама начала смеяться, хотя я уверена, что она была напугана. Каждый раз, когда я представляю, что кто-то может играть с заряженным пистолетом в доме, где бегают дети, у меня мурашки по коже. Это за гранью моего понимания.

Следующим вечером накал страстей увеличился. Я проснулась от шума и какой-то суеты в родительской комнате. Побежала к ним и увидела, что мама бьется в истерике, а отец пытается ее удержать. Рядом с кроватью стоял пузырек с желтыми таблетками. Отец заметил меня и позвал помочь. Я подходила к ним как в трансе, в глубине души понимая, что мама хотела покончить с собой.

Следующее, что я помню, – как папа говорил достать руками, моими маленькими детскими ручками, таблетки, которые она пыталась проглотить. В этот момент что-то изменилось во мне, и я никогда уже не была прежней. Мое детство закончилось. Уверенность, что я могу рассчитывать на кого-то из моих родителей, испарилась. Когда я пыталась достать таблетки у матери-самоубийцы, которая билась, словно дикий зверь, а отец орал на меня, я перестала быть девочкой, о которой они пытались заботиться, и стала той, кто помогал им заметать следы.

Глава 2

Было начало 1970-х, когда мама сделала то, что сделал бы каждый: она пошла к психотерапевту. Джинни хотела, чтобы ей помогли, хотела пойти на поправку и собиралась найти себя. Мы жили в атмосфере активизации женского движения. Наша соседка была феминисткой, и у мамы появились подружки, которые отстаивали права женщин. Проблема состояла в том, что мама была очень впечатлительной натурой. Например, после просмотра фильма «Изгоняющий дьявола» она прошла через все стадии харизматического христианства[11]. А еще она отвозила меня на службу в католическую церковь, где исполняли песни Джорджа Харрисона и танцевали в дашиках[12].

Джинни честно пыталась найти себя. Иногда я подслушивала ее разговор с нашим соседом за кухонным столом о ее «борьбе». Я была шпионкой, и родители шутили над тем, что я всегда держу ухо востро. Но сейчас я понимаю, что просто старалась оберегать семью от хаоса. Моя мама пыталась покончить с собой, и мне необходимо было быть начеку. Она жаловалась, что в детстве папа не ценил ее и лишал радостей. Они были настолько бедны, что однажды на Рождество она получила в подарок старую куклу в новой одежде. Для нее эта кукла символизировала нехватку всего: воспитания, денег и внимания, которого она ждала. Эту историю я слышала много раз.

В нашей семье произошли изменения, хоть и небольшие. Например, со временем мама смирилась с изменами моего отца и стала полностью зависеть от него финансово и морально. Как ни печально, ее попытка покончить с собой была такой же «результативной», как и ее первое замужество. Джинни продемонстрировала, что могла покинуть его. К сожалению, это увидели дети.

Мама не раз рассказывала свою собственную семейную историю. Ее первой любовью был такой же игривый и харизматичный нарушитель спокойствия, как мой папа. Билл Кинг, мой дедушка по материнской линии, был невысокого мнения о моем отце, когда тот начал гулять с мамой в средней школе, хотя у них было много общего. Дедушка был обаятельным бабником и играл на бас-гитаре в кантри-группе.

Но у дедушки был очень специфичный характер. Однажды у него заболел зуб, и, чтобы не тратить деньги на дантиста, он пошел в ванную и лезвием бритвы вырезал его. В конце концов его ждала страшная смерть, которая отражала его жизнь. В тот день он, напившись в стельку, загнал свой любимый голубой «Эль

Камино» под движущийся грузовик. И был обезглавлен.

Мне было десять, когда это случилось. Я навсегда запомнила его как седовласого красивого и крепкого мужчину, с сильными руками, испачканными в моторном масле. У него была небольшая заправка, где мы с двоюродными братьями любили играть. Когда мама была ребенком, он сломал позвоночник и долгое время лежал дома. Моя бабушка должна была обеспечивать себя, мужа и трех дочерей: маму и ее старших сестер – Билли и Кэролайн. Это была явно не та жизнь, о которой мечтала бабушка Мари. Тогда она собиралась поступать в колледж. Бабушка росла на границе Техаса и Нью-Мексико в строгом доме пятидесятников[13] и первой в семье окончила среднюю школу. Но в итоге Мари оказалась молодой женой и матерью, при этом трудилась на полную ставку, чтобы сводить концы с концами. Соответственно, она была на пределе.

Мамина интерпретация отсутствия внимания со стороны бабушки заключалась в том, что она была непривлекательным, тощим, болезненным ребенком. Джинни никогда не могла избавиться от чувства заброшенности – ей всегда не хватало денег, всегда не хватало любви. Ей не приходило в голову, что у бабушки просто не было возможности воспитывать ее так, как она хотела бы. Джинни не ставила себя на место бабушки, не представляла, каково было ей, молодой женщине, которая отказалась от своей мечты о высшем образованииради жизни с распутным мужем, содержания семьи и воспитания троих маленьких детей.

Моя бабушка Мари была единственным взрослым человеком, на которого я могла положиться. Свое детство (в 1930-х) она провела на кукурузной ферме в Элиде, Нью-Мексико, и обладала практическими навыками делать то, что необходимо делать. Она была твердой, последовательной и заслуживающей доверия женщиной. При всех своих хороших качествах бабушка научила маму, которая, в свою очередь, научила меня, некоторым «способам выживания». Всякий раз, когда дедушка изменял, он доказывал бабушке, что именно женщины были причиной его проблем. Он убедил ее в этом, после того как им пришлось переехать, чтобы убежать от преследователя. Они уехали в Ричмонд[14], где родилась мама. После их возвращения в Розуэлл Джинни было около двенадцати. Однажды она рано пришла из школы и обнаружила отца в спальне с женой его брата. Его единственной реакцией было накричать на дочь и каждый раз обвинять ее в случившемся. Отец был для моей мамы «тихой гаванью». Она боготворила его. Но после этого случая их отношения изменились навсегда.

В один из летних дней в Канонсберге мама пришла и беззаботно сообщила, что мы уезжаем в отель, поэтому нужно быстро собрать вещи. Ситуация была бессмысленной, но меня поразил энтузиазм Джинни, она затолкала Моргана и меня в свой «Пинто» и отвезла в соседний деревянный отель, где было чисто и светло. Мое волнение переросло в растерянность, когда она объявила, что бросает отца ради Роджера, своего психотерапевта. Они влюбились, объяснила она. Пока что Роджер снял эту комнату, но мы все вместе должны переехать в Калифорнию. Там он собирается построить стеклянный дом, в котором мы будем жить. Она даже показала нам проекты.

Это была солидная «рекламная кампания». Она представила свой план как совершенно продуманный и уже решенный, не подозревая, что ее дети могут испытывать боль, страх или смущение из-за того, что их родители расстаются. Отчасти это было связано с фантазиями, которыми она была поглощена и из-за которых просто не могла думать о наших чувствах. А еще сейчас я задаюсь вопросом: осознавала ли она, что это далеко не конец ее отношений с нашим отцом?

Роджер был высоким светловолосым парнем с голубыми глазами. У него были очки в тонкой металлической оправе – такие носили выходцы из Северной Калифорнии. Вне всякого сомнения, Роджер не слышал о профессиональной этике психотерапевта. Это печально, если учесть, что мама изначально пошла к нему за помощью и видела в нем рассудительного образованного человека, который мог найти ответы на вопросы и направить ее на правильный путь. Вместо этого она нашла еще одного парня, чтобы усложнить себе жизнь. Он назначил ей амфетамины и барбитураты, но я сомневаюсь, что она следовала рекомендуемой дозировке. Она запивала таблетки алкоголем, что делало ее еще более непредсказуемой, чем обычно.

Мои родители начали переживать расставание. Мама переехала к Роджеру, и мы попеременно жили то с ней в отеле, то с отцом в квартире. Через несколько недель отец сказал, что мы едем в Огайо, чтобы навестить наших тетю и дядю в Толидо. Только он не сообщил этого маме. Она подумала, что мы просто исчезли. Могу представить ее бессилие и панику. Папа сказал родственникам, что она отказалась от нас ради Роджера, и он понятия не имеет, как ее найти. Ему поверили. Мы с Морганом привыкли к подобным вещам, поэтому даже не удивились, что Джинни не звонит нам. В любом случае тетя и дядя решили развлечь нас и взяли с собой в «Гранд ол Опри»[15] в Нэшвилле. Больше всего мне хотелось увидеть Минни Перл[16] в шляпе с ценником.

Сейчас, в век сотовых телефонов, электронной почты, видеозвонков и инстаграма, ничего не может исчезнуть, а вот в семидесятых – легко. И папа в этом преуспевал. Если мы жили в одном месте достаточно долго и нам приходили счета на оплату, папа писал «умер» рядом со своим именем на конверте и возвращал письмо на почту. Тогда микроволновки казались чудесным изобретением, и папа решил приобрести такую печку в компании Sears. Когда приехал доставщик, он велел Моргану забрать заказ. Потом компания потребовала оплаты, но папа отказался платить, поскольку подпись ребенка не имела юридической силы. Благодаря такому способу и своеобразной креативности папы у нас дома появилось много вещей. Если бы хоть один из моих родителей использовал свой интеллект для чего-то конструктивного, я искренне верю, что они могли быть очень успешными. К сожалению, родители не знали, как это делать и зачем. Большую часть своей энергии они тратили на то, чтобы вредить друг другу или самим себе. Мне кажется, что в глубине души мы верим, что заслуживаем того, как с нами обращаются, – и таким же образом ведем себя с теми, кого любим.

Тем летом в Толидо папа не знал, что с нами делать дальше. Я всегда чувствовала близкую связь с ним, но в последнее время мы отдалились, и таких отношений, как прежде, не было. Он любил нас, но мотивом нашего похищения было не желание провести время с детьми и не страх, что Джинни отвезет нас в Калифорнию и он никогда нас больше не увидит. Я думаю, что время, проведенное в Огайо, было всего лишь одним из раундов борьбы на пути «от любви до ненависти» между нашими родителями. Полагаю, этот раунд он выиграл. К концу лета он убедил маму простить его за наше похищение, и мы отправились обратно в Пенсильванию. Мама дала ему еще один шанс.

Все должно было измениться. Мы, конечно же, опять переехали, на этот раз – в другой город в Пенсильвании. И поселились в большом доме в городке под названием Шарлеруа, в тридцати милях от Питтсбурга. Наступил новый этап в нашей жизни. Дом был просторный, выкрашенный в зеленый цвет авокадо, с высокими потолками и новыми блестящими приборами, которые нравились маме. Правда, сантехника нуждалась в починке, но папа был в этом деле мастером и имел свой «метод». Он закуривал трубку и пускал дым в каждую из труб, а в это время Морган сидел в ванной и кричал ему, из какого крана выходит дым – с горячей или холодной водой.

Из всех мест, где мы жили, этот дом больше всего отвечал мечтам мамы. Именно так, по ее мнению, должна была выглядеть

жизнь. В отличие от нашей бабушки Мари, стремления Джинни вначале были обычными: она хотела быть красивой женой, которую боготворит муж, и иметь уютный дом. И любое жилище, куда бы мы ни переехали, она делала уютным. Она легко и ловко управлялась с интерьерами, с удовольствием украшала каждый дом, как только мы туда заселялись. Все начиналось с пошива штор, потом – расстановка мебели и всяких безделушек, которые она получала от компании Home Interiors. И вообще, она придавала домам такой вид, будто мы жили там много лет. Но в «Зеленом доме», как мы с братом прозвали его, она превзошла себя. Он был воплощением ее личных желаний. У меня даже появился щенок. К сожалению, он нагадил перед шкафом отца, за что я получила хорошую порку. Я не плакала – я вообще никогда не плачу, несмотря ни на что. Щенка мне вернули.

Конечно, в Шарлеруа не было ничего особенного. То же самое происходило в любом другом месте. Дэнни играл в азартные игры и много пил. Он был отличным игроком в бильярд и, когда ему везло, убеждал какого-нибудь наивного дурака сделать ставку против и утверждал, что может выиграть с одним закрытым глазом. Затем Дэнни прикрывал свой косящий глаз, которым он и так почти ничего не видел, и начинал загребать чужие деньги.

Но у него не всегда получалось дурить людей. Он спускал огромные суммы, играя в покер, после чего приходил домой бушующим, пьяным и сломленным. В определенный момент отец обратился к местной мафии, сделал акулий заем[17], чтобы покрыть проигрыш, и стал должником этой группировки на много лет. Он работал с ними во время местных выборов, чтобы способствовать продвижению кандидатов, пользующихся поддержкой мафии, а также был задействован в других сомнительных мероприятиях. И каким бы косвенным ни было участие моего отца, оно все равно представляло опасность. Один раз он попал в перестрелку возле бара в Шарлеруа. В другой раз мама пошла с подругой в местный паб[18], ее заметил гангстер и позвонил папе. Он сказал, что женщины членов мафии не должны гулять одни, без сопровождения, по мнению гангстера, это было неправильно.

Тем временем я пошла в седьмой класс гигантской, ужасающей средней школы в Шарлеруа. Я опять была новенькой. Вполне возможно, что все эти адаптации к новому месту и обществу побудили меня стать актрисой. Это была моя работа – изображать человека, который должен стать самым популярным в новой школе в каждом новом городе. Я изучала окружающих, чтобы понять, как это сделать. Так, в этой школе крутые девчонки носят брюки-клеш или облегающие шорты? Какие у них акценты?

Что мне нужно сделать, чтобы стать частью их компании? Лучше выделяться в компании или влиться в коллектив? Пройдут десятилетия, прежде чем я осознаю, что главное – быть собой, а не тем, кем тебя хотят видеть другие люди.

Разумеется, всякий раз, когда я начинала адаптироваться к месту, понимать, как могу вписаться в спортивные и социальные мероприятия или какие предметы мне даются хорошо, приходило время собираться и переезжать. Обычно без особого предупреждения или заранее подготовленного плана.

Я не знаю, какая из выходок отца спровоцировала ссору в тот раз. Может быть, еще одна измена или его ужасное поведение, когда он был пьян, но однажды днем, когда я делала домашнее задание под «музыкальное сопровождение» моих родителей, которые орали друг на друга во весь голос, я услышала крик матери:

– Все, я сыта по горло!

Она ворвалась в мою комнату, велела нам собирать вещи и садиться в машину. Мы возвращались в Розуэлл.

Конечно, это не было чем-то необычным: к тому моменту мы приноровились быстро упаковывать свои пожитки. Мы привыкли часами торчать в дороге, пока мама курила в окно. Возвращение в Розуэлл было возможностью начать все заново и избавиться от наскучившей рутины. Как мы понимали, Розуэлл был нашим домом. Мы приехали из этого места, здесь у нас была семья, история, традиции и знакомые. И здесь была бабушка Мари, которую я называла мамой, когда была маленькой, – во многих отношениях она действительно была единственным человеком, на которого я могла положиться. Жизнь с ней успокаивала. Когда мы добрались до ее дома, то испытали облегчение уже просто оттого, что будем находиться рядом с ней.

Но мои родители продолжали ссориться, несмотря на полудюжину штатов между ними. Крики в телефонную трубку начались почти сразу после нашего приезда, и голос отца был настолько громким, что иногда казалось, будто он находится в комнате. Мама ходила по дому и рыдала, а я пыталась держаться от нее подальше. Морган ушел с головой в разборку и сборку пылесоса и будильника, чтобы изучить принцип их работы. Когда к нам в гости приходили мои тети, я начала замечать, что они странно переглядываются между собой во время нервных срывов и попоек мамы. Впервые она стала меня смущать. И мне было стыдно за то, что я чувствую.

Джинни хотела, чтобы я встала на ее сторону, и рассказывала всем, каким ужасным человеком был мой отец, но я не могла так поступить. Если не считать азартные игры, я понимала, что они

оба виноваты в том, что сделали с нашей семьей. Теперь, в более осознанном возрасте, я увидела, какой она ребенок по сравнению со своими сестрами. Она редко брала на себя ответственность и часто винила всех остальных, кроме себя. Я понемногу стала отдаляться от нее. Со мной была моя бабушка, поэтому я могла больше не следить за состоянием мамы, чтобы выжить.

Однажды Джинни сообщила, что мы возвращаемся к отцу. Но я не бросилась, как раньше, собирать вещи. Джинни рассказала, что папа получил новую работу в штате Вашингтон, к северу от Сиэтла. По плану мы должны были вернуться к нему в Пенсильванию, после чего переехать в другую часть страны вместе, как семья.

Я подняла взгляд на маму и твердо сказала, что не поеду. Джинни не убедила меня и не объяснила, почему мы должны вернуться к человеку, который только и делал, что был груб с нами или ссорился с ней по телефону. Мне надоело все это. Что бы они ни делали, я больше не хотела в этом участвовать. Мама пыталась убедить меня, но в итоге поняла, что решение мое непоколебимо. Она забрала Моргана и вернулась в Шарлеруа без меня.

Тем летом я начала ходить на гимнастику, где познакомилась со Стейси Уэлш. Осенью бабушка записала меня в лучшую государственную школу в Розуэлле. Мы жили в другом районе, поэтому бабушка привозила меня каждое утро к дому Стейси, откуда мы шли к автобусу или добирались в школу на автомобиле миссис Уэлш. Я стала танцовщицей в команде чирлидинга. Моя жизнь стремительно становилась нормальной, как у обычных людей. Это было прекрасно.

Как только родители с Морганом добрались до Вашингтона, я начала подсознательно убеждать себя, что мне надо к ним вернуться: «Переезжай к ним, там прекрасно, тебе понравится». Часть меня чувствовала, что мне следует быть рядом с ними. Но почему? У меня же все было хорошо.

Моя бабушка заботилась обо мне с такой любовью, которой я никогда раньше не получала. Она следила за тем, чтобы я выполняла домашнее задание, чистила зубы, вовремя ложилась спать. Кстати, позволила мне перекрасить комнату в желтый цвет из-за моей любви к Твити[19], персонажу из мультика. Она была внимательна ко всему в моей жизни, включая друзей, которых я заводила в школе. Если я ходила в кино, то она меня встречала, а если она работала, то договаривалась, чтобы кто-нибудь другой забрал меня. Я никогда не оставалась стоять одна на углу улицы, гадая, заберет меня кто-нибудь или нет. Не было ежедневных ссор между родителями. По сути, моя бабушка была человеком,

которым всегда хотела стать мама.

После смерти дедушки у бабушки был долгий траур. Почти два года каждый вечер после возвращения с работы она лежала на диване в гостиной, не включая света. Позже бабушка встретила прекрасного человека по имени Гарольд и снова обрела любовь. У них был свой распорядок, и я стала его частью. Например, во вторник и субботу по вечерам они ходили на танцы, в это время я оставалась на ночь у подруги либо кто-то приходил к нам, чтобы посидеть со мной. В среду у бабушки Мари всегда была запись в салон красоты. После того как ей делали укладку, мы шли куда-нибудь обедать. Обычно это был мексиканский, китайский ресторан или кафетерий. Так проходила моя жизнь в Розуэлле.

Это было спокойное время надежности, время, когда я увидела, какими могут (должны) быть родители. Пример, на который мне хотелось равняться. И все же я начала беспокоиться. Я поняла, что не могу оставаться на одном месте слишком долго. У меня не было опыта в достижении целей, не было инструмента для измерения количества трудностей, вознаграждений или обязательств. Я часто задавалась вопросом, на что была бы похожа моя жизнь, если бы я осталась в Розуэлле. Скорее всего, мне пришлось бы работать над развитием и поддержанием дружеских отношений, которые всегда длились недолго. Мне бы пришлось ставить перед собой цели, чего я никогда не делала, потому что мы не жили в одном месте достаточно долго, чтобы их достичь.

Ничего из этого не произошло. Мне захотелось экстрима, я нуждалась в кипучей энергии событий. Прожив шесть месяцев в Розуэлле, я вернулась к своим родителям.

Глава 3

Мы провели в Вашингтоне почти два месяца, пока не решили снова переехать. На этот раз в Южную Калифорнию, и как можно скорее. Причина могла быть любой: очередная любовница, афера с кредитором или мафия, с которой папа имел дело, догадалась о месте его пребывания. А еще мы скрывались от Роджера, маминого психотерапевта, потому что мама украла у него кредитную карту, чтобы оплатить нашу поездку в Калифорнию.

По дороге в Редондо-Бич[20] папу сильно избили. Его лицо распухло, под одним глазом был синяк. Выглядел он ужасно. Как сейчас вижу его избитое лицо за рулем. Не было никаких объяснений и споров – над каждым неприятным аспектом в жизни моей семьи повисала тишина.

В Редондо-Бич мы заселились в квартиру оштукатуренного пляжного комплекса, сделанного в стиле псевдофазенды. Наш новый дом находился в миле от воды. Мама предупредила, что, если кто-то будет звонить, я должна сказать, что родителей нет дома.

Они избегали представителей телефонных компаний, энергетиков, а также держателей кредитных карт, которые интересовались вариациями имен моих родителей – например, такими как Вирджиния Кинг – это была девичья фамилия моей матери или Дэнни Джин – первое и второе имя отца. Мои родители даже нашу квартиру снимали под именами моих тети Дианы и дяди Джорджа, младшего брата отца, которые жили неподалеку, в Лос-Анджелесе.

Когда Джордж и Диана решили переехать в наш жилой комплекс, выяснилось, что благодаря моим родителям они там уже живут. Даже не помню, чтобы Джордж и Диана разозлились, просто в ответ взяли имена моих родителей. То, что тетя с дядей стали жить рядом с нами, было огромным утешением. Когда родители снова стали неуправляемыми, Джордж и Диана время от времени уделяли нам внимание – возили куда-нибудь, кормили, выслушивали и помогали с нашими проблемами. Помню, в 1975 году благодаря им я попала на свой первый концерт группы Aerosmith[21]. Они хотели сесть рядом с трибунами, а мы с другом отчаянно пытались найти место на траве, где происходило действие. Пока играла песня Sweet Emotion, какой-то незнакомец по-братски передал мне ром, и, как только я начала подносить напиток ко рту, Диана выхватила бутылку.

Южная Калифорния в середине семидесятых отличалась от

тех мест, где мы были раньше. Я была в седьмом классе и сменила уже три школы за тот год. Все подростки носили джинсы от Dittos, курили сигареты и травку. Я подружилась с девушкой по имени Адриен, блондинкой с длинными волосами – типичной калифорнийской девушкой, носящей короткий топик. Адриен стала моей «наставницей» – познакомила с крепкими напитками и сигаретами «Мальборо».

В школе меня спалили с сигаретой и повели в кабинет директора. Моим наказанием было временное отстранение от учебы, но я была в ужасе, ведь у меня никогда не было проблем с дисциплиной. До этого момента адаптация в новом коллективе не предполагала активных действий с моей стороны. Мама пришла за мной, после этого мы молча ехали в машине. Затем она вынула сигарету из своей пачки и помахала ею, сказав:

– Ну что, давай.

Вместо того чтобы взять у нее сигарету, я достала из своей пачки. Она протянула руку и помогла мне прикурить. Мы никогда больше об этом не говорили.

Это положило начало новому этапу в наших отношениях. Мне было всего тринадцать лет, когда я спросила у Джинни, могу ли поехать с друзьями в клуб в Саут-Вэлли[22], на что она ответила:

– Конечно, возьми машину. Если вас остановит полиция, скажите, что вы за рулем без разрешения родителей.

Я знала, как ехать обратно в Розуэлл, но как попасть в Саут-Вэлли, понятия не имела. А еще я не знала автомагистрали и у меня не было опыта вождения ночью. Каким-то образом я все же добралась до клуба с двумя друзьями, которым повезло остаться в живых после поездки со мной. С тех пор меня регулярно посылали на этой машине по семейным делам. Каждый раз Джинни говорила:

– Помни, мы не знаем, что ты за рулем.

Так было удобно моим родителям, и это тоже сходило им с рук.

Они не устанавливали для меня границ дозволенного, на самом деле даже для себя они не могли их установить. Родители много пили, принимали оксикодон, валиум и метаквалон, которые мой отец каким-то образом получал по рецептам, регистрируясь в разных аптеках и используя разные псевдонимы. Он выглядел так, как подобает на вечеринках, – джинсы-клеш, длинные бакенбарды, даже сделал химическую завивку.

Что касается мамы, то она часто становилась агрессивной, когда смешивала наркотики и алкоголь. В таких случаях моих родителей выгоняли из ресторанов и баров. Мама начинала драться с другими посетителями или выходила из себя и вместе с

отцом била посуду. Однажды маме не понравилось, как ей подали чек, она сняла туфлю на высоком каблуке и замахнулась на официантку.

Каким-то образом во время всех этих гулянок мама нашла хорошую работу – бухгалтера в компании по распространению журналов, которая принадлежала человеку по имени Фрэнк Дискин. Диана тоже начала работать на Фрэнка. Вдруг в нашей семье появилось больше денег, особенно у мамы. Фрэнк много чего ей дарил, например, норковую шубу. Но самым большим подарком, который являлся символом статуса девушки из Нью-Мексико той эпохи, был бледно-желтый «Кадиллак Севилль». Закончилось все тем, что мы переехали в район Марина-дель-Рей, в самый красивый дом, который у нас когда-либо был. А Фрэнк Дискин оплачивал нашу арендную плату.

Почему этот парень тратил так много денег на бухгалтера? Диана упоминала, что если мама была у Фрэнка в кабинете, то дверь была всегда закрыта.

Каждый раз после ситуации в Канонсберге, когда мама пыталась покончить с собой, я подсознательно ждала еще одну катастрофу, еще одну по-настоящему чрезвычайную ситуацию, которую я не смогла бы проконтролировать, и она разрушила бы мою и без того неустойчивую жизнь. Однажды я пришла раньше из школы и не обнаружила дома брата с отцом – их и след простыл. Я спросила маму:

– Где Морган? Где папа?

Ладно, для папы куда-то пропасть не было чем-то необычным, но где мой брат? Мама только пожала плечами и сказала:

– Мы с твоим отцом разводимся. И он будет рад, если я отдам ему Моргана.

Я была поражена. Даже не знаю, чем больше: потерей брата, отца или осознанием того, что папа не мог расстаться с Морганом, а со мной – мог, притом легко.

– Мы с тобой переезжаем в Западный Голливуд. Я нашла квартиру на Кингс-роуд, – сообщила мне Джинни.

Фрэнк Дискин больше не влиял на ситуацию. По словам мамы и Дианы, налоговая служба США долгие годы следила за моим отцом из-за неуплаты налогов, и, когда его нашли, папа в обмен на свою свободу готов был предъявить компромат на Дискина. По сути, он предложил налоговой службе ту же сделку, которую предлагал другим много раз: вдвое больше или ничего.

Была только одна проблема: потеря Дискина означала утрату нашего относительного процветания. Мама и Диана остались без работы, что означало невозможность нашего дальнейшего пребывания в Марина-дель-Рей. Я думаю, что это стало последней

каплей для мамы. Она решила, что лучше жить без отца. По-видимому, отец тоже достиг предела: перед тем как уйти, он разрезал красивую норковую шубу Джинни на кусочки.

Я все еще не могла прийти в себя, когда мы поехали смотреть наш новый район. Джинни с каким-то безумием указывала на все бары, кинотеатры, магазины и рестораны. Комплекс, где мы собирались жить, был массивным. Но наша квартира была крошечной и состояла из одной спальни, кухонного уголка и небольшого балкона с видом на бассейн. Как будто все в моей жизни уменьшалось, начиная с дома и заканчивая семьей.

Когда мы остались вдвоем, отношения с Джинни изменились. Они больше походили на отношения между сестрами, нежели между мамой и дочкой. Я и раньше жила без правил и ограничений, а теперь мы были в какой-то степени сверстницами. Я становилась настоящим подростком, и Джинни тоже старалась соответствовать этому возрасту, одеваясь в мини-юбки и топы с глубоким вырезом. Каждый раз, когда мы выходили из квартиры, она принаряжалась. Кстати, выбор здания был тоже не случайным – здесь жило много одиноких и разведенных людей. Она подружилась с одной из наших соседок, ее звали Ланди. Вместе они стали ходить по барам.

С нашего балкона я наблюдала за одной красивой девушкой. Она проводила время у бассейна, то плавая, то загорая на солнце. Ее кожа с каждым разом становилась более золотой. Это была Настасья Кински – немецкая актриса, на несколько лет старше меня – самый лучезарный человек, которого я когда-либо знала. Я стала ее подругой и последовательницей.

Режиссер Роман Полански привез Настасью и ее мать в Америку, чтобы девушка смогла усовершенствовать английский язык и избавиться от своего акцента в актерской студии Ли Страсберга. Полански хотел, чтобы Настасья снялась в фильме «Тэсс»[23] – романтической трагедии, которую он собирался создать по мотивам романа Томаса Харди. Ради нее он отложил съемки фильма – ждал, когда Настасья будет готова. Вот как сильно он верил в нее, и это, безусловно, произвело на меня впечатление. Насколько я могла судить, она была само совершенство.

Сдержанная, но в то же время уверенная в себе, Настасья знала о своей сексуальности и умела с легкостью ее использовать, как никто другой. За всю свою жизнь я не встречала таких. Настасье было всего семнадцать, а она уже снялась в четырех фильмах. Ее карьера начала набирать обороты в Голливуде, она регулярно получала сценарии от режиссеров, желающих сотрудничать с ней. Вот здесь и пригодилась моя помощь.

Настасья хорошо говорила по-английски, а вот читала плохо. Поэтому я зачитывала ей вслух сценарии, а она решала, в каких проектах хотела бы принимать участие.

Она пристально смотрела на меня своими бездонными зелеными глазами и внимательно слушала, а когда я заканчивала читать сценарий, уже точно знала о своем решении. Ее уверенность произвела на меня такое же впечатление, как красота и сексуальность. Сочетание этих качеств давало потрясающий эффект. Я сама видела, как окружающие были впечатлены ее ощущением комфорта, свободы и силы. Тогда мне казалось это силой, но в ней было что-то еще. Я не знала что, но хотела стать такой же.

Правда, ее мама заслуживала еще меньше доверия, чем моя. Настасья с двенадцати лет обеспечивала их обеих. Я не содержала нас с мамой (пока), но осознавала ответственность за человека, который должен был отвечать за меня. Я чувствовала, *что уберегать Джинни от смерти – моя работа*. Это был печальный, но в то же время очень важный момент, который сближал нас.

Я решила последовать примеру Настасьи. Мне хотелось заниматься тем же, и если для этого необходимо было начать действовать, значит, так тому и быть. Я изучала окружающих, наблюдала, спрашивая себя: «Как этот человек делает это? Что нужно, чтобы получить эту работу, – может быть, найти агента?» (Нет: я хочу быть актрисой. Но: с чего мне нужно начать?) Вместе с Настасьей я стала ходить на ее уроки танцев, пытаясь подражать ее грации. А однажды она взяла меня на ужин с Полански. Спустя месяцы после того вечера он нашел меня и пригласил пообедать. Я согласилась и пошла с мамой. Странно, но в оба эти вечера он вел себя как идеальный джентльмен, хотя его обвиняли в интимной связи с тринадцатилетней девочкой. (Я видела подобного рода взаимоотношения. В тринадцать заниматься подобным, конечно, немного слишком, но в моем окружении – хотите верьте, хотите нет – отношения с несовершеннолетними девочками были нормой.) Он ожидал, что ему дадут условный срок после признании вины, но судья смотрел на это иначе. Столкнувшись с угрозой тюремного заключения, Полански бежал из Соединенных Штатов в Париж. Это случилось через несколько дней после нашего второго ужина. В итоге он снял фильм «Тэсс» во Франции. Фильм получил три «Оскара», а Настасья – премию «Золотой глобус».

Мне было грустно, что она переехала из нашего жилого комплекса. Прошло двадцать лет, прежде чем мы снова увиделись. Это было неожиданно, на воскресном ланче у Элизабет Тейлор. Когда мы обнялись, я почувствовала себя снова

дома. Мы знали друг друга, как никто другой.

Мой папа жил с Морганом в Редондо-Бич. Однажды мы поехали к ним в гости (он бы не позволил Моргану приехать к нам). Джинни сидела за рулем своего бледно-желтого «Кадиллака Севилль» – единственное, что она смогла отобрать у Дискина. С нами была Ланди, расположившаяся на заднем сиденье. Я в это время с пассажирского места объясняла ей запутанную историю отношений своих родителей, которую составила за годы бдительного надзора за ними. Например, однажды я проскользнула в пожарный отсек, где хранились документы. Там я обнаружила, что мое свидетельство о рождении датировано 11 ноября 1962 года, а в свидетельстве о браке родителей указан февраль 1963 года. Тогда я подумала, что это ошибка, ведь должен быть февраль 1962 года, за девять месяцев до моего рождения. Теперь я понимаю, что в документах не делают подобных ошибок. Скорее всего, Джинни потребовалось некоторое время, чтобы развестись с Чарли, за которым она была замужем. Тогда мой отец как раз пошел в колледж, и они могли пожениться, после чего мама забеременела и…

Я остановилась и медленно повернулась к маме.

– Он мой настоящий отец? – прошептала я, хотя где-то в глубине души уже знала ответ.

– А кто тебе сказал, что он настоящий? – ответила Джинни.

Но в том-то и дело, что никто не сказал. Никто не был обязан рассказать.

Множество вопросов вертелось в моей голове. *Кто же еще об этом знает?* Как оказалось – все. Даже мои кузены знали, что Дэнни – не мой биологический отец. Я проворачивала в памяти все ситуации, когда рассказывала им, как похожа на него, как унаследовала от него проблемы со зрением, мою любовь к острой пище, а они молча смотрели на меня, наивную, зная, что я обманута.

– Почему мне никто этого не сказал?

– Потому что твой отец никогда не хотел, чтобы ты знала. Все дали ему обещание не говорить, поскольку он думал, что после этого ты перестанешь относиться к нему как прежде.

Десять минут спустя мы оказались в безликой отцовской квартире с двумя спальнями. И мама прямо с порога сообщила ошеломляющую новость:

– Деми все знает.

Тут же в одной руке у нее оказался алкоголь, а в другой – сигарета, и кажется, она была в восторге от драматизма ситуации и возможности причинить папе боль.

Папа застыл на месте и старался избегать моего взгляда. За

день нашего визита он выпил, кажется, шесть бутылок пива.

Но никто не поинтересовался, в порядке ли я, есть ли у меня вопросы. Никого из моих родителей не заботило, что это открытие значило для меня.

Родители пошли в спальню, где продолжали то ли ссориться, то ли заниматься сексом – между этими процессами всегда была очень тонкая грань.

Я чувствовала себя беззащитной, глупой и в какой-то степени грязной. А потом сделала то, чему меня учили, когда дела совсем плохи. Я села в машину и уехала – не навсегда, но это пока. Мне некуда было идти, кроме квартиры моей матери, так что это была всего лишь репетиция побега.

Глава 4

Вскоре после того, как выяснилось, кто есть кто, я поехала навестить свою тетю Чок в Техасе. И рассказала ей, что теперь знаю, кто мой настоящий отец.

– Давно пора, – сказала она.

Чок очень нравился мой биологический отец Чарли, она рассказала о прекрасных моментах в тот период, когда мама встречалась с ним. И добавила, что он тоже из Техаса и мы можем позвонить ему. Так она и сделала, и уже на следующий день он стоял в дверях. Я не знала, как себя вести и что делать, – он был для меня чужим человеком, но это был мой отец.

Чарли был красив, ростом около пяти футов и десяти дюймов[24], с русыми волосами. Ему было примерно тридцать пять. Я взглянула на него, чтобы найти сходство. По правде говоря, мои глаза были точно глазами отца, этого отца. Он говорил, что был опустошен после того, как мама его бросила, и всегда хотел увидеть меня.

Мне было четырнадцать, и я понятия не имела, что делать в такой ситуации. Но, когда приехала Джинни, стало только хуже. Конечно, она бы никогда не позволила каким-то событиям разворачиваться без ее участия. Поэтому, как только Чок сообщила ей о встрече с Чарли, она сразу же села в самолет и направилась к нам. После приезда Джинни увела Чарли в комнату, чтобы поговорить наедине. В этот день я непроизвольно скручивала одну за другой сигареты с марихуаной, делая вид, что у меня все хорошо и мне не нужна помощь.

Несмотря на это, Чарли был рад нашей встрече и даже пригласил меня к себе в гости, чтобы познакомить с дедушкой, бабушкой и его детьми. Несколько месяцев спустя я полетела в Хьюстон, где он встретил меня – вместе со своей любовницей, которую высадил по пути к своим родителям. Дедушка с бабушкой были рады встретиться со мной и сказали, что всегда хотели этого. Как позже выяснилось, бабушка Мари несколько раз отправляла им мои фотографии, зная, как много это будет для них значить. В ту ночь я осталась с ними.

К отцу домой я пошла на второй день и познакомилась там с его женой, моими сводными братьями и сестрами. Жена Чарли чувствовала себя неуверенно, и у нее были полные на то основания, ведь Чарли сначала представил меня своей любовнице. Встретила она меня с неохотой. Один из моих сводных братьев был от еще одного брака Чарли, и выглядел он в точности как моя мужская версия – это было неловко. Я не знала,

почему нахожусь здесь, но чувствовала одно: Чарли, возможно, и был моим биологическим отцом, но Дэнни был настоящим.

Причина, по которой мне не говорили о моем биологическом отце, заключалась в том, что Дэнни боялся, что, узнав правду, я стану относиться к нему иначе. На самом деле, как только я узнала правду, отстранился от меня он. Еще до того, как мои родители расстались, он начал отдаляться, увлекаясь алкоголем и наркотиками. И конечно же, как только они решили развестись, он смог расстаться со мной, но не с моим братом. После сделанного мной открытия наши отношения стали только хуже. Он перестал предпринимать какие-либо попытки видеться со мной, перестал звонить. Когда мы с мамой приезжали навестить Моргана, он делал вид, что не замечает меня, его объятия были неловкими и вынужденными. Я просто исчезла из его сердца.

Осознание того, что всю жизнь мама врала мне о важном, не очень хорошо отразилось на наших с ней отношениях. Как бы сильно мы ни доверяли друг другу, все разрушилось, когда я узнала, что она забеременела мною от Чарли, а потом просто решила соврать, потому что так было лучше. Но как любой ребенок, которого родители снова и снова обманывают, я каждый раз верила, что мама изменится и станет человеком, на которого я смогу положиться.

Вместо этого, однажды вернувшись из школы, я обнаружила ее растянувшейся на кровати в окружении пустых пузырьков из-под таблеток. Помню, как я быстро начала звонить в скорую помощь, находясь в своеобразном оцепенении или диссоциированном состоянии[25], которое с годами становилось мне все более знакомо. Кажется, словно я оставляю свое тело, а дальше все происходит не со мной. Приехала скорая помощь и забрала нас в больницу, чтобы сделать промывание желудка. Все видели приезд скорой и то, как маму вывозили из квартиры на каталке. Я была растерянна и испуганна.

Мама пережила случившееся, но впоследствии ее попытки самоубийства стали обычным явлением. Очередной приезд бригады скорой помощи с сиреной и каталкой, дорога в больницу, промывание желудка… Она не хотела умирать и каждый раз звала на помощь – ей хотелось внимания. Часто ее передозировки таблеток сопровождались очередными ссорами с моим отцом – во всяком случае, с человеком, которого я считала своим отцом.

Я находилась в состоянии постоянной тревожной бдительности, поскольку никогда не знала, что меня ждет, когда я войду в квартиру. Саморазрушение мамы было безграничным, нарциссическим и неудержимым, я же создавала броню,

успокаивая себя тем, что если могу справиться с ее состоянием, значит, справлюсь и с остальными трудностями. Я никогда не чувствовала, что вот-вот сдамся, никогда ни к кому не обращалась и не говорила: «Я не могу этого вынести». Я смогла пережить все, что она вытворяла: попытки убить себя, пьянки до бессознанки, когда мне надо было забирать ее из бара, известие, что Дэнни – не мой настоящий отец. Я бы выжила в любом случае, но это легче делать, если ты всегда наготове. Когда наступал критический момент, я оставляла свое тело – функционировала, но была отрешенной, как бы замороженной.

Конечно, в нашем жилом комплексе все знали о маме, и в ответ я была вынуждена играть роль неуязвимой самодостаточной личности, свободной от правил и ограничений. Каждый раз, когда я резко отвечала: «Моей маме все равно, если…» или «Я могу делать все, что захочу», меня несла волна сомнительной свободы, и я это ощущала. Я не испытывала особого сочувствия к Джинни. Даже в свои четырнадцать я поняла, что ее эксцентричность и попытки самоубийства сильно отражаются на мне.

Ее нарастающее саморазрушение приводило к попыткам понять, чем я отличаюсь от нее, и я убеждала себя, *что я – другой человек, не такой, как она*. Однако с каждым разом моя неуверенность в этом все больше усиливалась.

Я была девочкой, чья мать всегда пыталась покончить с собой, девочкой, которую бросили два отца. Внезапно мое косоглазие оказалось очевидным физическим проявлением правды обо мне – я была сломленной, и каждый мог это сказать. Как раз перед тем, как мне исполнилось пятнадцать, мне сделали операцию, окончательно исправившую мое зрение, но в своем сознании я оставалась такой же сломленной.

Все это совпало с половым созреванием. Физические изменения сбивали меня с толку, ведь из худощавого косоглазого ребенка я становилась девушкой, которую хотели мужчины. Появление сексуальности глубоко в душе вызывало стыд. Пройдут десятилетия, прежде чем я смогу разделять эти два понятия.

Я начала проводить время с парой парней, которые жили в конце коридора, – они относились ко мне очень дружелюбно. Правда, ребята были старше меня, им тогда было примерно по двадцать лет. Думаю, что я просто пыталась впечатлить их и старалась вести себя круто и по-взрослому, чтобы присоединиться к их компании. Иногда они заходили в гости, когда я была одна дома, а иногда я бродила по коридорам и заглядывала к ним, чтобы поболтать.

Однажды вечером в их квартире мы пили пиво и между делом флиртовали друг с другом. Сначала было весело. Я была невинна и только начинала понимать, какой эффект произвожу на противоположный пол. Однако к последствиям я явно была не готова. Один из парней начал действовать, в то время как другой исчез. Очевидно, он давно хотел этого, но почему-то я чувствовала, что у меня нет выбора, что это моя обязанность – оправдать его ожидания, потому что он проводил со мной время. Я корила себя за собственные провокации и попытки выглядеть старше.

После этого на душе было пусто, я почувствовала себя использованной – новое ощущение одиночества.

Джинни не очень сильно волновало, как я адаптировалась на новом месте – в Высшей школе Фэйрфакса. Ее не волновал мой табель успеваемости – честно признаться, она даже не подозревала о существовании таких вещей. Мы были словно подружки, которые проводят вместе время. Она никогда не разговаривала со мной о моем будущем, не давала никаких советов по поводу колледжа, все обсуждения вертелись вокруг ее несчастной жизни – мы говорили о том, что она лишила себя большего и как хотела найти мужчину, которого заслуживает.

На некоторое время Джинни нашла такого – его звали Рон Фелиция, у него была своя студия звукозаписи. У них действительно были на первый взгляд нормальные отношения, он делал ее спокойнее, когда они были вместе. Мы даже съехались с ним на несколько месяцев. Кстати, мне не надо было снова менять школу, хотя я была бы не прочь, поскольку в Высшей школе Фэйрфакса ничем, собственно, не занималась. В старших классах учеба меня уже не вдохновляла, поэтому я просто старалась пережить это время. Из тысячи ребят, с которыми я училась, мне удалось завести лишь нескольких друзей. (Кстати, мне жаль, что я тогда не смогла пересечься с Фли[26] и Энтони Кидисом[27] – они как раз учились в это время в Фэйрфаксе. Мы стали общаться только спустя десятилетия, но я сомневаюсь, что тогда в школе могла влиться в их компанию.)

Через Рона я нашла человека, который был агентом миленьких девушек, – найти работу было нелегко, ведь у меня совсем не было опыта, к тому же я была несовершеннолетней. Но такие знаменитости, как Хелен Хант или Джоди Фостер, как раз и начинали свой карьерный путь, будучи детьми. Я наблюдала, изучала индустрию развлечений – в общем, руководствовалась девизом «повторяй за другими, пока не получится». Я хотела бы сказать, что желание заниматься актерским мастерством появилось у меня из-за увлечения пьесами, с которыми я

познакомилась в школе, или волнующего трепета, пережитого во время исполнения роли в театральном кружке. Хотелось бы, чтобы именно так я пришла в мир актерского искусства, однако, по правде говоря, к этому меня побудил Голливуд – он был еще одной новой школой, которую мне необходимо было понять, еще одной системой игры. Однажды столкнувшись с ним, я пыталась изучить принцип работы в этой сфере. Пройдут годы, прежде чем я буду зарабатывать себе на жизнь как актриса, но именно тот первый агент ввел меня в этот мир – нашел для меня небольшую роль в сериале под названием «Каз»[28], где я сыграла тринадцатилетнюю проститутку. И первая большая фраза, которая принесла мне членский билет Гильдии киноактеров, звучала так: «С вас пятьдесят долларов, сэр».

Как бы мама ни мечтала об отношениях с добрым и понимающим мужчиной, а Рон Фелиция был именно таким, он ей наскучил. Она чувствовала, что обязана разрушить эти отношения своим любимым способом – очередной драмой, – и сделала это. Однажды Рон вернулся домой и застал ее в постели с моим отцом. Понятное дело, Рон был в ярости, подрался с Дэнни, после чего выгнал маму. Мы переехали в маленькую студию в Брентвуде прямо с Сансета – к переездам я относилась спокойно, чувствуя при этом пустоту в душе.

В нашей жизни всегда были мужчины – когда мы выходили вечером гулять, на нас с Джинни многие обращали внимание. Помню, сидим мы в баре одного мексиканского ресторанчика в районе Западного Голливуда. Джинни тогда очень много выпила, высматривая кокетливым взглядом парней. Всякий раз, когда я узнавала этот ее пьяный душный взгляд, чувствовала, как съеживаюсь от дискомфорта. Один клюнул на наживку и подошел к нам.

– Вы сестры? – поинтересовался.

– Нет, это моя дочь, – ответила Джинни, кокетливо улыбаясь.

Это был ее любимый вопрос. Мужчина, конечно же, возразил, что она не может быть матерью в таком возрасте. И действительно, ей было всего лишь тридцать четыре, а мне, ее дочке, пятнадцать. Она усмехнулась, когда он посмотрел на меня.

Мне не нравилась роль барной компаньонки – она просто использовала меня как приманку для мужчин и личного водителя – ага, водителя без водительских прав.

Я удивляюсь, как нас тогда не поймали, но надо сказать, что в те дни Джинни могла проводить мастер-классы, обучая, как игнорировать обстоятельства. Мы ходили по острию ножа, несмотря на это, находили квартиры, хоть и небольшие, но чистые, в недавно построенных домах и, как правило, в

безопасных районах. У нас не было такого, чтобы мы не сводили концы с концами. Возможно, она играла в ту же игру, что и мой отец, – съезжала до времени оплаты, использовала псевдонимы – в общем, по какой-то причине в первые два года после того, как родители расстались, мы переезжали семь раз. На первом месте для нас был вопрос безопасности – после того случая, когда один парень, с которым она встречалась, разозлился на нее и обрезал все электрические провода в нашем доме. Вдобавок к этому он пометил все углы квартиры, как собака.

Стресс от постоянных переездов с квартиры на квартиру отразился на нестабильности мамы и моем личном беспокойстве. Однажды ночью я вернулась домой очень поздно, у двери меня поджидала Джинни.

– Где ты была? Ты должна быть дома к одиннадцати! – закричала она на меня.

Дома к одиннадцати? Да она в жизни не упоминала о времени, до которого я могу гулять, никогда не спрашивала, где и с кем ее дочь. В ответ я сказала пару резких словечек, после чего она подняла руку, чтобы ударить меня. Я увернулась.

– Да как ты смеешь вдруг так взять и начать играть роль заботливой мамочки?! Ты думаешь только о себе, поэтому тебя не должно волновать, во сколько я прихожу домой, – выкрикнула я.

Она должна была ответить пощечиной, но это сделала я, и мне полегчало. Джинни больше никогда не поднимала на меня руку.

Больше всего переезды отразились на моей учебе. Когда я вернулась в Фэйрфакс, чтобы записаться в десятый класс после нашего короткого пребывания в Брентвуде, там ничего не было, по крайней мере, для меня. В школе объяснили, что мне необходимо набрать определенное количество зачетных единиц, но все подобные курсы уже заполнены. Почему раньше никто не сказал о нехватке зачетных единиц, о которых я, кстати, слышала впервые? Им было все равно, хотя по факту я сама об этом не позаботилась.

Мне предложили два пути. Пойти на учебные курсы, где нет зачетных единиц, например на курсы по вождению, или перевестись в специальную школу «Продолжение образования», которая являлась частью Высшей школы Фэйрфакса, – ее посещали дети с плохой успеваемостью или с наркозависимостью. Я решила выбрать второй вариант, хотя не подходила ни под одну категорию, – кстати, мне там нравилось, и все у меня складывалось хорошо.

Было ясно одно – нужно найти способ обеспечивать себя, чтобы наконец-то уйти от моей безумной матери, которая к тому

же стала в последнее время непредсказуемой. И именно это предлагала школа «Продолжение образования»: программа называлась «четыре на четыре», в нее входило четыре часа учебы и четыре часа оплачиваемой работы, за которую можно было получить зачетные единицы. Моим самым первым местом работы стало агентство по сбору платежей – я нашла его через сотрудницу в школе. Каждый день я звонила разным людям – слегка хрипловатый голос делал меня старше – и угрожала, что, если они не оплатят счета, им будет хуже. Я ожидала, что рано или поздно в этом списке появятся и имена моих родителей.

Было приятно иметь свои карманные деньги и не полагаться на мать. Это позволило мне записаться на уроки актерского мастерства, которые оказались местом моего спасения.

Глава 5

Несмотря на свое финансовое положение, время от времени мама с друзьями ходила в очень популярные места Лос-Анджелеса, такие, например, как «Ле Дом» – именно там Джеки Коллинз[29] всегда обедала со своими друзьями. Однажды вечером мы с мамой были там и к нашему столу подошел человек лет сорока или пятидесяти, представившийся Вэлом Дюмасом. Он сказал, что если нам нравится «Ле Дом», то мы обязательно должны как-нибудь прийти к нему в ресторан «Мирабель». У него была ближневосточная внешность. Мне казалось, он похож на Биджана – того самого дизайнера, который был иконой стиля в восьмидесятых, его фото в смокинге были развешаны на всех рекламных щитах. Вэл был высоким и элегантным мужчиной. Мягкая рубашка на пуговицах, аккуратно выглаженные брюки и легкие итальянские кожаные туфли. В нем чувствовалось явное превосходство или наличие денег, а может, и то и другое. Некоторое время он поболтал с нами, а потом, когда мама не смогла найти ключи от машины, предложил подбросить нас домой на своем бронзовом «Мерседесе». С одним условием: я должна была сесть рядом с ним на пассажирское сиденье.

После того случая я обедала с Вэлом в его ресторане, где было много цветов и царила непринужденная калифорнийская атмосфера. Все казалось забавным и безобидным – мы были на публике в середине дня. Я не задумывалась, почему мужчина средних лет хочет проводить время с пятнадцатилетней девушкой.

Он ждал меня на улице в своей машине каждый раз, когда у меня заканчивались уроки. Мне нравилось это, потому что не нужно было ждать автобуса, к тому же он часто завозил меня в «Мирабель», чтобы накормить за столиком постоянного клиента. Я повторяла себе, что он просто друг семьи, но все же что-то доставляло мне дискомфорт, появилось тревожное чувство, что он не всегда будет таким приятным и отзывчивым, что он не такой, как кажется. Я начала находить отговорки, чтобы не встречаться с ним.

Как-то раз, когда я, как обычно, вернулась домой, он ждал меня у нас дома. Я побледнела и спросила, зачем он пришел и где мама.

Я вычеркнула из памяти точную последовательность событий, помню только, что пришла домой и удивилась, откуда у него ключи (видимо, ему дала их мама), а потом почувствовала себя пойманной в ловушку в собственном доме с мужчиной в три раза

старше меня и в два раза больше. С мужчиной, который меня изнасиловал.

В течение многих лет я не задумывалась о произошедшем как об изнасиловании. Считала, что сама виновата, ведь в какой-то степени была обязана ему за то, что он водил меня обедать в свой ресторан, возил на машине, а в ответ ожидал чего-то от меня, по крайней мере, я дала ему повод так думать. В свои пятнадцать лет я заслужила подобного отношения.

Я не понимала, что была легкой добычей – как человек, не имеющий ни наставника, ни крепкой основы, ни чувства собственного достоинства, как человек, который всю жизнь искажал себя, чтобы соответствовать ожиданиям других людей.

И у меня не было никого, кто мог бы меня защитить.

В последние годы я с трепетом наблюдаю, как женщины одна за другой начинают рассказывать свои истории сексуального насилия, каждый раз поражаюсь их мужеству и удивляюсь нападкам, которым они подвергались.

Окружающие задаются вопросом: почему этим девушкам требуются годы, чтобы рассказать о случившемся? Мне есть что сказать на этот счет. Таким вопросом задаются люди, которые никогда не сталкивались с подобным. Когда ты подвергаешься сексуальному насилию, общество не собирается признавать тебя жертвой, ты – лгунья и шлюха, заслуживающая, чтобы твою личную жизнь выставили на всеобщее обсуждение. И знаете, что происходит? Ты держишь это в тайне. Психологическое отрицание насилия – это естественная человеческая реакция, как и при любой другой травме. Наша психика подавляет воспоминания о ситуациях, с которыми мы не можем справиться, которые нас пугают или давят, до тех пор, пока не приходит тот самый момент, чтобы с ними справиться.

К сожалению, даже когда мы пытаемся спрятать боль глубоко внутри, она все равно находит способы всплыть наружу. Зависимость, беспокойство, пищевые расстройства, бессонница, посттравматический стресс и саморазрушение – все это жертвы насилия переживают годами снова и снова. Не важно, сколько длился инцидент – минуты или больше. Последствия останутся на всю жизнь.

Меньше чем через неделю Джинни сообщила, что мы снова переезжаем. Я была рада появлению возможности оставить в прошлом место, где произошла эта ужасная история. Мне казалось, что если не сидеть в четырех стенах этой квартиры, то я перестану чувствовать себя так отвратительно, как в тот день, когда он овладевал мной, а я смотрела в потолок, стараясь не думать о происходящем. К моему ужасу, приехал Вэл, чтобы

помочь нам с переездом. Я сидела на заднем сиденье машины мужчины, который меня изнасиловал, а мама расположилась впереди. Он отвез нас в новый дом – это был дуплекс в средиземноморском стиле на бульваре Ла-Сьенега. Теперь он знал, где я живу, и у меня больше не было безопасного места.

Выйдя из машины, я почувствовала, что меня сейчас вырвет. В этот момент Джинни быстро взяла свои коробки и ушла, а через несколько секунд, когда мы остались одни, Вэл повернулся ко мне и спросил:

– Каково это – быть шлюхой своей матери за пятьсот долларов?

Я посмотрела на него с недоумением, и он повторил:

– Каково это – быть шлюхой своей матери за пятьсот долларов?

Останется тайной, приняла ли Джинни эти пятьсот долларов в качестве платы за разрешение меня изнасиловать. Возможно, ситуация была еще хуже: под предлогом дружеской помощи он дал ей немного денег в качестве ссуды, чтобы снять новую квартиру, – правда, насколько я знаю, она уже отплатила ему тем, что сама занялась с ним сексом. Но сомнений нет: она дала этому человеку ключи от квартиры, где жила со своей пятнадцатилетней дочерью. Я была матерью трех пятнадцатилетних девочек, и мысль о том, чтобы предоставить взрослому мужчине с сомнительными намерениями доступ к ним без присмотра, непостижима и отвратительна. Это не то, что делает настоящая мать.

Одно я знаю наверняка: хотя Вэл, возможно, и дал Джинни деньги без обсуждения того, что он получит взамен, мама, скорее всего, точно знала, чего он хочет, и согласилась дать ему желаемое.

Сказана одна фраза: «Каково это – быть шлюхой своей матери за пятьсот долларов?» – и будто нет у меня матери.

Вскоре после того, как мы переехали в Ла-Сьенегу, я познакомилась с Томом Данстоном – гитаристом из моего театрального кружка, он гастролировал с Билли Джоэлом[30]. Том был привлекательным двадцативосьмилетним парнем с мягким характером – с ним я сразу же почувствовала себя легко и непринужденно. Мы начали встречаться, и однажды вечером, когда остались одни, я начала раздеваться, но Том остановил меня, сказав:

– Ты не обязана этого делать. Мы можем просто быть вместе.

Я рассказала ему о попытках моей матери покончить с собой, о том, как она использовала меня, но не стала упоминать о случившемся с Вэлом. Я никогда ни с кем не говорила о том, что

было. К тому времени, как я встретила Тома, я замкнулась в своей скорлупе настолько, насколько позволяла моя психика. Я рассказала ему обо всем, кроме этого, и он выслушал меня.

Том предложил переехать к нему, и я согласилась. Он ждал меня в своей машине, когда на следующий день после своего дня рождения я вышла из квартиры матери и больше никогда туда не вернулась.

Глава 6

Много лет назад я пришла к своей дочери на занятие по половому воспитанию. Девочек учили быть осторожными, предупреждали о беременности, герпесе и прочих опасностях незащищенного секса. Но никто ничего не говорил об удовольствии, о той близости и чувственности, которую девушка получает благодаря сексу. Никто не учил их понимать свое тело, изучать его, любить.

И мне кажется, это большое упущение. Если бы у меня было хоть какое-то представление о том, что такое здоровый и желанный секс, то я могла бы защитить себя от занятий любовью по принуждению. Я бы распознавала нездоровую и насильственную близость, потому что знала бы о существовании взаимного и приятного секса. Возможно, я бы не делала поспешных выводов, не винила и не убеждала бы себя, что со мной что-то не так. Не чувствовала бы обязанности лечь в постель с мужчиной, потому что сама не обозначила границ дозволенного и поставила себя в такое положение, а он расценил это как право использовать мое тело.

У меня не было родительской поддержки, которая помогла бы мне ценить себя. Но я бы хотела, чтобы хоть кто-то тогда рассказал мне о возможностях в сексуальных отношениях – о том, как учитывать собственные желания, вместо того чтобы понимать секс как унижение, обязанность или как способ получить мужское подтверждение своей ценности.

Несмотря на то, что Тому Данстону было двадцать восемь лет, а мне всего лишь шестнадцать, у нас были на удивление очень здоровые отношения, когда мы с ним съехались. Он всегда относился ко мне с заботой и уважением. Его мама была личным ассистентом Аарона Спеллинга – одного из лучших продюсеров и создателя «Вегаса», популярного шоу того времени. Она помогла мне устроиться секретарем на киностудию Twentieth Century Fox, хотя и не одобряла мою жизнь с ее сыном, учитывая нашу разницу в возрасте. Мне кажется, она это сделала не по доброте душевной, а чтобы я могла оплачивать половину расходов на совместное проживание. Наша с Томом повседневность была размеренной и комфортной. Каждое утро он высаживал меня у школы, после учебы я отправлялась на работу, а вечером забирал меня по дороге на занятия в театральном кружке. Мы посещали самые взрывные ночные клубы Лос-Анджелеса, такие как «Трубадур», «Старвуд», «Виски», «Гоу-гоу», «Мадам Вонг», и каждую неделю ходили на выступления как минимум двух разных

рок-групп – это были The Go-Go's, The Knack, The Motels, Billy Idol, The Police. Походы в ночные клубы мы устраивали ради музыки и всплеска эмоций во время концерта. Я не выпивала – во-первых, потому что была несовершеннолетней, а во-вторых, потому что не хотела быть такой, как моя мать.

Я не общалась с матерью примерно полгода. Для меня она была ходячей катастрофой, а я для нее – человеком, который ее бросил. Отец в моей жизни практически полностью отсутствовал – они с Морганом вернулись в Розуэлл, где жили с дядей Бадди. Том стал моей маленькой семьей.

И все же меня тянуло к родителям, и когда Джинни попросила поехать с ней в Альбукерке навестить тетю, я не смогла устоять.

– Не уходи. Ей нельзя доверять, она же опять будет вести себя как раньше, – сказал Том.

Он изо всех сил старался защитить меня, но к тому моменту я уже несколько месяцев не видела Джинни.

Том, конечно же, был прав. Всего через несколько часов после того, как мы прибыли в Альбукерке, Джинни нашла повод поссориться с тетей. Я не помню, из-за чего все началось, но моей матери не нужна была весомая причина, чтобы начать выяснять отношения. Все можно было спокойно обсудить, но Джинни заорала, что мы уходим оттуда и поедем в Розуэлл к бабушке. Мне было противно поведение Джинни, и я разозлилась на себя за то, что согласилась ехать, – это было ошибкой. Мне захотелось вернуться в Лос-Анджелес, «под крылышко» к Тому.

Но Джинни не дала мне билет на самолет, так как пришла в бешенство из-за того, что я не поддержала ее. Она обвинила меня в том, что я ужасная дочь, которая принимает свою мать как должное и думает, что слишком хороша для жизни с ней. После этого она покинула дом тети, в ярости захлопнув за собой дверь. В итоге я осталась в Нью-Мексико без гроша в кармане. Мне пришлось попросить у тети семьдесят пять долларов, чтобы купить новый билет на самолет и вернуться домой. Потом я годами буду чувствовать вину за то, что задолжала ей эти деньги. Подобный поступок был в духе моих родителей: приехать к кому-нибудь в гости и вместо благодарности за гостеприимство попросить денег. А мне больше всего не хотелось становиться такой, как они.

На следующий день, ожидая посадки на самолет, я размышляла о том, какими все-таки мои родители были неприятными людьми, и после этого снова почувствовала себя очень одинокой. Ведь родители должны служить своего рода эталоном для ребенка, чтобы он понимал, к чему стремиться и

чего ожидать от себя в будущем. В моем случае картина была мрачной.

Я вышла на взлетную полосу, чтобы сесть в самолет. Вместе с другими пассажирами я уже направлялась к самолету, как вдруг прозвучало мое имя. Обернувшись, я увидела, что ко мне приближается полицейский.

– Вы – Деми Гайнс? – спросил он меня.

Я утвердительно кивнула, немного смутившись. Полицейский взял меня за руку и сказал, что я должна пойти с ним. Пока мы шли, все другие пассажиры таращились на меня как на преступника. Он сказал, что здесь мои родители, и провел в маленькую комнату, где, конечно же, меня ждали Джинни и Дэнни.

– Что это, черт побери, значит? – спросила я, заикаясь.

Моя мать торжественно улыбнулась и ответила:

– Тебе еще нет восемнадцати, и нам пришлось сообщить в полицию, что ты сбежала.

По манере говорить было понятно, что Джинни пьяна. Дэнни тоже отличился – он был настолько пьян, что у него аж глаза остекленели. Адреналин забурлил у меня в крови, я в ярости повернулась к копу и спросила:

– Вы что, не видите, насколько они пьяны?

Кажется, я никогда больше так не злилась, как в тот момент. Меня взбесила несправедливость ситуации. Как же это было цинично! Как будто они заботились о моем благополучии и были нормальными родителями, которые думали о своем ребенке.

– Вы совершаете большую ошибку! Вы не знаете, что делаете! Я не живу ни с одним из них уже больше шести месяцев! – в отчаянии выкрикивала я.

По его лицу стало заметно, что он начинает подозревать что-то неладное. Вероятно, пока он искал меня, Джинни с Дэнни продолжали напиваться. Было ясно, что из нас троих больше всего на здравомыслящего взрослого похожа я.

– Мне очень жаль, – тихо ответил полицейский.

Я понимаю, что у него особо не было выбора, да мне и правда еще не исполнилось восемнадцати.

Так что я снова застряла с ними. Да, моими родителями были эти двое – лживые разведенные алкоголики, которые в последнее время были что-то не очень болтливы. Они заманили меня в ловушку и потребовали, чтобы я вернулась с ними в Розуэлл. Время, проведенное в аэропорту, пока они напивались в баре, казалось бесконечным.

Приземлившись в Розуэлле, мы сели в машину, которую родители оставили на стоянке, но отец был так пьян, что на

обратном пути его остановила полиция. Невероятно, но ему удалось отмазаться от полицейского, и нас отпустили (вообще, брат всегда говорил, что отец мог продавать кубики льда вместо эскимо, – и этот случай был доказательством). Когда мы добрались до дома, где отец жил вместе с дядей Бадди, спустились сумерки. Дядя тоже был пьян – он как раз вернулся после закрытия баров. Моргана нигде не было. Тогда я даже не могла смотреть на мать, которая почти не обращала на меня внимания: она была заинтересована исключительно в том, чтобы победить, и, как только она этого достигала, сразу переключалась на себя. Вскоре Бадди и отец начали драться, пьяно шатаясь по дому, и ситуация начала выходить из-под контроля. Когда я увидела, что отец достал пистолет и стал размахивать им перед Бадди, то решила, что с меня хватит. Было уже поздно, небо – черное и безлунное, но мир за пределами этого дома казался менее пугающим. Я шла четыре мили по неосвещенным дорогам, пока не добралась до дома бабушки Мари.

Было полвторого, и я переживала, что разбудила бабушку среди ночи. Родители, очевидно, взяли у нее деньги, чтобы купить билеты на самолет и «спасти» меня в аэропорту Альбукерке. Ей столько пришлось мириться с этими людьми и их поведением! Я извинилась за ночное вторжение и рассказала о случившемся, а она попросила позвонить Джинни, чтобы родители не волновались.

– Им на меня наплевать, – сказала я, зная, что говорю правду.

Сейчас, сорок лет спустя, я думаю об этой ситуации по-другому – все же они любили меня. Но любили так, как любили друг друга, единственным известным им способом: периодически и в зависимости от условий. Благодаря им я узнала, что любовь – это то, за что нужно бороться до конца. Она может быть отозвана в любую минуту по причинам, которые вы не можете понять и не можете контролировать. Та любовь, с которой я росла, была страшной, чтобы в ней нуждаться, и болезненной – чтобы чувствовать. Если бы у меня не было этой неприятной боли, этого колючего беспокойства, как бы я узнала, что это любовь?

Глава 7

Том взял меня на концерт новой группы The Kats – тогда эти ребята были очень популярны, а их главной звездой был гитарист из Миннеаполиса Фредди Мур. Этот человек изменил мою жизнь – ну, по крайней мере, фамилию.

Фредди писал для группы большую часть песен, а еще играл на гитаре и солировал. На сцене он был просто поразительным. Блондин с резкими чертами лица и проницательными голубыми глазами, которые делали его настоящим совершенством. В тот вечер я вернулась обратно в клуб, чтобы в одиночестве насладиться их исполнением, и была очарована Фредди. Мне казалось, что если бы я встречалась с кем-то настолько привлекательным, то, наверное, тоже стала бы привлекательной на его фоне. В перерыве между песнями я уводила Фредди в туалет, а через месяц рассталась с Томом и переехала к Фредди.

Спонтанность и беззаботность – вот как следует описать наше мгновенное влечение. Такое можно испытать только в молодости, когда кажется, что вся жизнь впереди, и не думаешь о последствиях. К сожалению, когда я уходила от Тома, то не отнеслась к нему с таким же вниманием, какое он проявлял ко мне, и не рассказала ему, что Фредди было двадцать девять и он женат на своей школьной возлюбленной из Миннесоты. Мне было всего шестнадцать, когда он бросил ее ради меня. Каким же все-таки эгоцентричным подростком я была! Меня не учили в детстве уважать институт брака, поэтому я увела Фредди, даже не подумав о его жене. С другой стороны, это он был почти вдвое старше, и именно он был женат. Но возраст – не показатель: на протяжении всей жизни я состояла в отношениях, где сила и зрелость не зависели от возраста.

Вне сцены Фредди был совершенно другим человеком: спокойным, собранным и очень дисциплинированным. Он всегда находил время на свою музыку. Периодически я тоже присоединялась к написанию новых песен – та, которую мы создали вместе, называется Changing, потом Фредди записал ее с Марком Линеттом, звукорежиссером Брайана Уилсона[31]. Продвижением его группы занимался какой-никакой, но менеджер, и когда мы стали встречаться, у них как раз был тур, в который они отправились на стареньком «Шевроле Субурбан» с задним прицепом, набитым музыкальным оборудованием. Я ездила либо в их машине – вместе с остальными музыкантами и их подружками, либо на своем разбитом «Фольксвагене», который купила. Машинка была еще та: с шезлонгами вместо задних

сидений, дырой рядом с педалью и отвратительной покраской. Мы каждую ночь ходили на концерты, затем возвращались домой и заваливались спать.

Я бросила школу и, соответственно, перестала работать на маму Тома, когда рассталась с ним. Менеджер предупредил Фредди, что, скорее всего, я встречаюсь с ним только из-за денег. Это было забавно, если учесть, что денег как таковых у группы не было. Мне хотелось доказать, что я сама могу обеспечивать себя. Однажды во время очередного концерта подруга рассказала мне о парне, который фотографировал обнаженных девушек для журналов. Я заинтересовалась, ведь на этом можно было неплохо заработать, к тому же меня убедили, что здесь эти журналы не продают, а отправляют в Японию.

– Главное – ври про возраст, – сказала подруга, и я решила попробовать.

Съемки проходили в темном старом промышленном здании в районе Западного Голливуда. Я волновалась по поводу того, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию, но в душе понимала, что сделать это надо. Гостиная показалась безвкусной: повсюду были разбросаны подушки, а в центре стояли диван и пара стульев. К счастью, фотограф оказался профессионалом и даже придавал мне смелости и старался научить позировать во всевозможных пикантных позах. Он рассказал, что в японских журналах запрещено размещать фотографии, на которых видны интимные зоны, и я успокоилась. Сниматься полуобнаженной – гораздо лучше, чем другая альтернатива. Фотосессия прошла успешно, хотя я чувствовала себя странно. Я никогда больше не делала фотографии ню для японских журналов.

Этот опыт стал моим первым шагом на пути к работе фотомоделью.

Вскоре после того, как мои фотографии начали печать в Японии, журнал Oui предложил мне сотрудничество – его импортировал журнал Playboy из Франции для привлечения молодых читателей. Деятельность этого журнала была официальной, поэтому мне необходимо было подписать обязательство о воздержании от предъявления претензий – в нем было указано, что как несовершеннолетняя я могу показать только ложбинку между грудей для фото на обложку, а позировать обнаженной мне запрещено. Я была полностью согласна на эти условия.

Во время одной сессии мне очень повезло поработать с известным фотографом Филиппом Диксоном. Он предложил посотрудничать с ним для нового выпуска, где нужны были

фотографии в купальном костюме. Меня это предложение немного смутило, потому что мое тело было далеко от идеала – нет тонкой талии, немного полновата, но Филипп сделал так, что выглядела я как настоящая красотка. Тогда мне пришла в голову идея – пока я учусь актерскому мастерству, могу работать моделью. Это было лучше, чем искать другую постоянную работу, чтобы содержать себя.

Я пошла в модельное агентство Elite Model Management со снимками Филиппа и парой портретных фото, со мной сразу же заключили контракт. Радости не было предела, хотя поначалу я не получала каких-то важных заказов: то фото для газетных объявлений в универмагах, то постер для фильма – например, для ужастика «Я плюю на ваши могилы» (1978). Денег со съемок было достаточно для моего скромного быта.

Это может показаться забавным, но именно работа моделью позволила мне почувствовать запах успеха, пробудила самоуважение и профессионализм и придавала мне сил. Это был мир со своими правилами игры, где важно, как я выгляжу и какой у меня размер одежды. Из этого можно сделать вывод, что главная моя ценность заключалась в привлекательности.

Я бросила театральный кружок – оказалось очень неудобно каждый раз встречать там Тома, к тому же было неприятно однажды услышать: «Ты недостаточно хороша, чтобы стать актрисой». Для кого-то самым страшным является прослушивание на роль, для меня же – неспособность оправдать чужие ожидания. В детстве мне всегда говорили бросать, если не получается, не давали возможности дойти до конца, и я не знала о таком понятии, как упорство. Но сегодня я без капли сомнения хочу сказать всем, кто желает реализоваться как актер: «Заявите о себе в классе, открывайте для себя что-то новое повышайте самооценку! Подумайте, в чем ваша особенность, и начните узнавать себя!»

Папа и Морган, которому исполнилось уже двенадцать, жили в Оушенсайде[32]. Мы с Фредди решили поехать к ним на Рождество. Когда подъезжали к самому дому, мое сердце сжалось от увиденного. Маленькая, унылая и невзрачная квартирка, но состояние папы было еще хуже – жуткое, как и вся обстановка в доме. Есть люди, на которых смотришь и даже не замечаешь, как им плохо, но по опухшему лицу отца, его сутулой осанке и блуждающим глазам стало ясно сразу – с ним что-то не так.

Помню этот рождественский ужин – как мы все сидим за столом, и я чувствую себя очень одиноко, оттого что мы проводим отпуск только с папой и братом, без других членов нашей семьи. Фредди, как я потом поняла, был всего на несколько лет моложе

папы, и поэтому испытывал неловкость, но он так вел себя не первый раз. Фредди можно назвать типичным жителем Миннесоты со скандинавскими корнями: тихий, практичный, закрытый. Не то чтобы я ему была безразлична, просто он не из тех, кто показывает свои чувства. Я была единственной за столом, кто пытался хоть как-то разрядить обстановку.

В качестве рождественского подарка папа презентовал мне случайный плакат, который не имел отношения ни ко мне, ни к нему. Он стал много пить, поэтому я беспокоилась за Моргана. Мне было страшно представить, как Дэнни о нем заботится, если учесть, что он постоянно пьян. Я смущенно рассказывала о разных событиях, которые произошли со мной, постепенно осознавая, что папа старался отводить от меня взгляд и не знал, что сказать в ответ.

Самым мучительным было не то, что Дэнни не был моим биологическим отцом, а то, что он не показывал свою любовь ко мне. Я жалею, что тогда не потянулась к нему, не взяла за руку, не посмотрела ему в глаза, не сказала, что он был и будет моим отцом с самого начала и до самого конца, а главное – что я люблю его.

Вскоре после нашего возвращения в Лос-Анджелес мне сообщили, что Дэнни в больнице, у него разрыв печени. В ту ночь он попытался сам доехать до отделения скорой помощи, но не смог: его нашли в машине – лежавшим на баранке без сознания. К счастью, это было недалеко от больницы, и его быстро госпитализировали. Он оправился после этого случая, но врач сказал, что у него хронические алкоголизм и панкреатит, поэтому ему немедленно необходимо прекратить пить. Отец был просто в ярости от такого заявления и начал угрожать врачу всем, чем мог, настаивая, чтобы тот не вносил эту информацию в его медицинскую карту. Наверное, выглядел он зловеще, потому что врач в итоге отменил свой диагноз, добавив при этом, что ему противопоказано употреблять красное мясо, после чего папа сразу же открыл счет в местной мясной лавке. Позже Морган сказал мне, что он начал есть еще больше красного мяса, чем раньше. Если ему что-то запрещали, он начинал делать это чаще и в больших количествах. Кажется, Дэнни хотел покончить с собой как можно скорее, он много раз говорил мне, что хочет умереть. У меня разрывается сердце, когда я думаю, каково было Моргану в двенадцать лет услышать от родного отца, что он хочет покончить с собой.

Год спустя в Нью-Мексико именно Морган нашел нашего отца в гараже. Он лежал на руле машины с работающим двигателем, после того как покончил с собой. Ему было тридцать шесть.

Я разрыдалась, когда узнала об этом. В тот момент мы с Фредди сидели за обеденным столом.

– Нет смысла плакать – ты ничего не можешь сделать, а случившееся уже не изменить, – сказал мне Фредди совершенно спокойным тоном.

Тогда он не подошел, чтобы хоть как-то утешить, не обнял, не сказал, что любит меня и что все будет хорошо.

Похороны в Розуэлле были сущим кошмаром. Вместо общей скорби началась ругань между семьями мамы и папы. Дело в том, что перед смертью отца родители вместе провели выходные, поэтому восемь его братьев и сестер были убеждены, что Джинни являлась непосредственной причиной его смерти. Были различные версии – начиная с того, что она довела его до самоубийства, и заканчивая предположением, что Джинни оставила его пьяным в машине, зная, что произойдет дальше. Дело дошло до подозрения в преднамеренном убийстве, и семья отца начала угрожать сдать Джинни полиции. Ситуация была просто отвратительной. Диана потом рассказывала, что даже ее муж, мой дядя Джордж, был уверен, что в случившемся виновата Джинни.

Правда заключалась в том, что, скорее всего, отец спланировал свою смерть до последней детали. Уровень алкоголя в крови был настолько высок, что его смерть можно было расценить как несчастный случай. Страховая компания вряд ли могла назвать это самоубийством – уж слишком он был пьян, следовательно, они обязаны сделать страховую выплату, которую папа собирался оставить Моргану. Я гарантирую, что отец провел расчеты и точно знал, сколько должен выпить, чтобы все произошло как надо. Это была его последняя афера – «на дорожку», так сказать. И, конечно, он хотел поскорее покончить с болью, которая стала для него невыносимой. Он понимал, что всех нас подвел, и, думаю, в глубине души верил, что так лучше.

Тем временем в доме моей бабушки мамины сестры без особого энтузиазма, но все же сплотились вокруг Джинни, чтобы проявить хоть какую-то солидарность. Мама включила режим жертвы, безудержно плача и желая быть в центре разворачивающейся трагедии. Она настаивала на одном костюме Дэнни для похорон, а Марджи, сестра моего отца, хотела, чтобы он был в другом, коричневом костюме, который выбрала она. С этого момента ситуация еще больше обострилась, Марджи отправилась в дом отца, забрала все ценное и спрятала от Джинни. Потом похоронное бюро предоставило машины для семьи, и мама настаивала на том, чтобы сесть в одну из них. Семья отца была в ярости.

– Она же больше не его жена, что она вообще здесь делает? – спросила сестра папы.

Ну и так далее. Казалось, что семья моего отца гневается не только на мою мать, но и на меня, будто я была продолжением Джинни. (На самом деле за все время пребывания там мы общались всего один раз – и это был спор из-за того, что я надену на похороны.) Все знали, что Дэнни не был моим биологическим отцом, и в какой-то момент мне показалось, что это имеет огромное значение. *Являюсь ли я вообще частью этой семьи?* Может быть, я была слишком чувствительна, но я чувствовала себя нежеланной. *Это нормально, что я здесь?* Не здесь, на этих похоронах, а здесь, на этой земле. *Это нормально, что я вообще родилась?*

Мой отец умер в октябре. В ноябре мне исполнилось восемнадцать. В феврале следующего года я вышла замуж за Фредди. Это было очень запутанное и напряженное время, и наша свадьба показала, насколько спонтанным было решение жениться. Диана и Джордж были единственными моими родственниками, которые присутствовали на церемонии. В тот день на мне были винтажное платье и вуаль с вплетенными в нее цветами. Местом церемонии стала какая-то маленькая испанская церковь в Лос-Анджелесе, не помню где.

Часть II
Процветание

Глава 8

Пока мой брак близился к разводу, в моей жизни произошел ряд изменений, что в дальнейшем отразилось на перспективах карьеры. И первым таким событием была встреча с Джоном Касабланкасом – легендарным основателем сети модельных агентств Elite. Он взял меня вместе с другими девушками в Нью-Йорк. Поездка была безумно волнительной. Меня привезли в этот город, помогли обустроиться, заплатили за новые портретные фото, специально сделанные для модной индустрии в Нью-Йорке. После чего оправили на кастинги и встречи с потенциальными клиентами. Сам город был огромный и устрашающий. А как в нем воняло! До сих пор помню момент, когда впервые в районе Манхэттена увидела пар, поднимающийся из канализации. Я представила, будто там настоящий подземный мир, где днем и ночью пылает огонь.

Фредди поехал со мной, и у меня по этому поводу были смешанные чувства. Было страшно ехать в Манхэттен совершенно одной. Но с другой стороны – я волновалась, что у ребят из группы Фредди The Kats во время его отсутствия дела пойдут не очень хорошо. Конечно же, он сообщил остальным о своей поездке в Нью-Йорк, и они договорились о других концертах. Я переживала за Фредди, так как он поставил все на мою карту. Тем временем я была вне себя от радости, черт возьми! Появилась возможность покинуть неприятный мир – мир моего прошлого – и шагнуть в яркий мир успеха, где, как мне казалось, все живут счастливой, нормальной жизнью. (Ага!) Мы с Фредди развивались в разных направлениях, и вскоре начали отдаляться друг от друга.

В Нью-Йорке я провела несколько месяцев. За это время мне удалось получить роль в рекламе, после чего мы переехали в маленькую квартиру в районе Верхний Вест-Сайд. В последний день съемок я почувствовала знакомое мне стеснение в теле, что указывало на развитие почечной недостаточности. Но я старалась внушить себе, что все дело в слишком ярком свете софитов.

По нашему графику мы должны были вернуться в Лос-Анджелес на следующий день. Во время приземления самолета мое тело стало отекать, мне казалось, что я надуваюсь, как воздушный шар. Фредди не знал, что делать, но, к счастью, из аэропорта я смогла дозвониться до моей тети. Вместе с ней мы направились в отделение скорой помощи при Калифорнийском университете. В моем теле скопилось так много жидкости, что от отеков у меня остались растяжки на ногах.

Этот приступ был другим. В тот момент об этой болезни знали уже достаточно, чтобы не держать меня в больнице несколько месяцев. Как только мне стало лучше, меня отправили домой, дав при этом большую дозу преднизона[33]. Было и еще одно отличие: раньше приступы являлись следствием измен моего отца, а на этот раз изменила я. Мой организм не смог скрыть это, как бы я ни старалась.

В ночь перед нашей свадьбой, вместо того чтобы репетировать клятву, я болтала по телефону с парнем, с которым познакомилась на съемочной площадке. И сбежала со своего девичника, отправившись к нему домой.

Почему я так поступила? Почему просто не пошла к человеку, с которым собиралась провести остаток жизни, и не поделилась своими сомнениями? Потому что не могла смириться с мыслью, что выхожу замуж только затем, чтобы не думать о смерти моего отца. И понимала, что пути назад нет. Я не могла отказаться от замужества, но сорвать его могла.

Вот только это не срыв, если о нем никто не знает. В конечном итоге получилось так, что я сделала хуже только самой себе.

Через несколько месяцев в моей жизни случилось еще одно большое событие – проба для телесериала «Главный госпиталь»[34]. Я никогда не смотрела мыльные оперы, но понимала, насколько важна эта проба. Начну с того, что этот сериал был лучшим на дневном телевидении. Кроме того, о «Главном госпитале» много писали в прессе, поскольку актриса Джини Френсис, сыгравшая знаменитую Лауру Спенсер, собиралась покинуть телесериал. А знаменитая актриса Элизабет Тейлор собиралась сняться в эпизодической роли. Я очень волновалась, когда стала читать про эту мыльную оперу. На тот момент ее уже в течение двадцати лет показывали по телевизору. Я представила себя у бассейна на Кингз-роуд читающей сценарий моей соседке по дому Настасье Кински. Это помогло мне перестать бояться. Мне нравилась моя роль: Джеки Темплтон – резкая, серьезная и отважная девушка, работающая репортером. Им хотелось видеть кого-то наподобие Марго Киддер, которая играла Лоис Лейн в фильме «Супермен»[35]. Этот фильм был очень популярен несколько лет назад. У меня были темные волосы, зеленые глаза и кое-что еще, а именно – хрипловатый голос, в котором было что-то убедительное. Наверное, эта легкая сиплость одновременно подчеркивает твердость и слабость характера.

И я получила роль, испытывая при этом радостную эйфорию и страх. Джеки Темплтон должна была стать для меня

действительно важной ролью. Вообще, играть в мыльной опере – большой труд, который отличается от работы в других телевизионных программах и фильмах. Только в мыльных операх актер должен заучить тридцать страниц текста, чтобы отснять все это в один день. Возможно, нам могли бы давать сценарий примерно за два дня, но существовал организационный предел того, сколько диалогов можно реально подготовить за день вперед. На выходные могли дать несколько сценариев сразу, чтобы понять, как развивается сюжет. А обычно было так: вот ваши сцены – разберитесь с ними.

Оно того стоило. Впервые за всю свою жизнь я знала, что конкретно могу себе позволить купить из еды или одежды, хватит ли мне денег, чтобы оплатить коммунальные услуги и аренду квартиры. Когда я начала сниматься в телесериале, мне было стыдно приезжать на студию на своем стареньком «Фольксвагене». Поэтому я парковалась на ближайшей улице, а потом шла пешком вдоль ворот. Помню, как мне стало неловко, когда один из охранников спросил:

– Вы знаете, что парковаться можно на нашей парковке, да?

И я поняла, что он видел меня в машине. Первой покупкой, когда я накопила достаточно денег, стала новая серебристая «Хонда Аккорд». И меня переполняла гордость, когда я проезжала мимо охранника, чтобы припарковать автомобиль.

«Главный госпиталь» стал для меня школой жизни, в которой для начала нужно было разобраться. И риска здесь было намного больше. Я понимала, что мыльная опера могла изменить мою жизнь к лучшему. Не хотелось, чтобы люди видели во мне слабость. Со стороны казалось, что я добивалась всего, чего хотела, но в это время мой внутренний компас искал направление, чтобы преодолеть неуверенность в себе. И я начала пить.

В течение дня у нас всегда было свободное время, пока записывали кадры с другими героями. Но этого времени было недостаточно, чтобы выйти из здания и куда-нибудь сходить. Поэтому я проводила время с Энтони Гири – он играл Люка Спенсера. Когда нам не нужно было на съемочную площадку, мы сидели у него в гримерке. Энтони всегда ходил с каким-нибудь ликером, который он смешивал с кока-колой, чтобы никто не заметил. Я никогда не отказывалась выпить с ним – как-никак он был звездой этого сериала. И получается, если звезды себе такое позволяют – значит, это нормально.

Дома у нас с Фредди не было ничего из спиртного, кроме обычного пива. Проблема была в том, что, как только я начинала пить, остановиться было сложно. Не было у меня внутреннего

голоса, который говорил бы: *«Достаточно, Деми»*. Не было ограничений. Однажды мы с Фредди отправились на концерт новой музыкальной группы New Wave. Я выпила один коктейль, затем взяла еще и еще. Когда концерт закончился, мы прошли за кулисы, где у меня завязался разговор с кем-то из группы. А потом я потеряла сознание. Помню, что после этого Фредди кричал на меня. Понятия не имею, что я ему ответила, должно быть, что-то неприятное.

– Убирайся отсюда! – закричал он. – Убирайся к чертовой матери!

Это быстро отрезвило меня. Все повернулись в нашу сторону, когда Фредди потащил меня к двери. Подобное унижение, связанное с выпивкой, было первым.

Одно дело – когда ты вечером выпиваешь в клубе, а другое – когда занимаешься этим на работе.

Меня вместе с другими звездами «Главного госпиталя» пригласили на пресс-конференцию для преданной аудитории телесериала. Все началось в самолете, когда я начала заказывать напитки у стюардессы, потом добралась до отеля и осушила весь мини-бар. Я была так пьяна, когда началась пресс-конференция, что не могла стоять на ногах.

На следующий день я чувствовала себя ужасно. Зависимость от алкоголя вызывала в памяти моих родителей и делала нас похожими, напоминая о месте, откуда я пришла, а я не хотела возвращаться назад, – только вперед, в будущее, которое себе представляла. И я резко бросила пить.

Приступ номер три случился сразу после того, как мне исполнилось двадцать, в 1982-м, тогда я как раз проходила прослушивание на роль в моем первом фильме и в конечном итоге ее получила. Я всегда мечтала сниматься в большом кино, поэтому было очень волнительно осознавать, что я буду играть в картине «Во всем виноват Рио». У меня впервые в жизни появился паспорт, поскольку съемки проходили в другой стране. Это была огромная студия под руководством знаменитого режиссера Стэнли Донена, который создал такие культовые кинофильмы, как «Поющие под дождем», «Чертовы янки», «Шарада». Знаменитая Валери Харпер должна была сыграть мою мать, а я буквально росла на телесериалах с ее участием, таких как «Шоу Мэри Тайлер Мур» и «Рода». Моего отца играл Майкл Кейн, но я тогда еще не понимала, что мне выпала возможность работать с одним из величайших актеров всех времен, я просто была очень взволнована. Я договорилась о трехмесячном перерыве для себя в съемках «Главного госпиталя», чтобы сняться в фильме.

Я отправилась в Бразилию с чувством, которое испытывала

уже не раз, – жизнь с чистого листа. Со мной происходило что-то совершенно новое. Мне понравился принцип работы: если что-то не получалось отснять с первого раза, мы шли дальше по сценарию – нам не давали сразу исправить сцену. А если все получалось? Ну что ж, в этом случае просто наслаждаешься моментом, потому что все закончится раньше, чем успеешь оглянуться.

Мы остановились в большом отеле на пляже Ипанема и в первый же вечер встретились за ужином. Там были Майкл Кейн, его жена Шакира, элегантная, экзотичная и утонченная – действительно что-то особенное для восприятия обычного ребенка из Нью-Мексико. Джозеф Болонья, другой исполнитель главной мужской роли, был настоящим джентльменом и относился ко мне с особым вниманием. Хотя, по правде говоря, все старались сделать так, чтобы я чувствовала себя комфортно. Меня переполняло волнение, но я держала все внутри, пытаясь выглядеть спокойной и соответствовать их ожиданиям. Я сказала себе: «Не облажайся. Сиди спокойно, смотри и учись».

Что же касается фильма, то это было воплощение самых грязных фантазий развратного старика, его бы ни за что не стали снимать сегодня, а тогда это считалось нормальным. Я играла семнадцатилетнюю девушку, которая с лучшей подругой проводила каникулы в Рио. Во время этих каникул подруга соблазняла моего отца. Джозеф Болонья играл друга моего отца, а я была актрисой второго плана. Главной героиней была Мишель Джонсон – молодая модель, которую вытащили из никому не известного города Финикса в штате Аризона. Мне кажется, что главным козырем на кастинге была ее грудь, но в то время это было само собой разумеющимся. Она показалась мне совершенно невинной. И несмотря на то, что я была лишь немного старше, я чувствовала себя старухой по сравнению с ней.

Во время съемок я познакомилась с классной местной девушкой по имени Зезе, она просто так участвовала в массовых сценах. Зезе была из богатой семьи, хорошо образована и прекрасно говорила по-английски. Мы стали друзьями и весело проводили свободное время – она показывала мне окрестности Рио, водила в рестораны и знакомила со своими друзьями. Вместе с ними я начала ходить на вечеринки, и это было просто потрясающе.

Без Фредди я была собой – никто не знал о моем прошлом, так что я могла без какого-либо давления пробовать понять себя и то, кем я хочу стать. Это было пробуждение во многих отношениях, которое, к моему сожалению, сопровождалось большим количеством кокаина. Пока я была в Бразилии, я чуть не

сожгла свои ноздри этой штукой.

Меня поселили в очень хорошем отеле и давали суточные, так что жить было легко, а стало еще легче, когда Зезе сказала, что я могу снять меблированную квартиру. Она помогла мне найти отличный вариант с видом на пляж. Мы подружились с Питером – молодым парнем, который работал во второй съемочной группе фильма, и он стал моим соседом по квартире. Мы с Питером поделили арендную плату пополам, и я откладывала некоторое количество карманных денег на кокаин. Его покупали мои бразильские друзья – они знали, где искать хорошие наркотики. Казалось, что все в Рио нюхали кокаин и пили – по иронии судьбы, за исключением меня. Я не пила, потому что знала, что не смогу себя контролировать, что это небезопасно для меня. Но при этом я даже не задумывалась о последствиях употребления кокаина. В моем ошибочном понимании, это помогало мне чувствовать себя бодрой, полной сил и творчества – в чем же проблема? Тем более что у меня было достаточно денег, чтобы обеспечить себя всем необходимым, а в фильме у меня была относительно небольшая роль, следовательно, оставалось больше свободного времени, чтобы отдыхать.

Эта сказка длилась несколько месяцев. Зезе стала моим другом на всю жизнь, мы до сих пор поддерживаем связь. А в те дни мы все время тусовалась вместе с Питером, Зезе и ее другом Паоло, красивым бразильским мальчиком. Мы веселились в нашей квартире, ходили на пляж и гуляли по городу. Я как-то даже забыла, что была замужем, вплоть до того момента, пока однажды ночью не оказалась в постели с Питером. (Мы оба сразу поняли, что это ошибка, да и случилось это всего лишь один раз.) У меня были настоящие приключения, я набирала популярность, делая карьеру, и никогда не чувствовала себя настолько свободной.

Свобода, которую я ощутила благодаря наркотикам, вместе с моей молодостью, дерзостью и беспечностью подтолкнула меня выйти за рамки привычного. Предполагалось, что в фильме будет сцена, где моя героиня летит на дельтаплане, но из-за страховки продюсеры настаивали на дублере. Питер был вторым режиссером, и я предложила ему: «Давай я это сделаю сама, без каскадера». Моя идея могла стоить ему работы, могла поставить фильм под угрозу. Но она сработала, несмотря на то что появилась благодаря безрассудству, подпитанному наркотиками. Я натянула ремни, побежала прямо к краю скалы – и вот передо мной уже невероятный вид Атлантического океана.

Глава 9

Несмотря на все мои похождения в Бразилии, у меня все же было какое-то представление о честности. Человек, которым я хотела стать, не должен был врать. Вернувшись со съемок, я была полна решимости рассказать Фредди всю правду и взять на себя ответственность за все, что сделала. Я призналась в том, что произошло с Питером, и сказала, что наши отношения зашли в тупик.

Фредди был в ярости из-за того, что я подвела его в нашем браке. Мне хотелось поступить правильно при разводе, поэтому я согласилась платить ему алименты в течение года. Впрочем, он недолго оставался один. Еще в самом начале наших отношений он давал уроки игры на гитаре, чтобы подзаработать, и одной из его учениц была четырнадцатилетняя сестра его друга. Я сразу заметила, что между Фредди и Рене что-то есть, несмотря на то что он вдвое старше.

– Держу пари, если мы с Фредди расстанемся, вы будете вместе, – сказала я однажды в шутку.

Рене смутило это высказывание, а Фредди очень сильно разозлился, что я расстроила ее, но, как только мы с Фредди развелись, они стали парой и по сей день ею являются.

Развод был моей идеей, однако после него я чувствовала себя брошенной на произвол судьбы. Один друг одолжил мне свою квартиру в Марина-дель-Рей, и я ночевала там, пока не нашла себе жилье. Именно в этом месте мне исполнился двадцать один год.

Я не была по-настоящему близка ни с кем из «Главного госпиталя» и вернулась только для того, чтобы отработать оставшуюся часть контракта после возвращения из Бразилии. Потом я взяла второй отпуск, чтобы сняться еще в одном фильме, но с ним ничего не вышло. К этому моменту меня вычеркнули из предстоящей сюжетной линии «Главного госпиталя». И у меня не осталось ничего, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Я снова начала пить, и за этим последовали сложные времена. Однако перед миром я представала такой же, как всегда, – бодрой, уверенной, смелой. Кстати, купила мотоцикл «Кавасаки» и носилась на нем по всему Лос-Анджелесу без шлема и прав.

Мое легкое влечение к кокаину переросло в зависимость. Я никогда бы не подумала, что назову себя наркоманкой. Я получала порции кокаина от дантиста – хорошие порции, если учесть, что его тогда днем с огнем было не сыскать. Позже я стала

получать кокаин через моего бизнес-менеджера. Мне кажется невероятным, что человек, консультировавший меня по финансовым вопросам, ни разу не обратил мое внимание на то, сколько я трачу на наркотики, однако он и сам любил ими побаловаться. В конце концов я расторгла наше соглашение с ним, но не раньше, чем потратила большую часть своих денег.

К счастью, я получила главную роль в фильме «Только большое чувство» – это была молодежная романтическая комедия студии Columbia Pictures. Я играла молодую певицу из ночного клуба, а Джон Крайер – девятнадцатилетнего фотографа, который влюбляется в нее. Это была его первая роль в кино. В реальной жизни Джон тоже влюбился в меня, и во время съемок он благодаря мне потерял свою невинность. Неприятно думать о том, как бессердечно я относилась к его чувствам, ведь я украла у него то, что могло бы быть таким важным и прекрасным. Тогда я была не в том состоянии, чтобы заботиться о чьих-то чувствах, мне хватало своих проблем. У меня был период, когда моя жизнь наполнялась бессмысленностью, я не помнила, как просыпалась, не знала, где нахожусь, долго вспоминала, должна ли идти на съемки через час или нет. Потом, конечно, приходилось кому-то звонить и просить, чтобы меня забрали. В общем, все было как в тумане.

Крэйг Баумгартен, руководитель студии Columbia Pictures, взял меня под свое крыло, когда у нас завязался серьезный роман. Он на некоторое время уезжал и предложил мне остаться в его доме, и я очень насторожилась, когда он пригласил меня осмотреть его. Тот факт, что я не спала с ним, а он не подталкивал меня к этому, много значил. Кажется, он искренне любил меня, но с его стороны все же было безумием позволить мне остаться в его огромном доме на Беверли-Хиллз. И еще большим безумием был момент, когда он дал мне ключи от «Ягуара» его жены. Тогда он сказал, чтобы я взяла машину и просто покаталась, так я и сделала, радуясь возможности с шиком проехать через весь Лос-Анджелес. Слава богу, я не разбила эту машину.

Чуть позже я отправилась искать новый дом. Постоянные переезды казались мне сущим кошмаром, мне хотелось иметь свое гнездышко. И я нашла идеальную крошечную двухкомнатную квартиру с черно-белым линолеумом на полу в кухне. Фасад дома был полностью скрыт забором, увитым вьющимися виноградными лозами, располагался дом очень уединенно и внутри был безупречно чистым. Мне там очень понравилось. У меня никогда не было дивана в гостиной, и во второй спальне лежал только матрас на полу, но дом стал тем

местом, куда я могла вложить свою энергию и где испытывала чувство независимости. Это было первое место, которое стало только моим.

Как и следовало ожидать, через несколько недель после переезда на моем пороге появилась мать со своим новым молодым парнем и Морганом. Она сказала, что им нужно где-нибудь пожить, пока она ищет квартиру. Джинни оказалась еще хуже, чем раньше. Они остались в моем крошечном домике на несколько недель, но я знала, что если позволю им задержаться еще немного, то никогда не вытащу их оттуда. Я бы не возражала, если бы это был только Морган. Думаю, что мои подруги тоже, ведь ему было уже шестнадцать, и из хрупкого маленького мальчика, которого я знала, он превратился в настоящего красавца. Теперь он учился в военной школе Розуэлла. И хотел, чтобы в его жизни присутствовали систематичность и здравомыслие, что я отлично понимала.

И я сказала Джинни, что пришло время собирать чемоданы и покинуть мой дом.

Мне позвонила мой агент Хильди Готлиб и сообщила, что компания Sony хочет, чтобы я прошла прослушивание для нового фильма Джона Хьюза – этот человек сделал себе громкое имя благодаря нескольким фильмам о подростках: «16 свечей», «Клуб “Завтрак”», «Ох уж эта наука!». Утром в день прослушивания я села на мотоцикл и поехала на студию, где Хьюз проводил общий кастинг. Я отлично справилась, но, как мне показалось, Хьюза это не впечатлило, поэтому на роль я могла не рассчитывать.

Удаляясь, я услышала сзади торопливые шаги.

– Мисс, мисс, – раздался чей-то голос.

Но я не остановилась, полагая, что этот парень зовет какую-то другую мисс. Я спускалась вниз по лестнице, когда он догнал меня, тяжело дыша.

– Вы – актриса?

– А кто спрашивает?

– Джоэл Шумахер, мой босс.

Джоэл будет еще много лет снова и снова рассказывать эту историю, после того как журнал Vanity Fair процитировал его в статье 1991 года, где он упомянул девушку-вспышку, бегущую вниз по лестнице. У девушки были длинные черные волосы до талии, и она обладала невероятной красотой, как молодая скаковая лошадь. Поэтому он послал за ней своего помощника и попросил почитать роль Джулс в его новом фильме от Columbia Picture под названием «Огни святого Эльма».

Джулс, как и следовало ожидать, была тусовщицей с кокаиновой зависимостью. Она (выпускница Джорджтаунского

университета) и семеро ее друзей пытались найти свое призвание во взрослом мире. Они регулярно встречались в баре «Огни святого Эльма». В фильме была особая атмосфера, он должен был стать действительно чем-то особенным. Казалось, что вслед за фильмами Джона Хьюза, которые были так популярны, на экране появилось целое новое поколение. В «Огнях святого Эльма» снимались Роб Лоу, Эмилио Эстевес, Элли Шиди, Джадд Нельсон, Мэр Уиннингэм, Эндрю Маккарти и я.

Память, особенно одурманенная кокаином, – странная штука. По словам Роба, у нас был страстный роман, а я смутно помню только одну опрометчивую ночь, проведенную вместе. Несмотря на это, все равно приятно, что он комплиментарно описывал нашу молодость. По правде говоря, я поладила со всеми актерами этого фильма, а с некоторыми мы продолжаем общаться до сих пор, но лишь одного человека я могла тогда выделить – это был Эмилио.

Мы познакомились в день проб, и у нас сразу завязался разговор. Он обладал спокойной уверенностью, что меня очень в нем привлекало, был сдержанным, но в то же время с отличным чувством юмора. И мне очень нравилась его внешность: золотистые волосы, проницательные голубые глаза, прекрасные черты лица и широкая грудь. Когда начались репетиции, мы стали встречаться.

Эмилио был дисциплинированным человеком, пил только по случаю, не курил и не принимал наркотики, поэтому я старалась скрыть мою темную сторону. В то время в Лос-Анджелес переехала Зезе, и мы стали жить вместе, а следовательно, еще больше употреблять наркотиков, но, если честно, больше стала употреблять именно я – примерно восьмую часть унции[36] каждые два дня.

Наверное, обо мне поползли слухи, поскольку однажды я пришла на примерку, и внезапно в гардеробе появился Джоэл Шумахер со словами:

– Если я хоть раз увижу, что ты нетрезва, уволю!

Это прозвучало очень громко и в присутствии моих коллег. Затем он развернулся и вышел из комнаты. Мне будто дали пощечину – то, как Джоэл отчитал меня на глазах у всех, было унизительно, и мне стало настолько стыдно, что я почувствовала физическую боль.

Вскоре после этого случая позвонил Крейг Баумгартен, который «одолжил» мне свой дом и до сих пор вроде как присматривал за мной. По крайней мере, отчасти потому, что у него был профессиональный интерес к съемкам фильма «Огни святого Эльма». Однажды он подошел и твердо, но с какой-то

таинственной ноткой сказал:

– Смотри, план таков. В Редондо-Бич есть одно местечко, тебе необходимо завтра быть там. Приезжай, если не будешь умирать к тому моменту. Тебя будут ждать.

Я не знала этого места, но он дал мне адрес. Говорил он серьезно – я это поняла, когда его ассистентка сообщила, что встреча назначена на следующее утро и она сама отвезет меня туда.

В этот день я уже планировала поужинать с Тимом Ван Паттеном и его другом в суши-ресторане на Мелроуз. Мы познакомились с Тимом на съемках пилотной серии сериала, который так никогда и не вышел. Сначала я старалась не пить алкоголь – это было моим правилом, но, наблюдая, как Тимми и его друг выпивают, подумала: *«Какого черта?»*

Одна рюмка за другой, и вот я уже в соседнем баре и рассказываю Тимми разные шутки, например, о влиянии алкоголя на кокаин, а потом вскользь произношу:

– Я – наркоманка.

Наверное, мне показалось, что это хорошая шутка, но шуткой здесь и не пахло. Я никогда раньше не признавалась в этом себе, и я заплакала, резко перестав смеяться, ведь это была чистая правда.

Должно быть, он отвез меня домой, потому что последнее, что я помню, – как лежу на полу в ванной, а Зезе пищит как сумасшедшая от такой находки.

– Во мне сидит демон, и я должна его вытащить! – бормотала я ей.

Зезе удалось уговорить меня лечь в постель – должно быть, она была ужасно напугана.

Проснувшись на следующее утро, я вспомнила о назначенной встрече. Однако, не раздумывая, пошла на поиски остатков кокаина. Это было то, что я съела на завтрак. Помощница Баумгартена подобрала меня и отвезла по адресу в Редондо-Бич. Это оказалась больница. Я отчетливо помню, как поднималась на лифте и шла по длинному коридору к вывеске с надписью: «Реабилитационный центр для алкоголиков».

Моя внутренняя реакция была: «Нет, с алкоголем проблемы у моей мамы, а я – наркоманка». Но мне было приказано явиться в реабилитационный центр, пока я не умерла, и, возможно, я понимала, что это нужно сделать, но еще больше я хотела защитить свою карьеру.

В 1984 году курсы реабилитации были не сильно развиты. Клиника Бетти Форд[37], которая для многих является лучшей в этой сфере, открылась только два года назад. В моей клинике

Редондо-Бич многие пациенты пили всю свою жизнь, и у них было много историй на этот счет, которыми можно было поделиться. Я такими достижениями, конечно, похвастаться не могла, мне ведь был всего двадцать один год, однако с алкоголизмом я боролась уже три года, а наркозависимость у меня была в течение двух лет, и это не значило, что мои проблемы были незначительными. Когда начальница приемного отделения сказала мне, что их программа продлится тридцать дней, я была в шоке. Тридцать дней! С моей работой это было просто несовместимо.

– Через шесть дней у меня начинаются съемки.

– И что же важнее – съемки или ваша жизнь?

– Конечно, съемки.

– Никаких съемок не будет, если не сохранить жизнь.

Меня намеревались положить в клинику в тот же день. Я была просто вне себя от страха и попросилась выйти в туалет. В кабинке я нервно рылась в сумочке в поисках колы, чтобы промочить горло. Затем вернулась в кабинет и сказала, что не могу не сняться в этом фильме, ведь это все, что у меня осталось.

Я не знаю, было ли по мне видно, что для меня это важно, но, изучив мое лицо за пару минут, она сказала:

– Останьтесь хотя бы на ночь.

Персонал клиники явно планировал госпитализировать меня в тот же день, поскольку была уже собрана сумка с самыми необходимыми вещами, которых мне должно было хватить на месяц, – наверное, это сделала ассистентка. Подход этой клиники был продуман до мельчайших подробностей, поэтому даже если бы вы и хотели возразить или найти отговорку, они все равно нашли бы способ решить проблему. Можно сказать, что пациента загоняли в угол.

На следующий день меня снова вызвали в приемное отделение – там сидели Джоэл Шумахер и еще два продюсера фильма. Мне и в голову не приходило, что за всем этим стоят они. Какое им дело, буду я сниматься в их фильме или нет? Ведь я была никем, это был всего третий студийный фильм с моим участием. Более того, нас было семеро в актерском составе, что меняла я? Но они, по-видимому, приехали, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, – как я понимаю, у них был план. Я могла начать сниматься после пятнадцати дней воздержания, а также при условии выполнения требований и задач, которые обычно можно разрешить за тридцать дней. И еще после клиники в течение съемок со мной должен был находиться консультант (24/7).

По сей день я верю, что здесь не обошлось без божественного вмешательства. Сомневаюсь, что я бы прошла курс лечения, если

бы мне пришлось отказаться от фильма. Просто я недостаточно ценила себя, но фильм, поставленный на карту, и таких людей, как Крейг Баумгартен и Джоэл Шумахер, я подвести не могла. Теперь у меня было что-то гораздо большее, чем я сама.

Так я и сделала – выполняла абсолютно все, что от меня требовалось. Согласившись на такое сотрудничество, я должна была много работать. Я ходила на групповые и индивидуальные консультации, на собрания анонимных алкоголиков, полностью прошла 12-ступенчатую программу восстановления. Был даже семейный сеанс, на котором присутствовали моя мать и брат. Мне пришлось излить свою обиду на Джинни, но и в этой обстановке было ясно, что она не способна по-матерински понять меня. Так что я просто сделала все, что требовалось, и покончила с этим. Забавно вспоминать, как мне пришлось извиняться за проблемы, которые я могла бы причинить ей из-за моей зависимости.

Пятнадцать дней спустя я пошла на репетицию вместе с моим заботливым консультантом. Эта женщина подстраивалась под все условия моего «освобождения» из реабилитационного центра, оставалась со мной днем и ночью, пока мы снимали дубли в разных местах Вашингтона, округ Колумбия, и вокруг кампуса Мэрилендского университета, который мы считали Джорджтаунским. Она была очаровательна, и забота, с которой она ко мне относилась, напоминала мне время, когда я жила с бабушкой в Розуэлле. Снова у меня появилось это драгоценное успокаивающее чувство – кто-то заботится обо мне, кого-то волнует то, как я живу. Шумахер больше не стал останавливаться на моих проблемах и сосредоточился на мне как на актрисе – это было лучшее, что он мог сделать. Крейг и Джоэл поступили удивительно великодушно, поддержав меня.

В то время лечение от алкоголизма было еще анонимным, никто не признавался, не кричал на весь мир, что проходит курс реабилитации, и я изо всех сил старалась держаться в тени и просто быть частью группы. Кроме нас семерых были и другие молодые актеры – они тоже снимались в фильмах и приходили на нашу съемочную площадку и вечеринки, которые мы устраивали. Среди них были Молли Рингуолд, Мэтт Диллон, Шон Пенн и его брат Крис. В прессе нас прозвали «бандой сорванцов», и я просто терпеть не могла это прозвище, поскольку оно подразумевало, что мы все еще избалованные и беззаботные подростки. Я никогда даже близко не была избалованной и уж точно не собиралась беззаботно веселиться.

Как только я приняла решение покончить с алкоголем и наркотиками, мне стало намного легче. Курс завершился, и я

больше не хотела каждое утро пытаться вспомнить, чем занималась прошлой ночью. Больше не хотела попадать в неловкие ситуации, забываться с помощью алкоголя или пополнять энергию кокаином, я хотела сама проживать свою жизнь и полностью посвятить себя этому процессу. Духовность всегда представляла для меня интерес, чего я не готова сказать про религию. Как только на курсах мне рассказали, что одним из принципов общества анонимных алкоголиков является доверие богу – такому, «как мы сами его понимаем», я осознала – вот она, точка соприкосновения.

Общество анонимных алкоголиков помогло мне лучше узнать моих родителей. Одним из главных терминов курса было понятие «делать географию». Когда такие люди, как мои мама и папа, постоянно переезжают, вместо того чтобы решать проблемы, они не понимают, что каждый раз забирают эти проблемы с собой. «Если вы делаете то, что всегда делали, вы получите то, что всегда получали» – еще одно правило общества, которое поразило меня, потому что идеально отражало подход моих родителей к жизни и то, какими последствиями все заканчивалось снова и снова.

Фильм «Огни святого Эльма» получил положительные отзывы. Газета The New York Times назвала его «лучшим фильмом, который можно поместить в капсулу времени в этом году, чтобы показать, чего и кого хотят молодые зрители». Кассовые сборы были тоже хорошими, поэтому в конечном счете фильм стал своего рода классикой той эпохи и важным рассказом о совершеннолетии. Он определенно дал огромный толчок моей карьере.

Лично для меня «Огни святого Эльма» навсегда останутся фильмом, который изменил мою жизнь. Не раз я задавалась вопросом: если бы я тогда не отправилась в реабилитационный центр ради съемок, была бы я еще жива? И хотя я не думала: *«Черт возьми! Я в ударе!»* — в то время у меня действительно было ощущение, что меня что-то ударило.

Глава 10

Наши отношения с Эмилио стали еще серьезнее после того, как я бросила пить. Мы встречались примерно шесть месяцев, после чего решили обручиться, и я переехала в его многоквартирный жилой дом в Малибу. Эмилио был очень милым и внимательным, мне кажется, что главной причиной моего переезда стало то, что мне хотелось обрести семью, а у него как раз были хорошие отношения с близкими. Его родители жили неподалеку, и, когда я впервые встретила Эмилио, он все еще жил дома со своей матерью Джанет – она была художницей. Его отца, Мартина Шина[38], при рождении звали Рамон Эстевес, младшую сестру – Рене, братьев – Рамон Эстевес и Чарли Шин, последний взял сценический псевдоним своего отца. Все члены семьи Шин/Эстевес были актерами, за исключением их матери Джанет. Актерская игра всегда казалась мне работой, но они считали ее формой искусства, поэтому я ловила каждое слово, стараясь впитать хоть немного их серьезности и страсти.

Мартин вновь обратился к католицизму после перенесенного в тридцать шесть лет сердечного приступа, что впоследствии помогло ему преодолеть алкоголизм – меня это очень вдохновило. Джанет была здравомыслящим человеком, можно сказать, она являлась опорой для всей семьи. Но особенно мне нравился Чарли – умный, сообразительный, настоящий артист, полный разного рода эмоций и переживаний. Когда Чарли показал несколько своих стихов, я была поражена, насколько чувственным он был. Такого Чарли – более мягкого, впечатлительного, эмоционального – многие никогда не видели. Перед нами всегда был дерзкий и пафосный парень – стоит просто вспомнить его участие в фильме «Взвод».

Мы с Эмилио часто ходили в гости к его семье, чтобы поужинать или провести с ними выходные. Но я никогда не чувствовала себя частью семейного круга – скорее всего, дело было во мне, а не в них. (Позже я виделась с его матерью, и выяснилось, что она думала обо мне совсем иначе, чем мне казалось.) Я была не их уровня – недостаточно образованна, умна и тонка. Я никогда больше не встречала людей с такими твердыми принципами, как у Мартина, – он был политическим активистом, и его неоднократно арестовывали за антивоенные протесты, участие в демонстрациях против ядерной политики, выступления в поддержку Сесара Чавеса и так далее. Я была очарована всем этим, но редко поддерживала политические дискуссии за столом, понимая, что мне есть чему поучиться, но

добавить, по сути, нечего.

Эмилио и его семья во многом оказали на меня хорошее влияние. Он терпеть не мог сигареты, поэтому я бросила курить. К сожалению, как и большинство людей, бросивших курить, я начала набирать вес, ведь у меня больше не было «опоры» в виде сигарет. Это обернулось для меня проблемой летом 1985 года, когда я получила роль в фильме «Одно безумное лето» и должна была большую часть времени проводить в купальнике. Мы снимались на пляжах в Массачусетсе, на Кейп-Коде и на Нантакете, и сцены с такими пейзажами были просто фантастическими для подобной проходной комедии. Наверное, стоит отметить комедийных актеров, с которыми мне удалось тогда поработать: Джон Кьюсак, Кертис Армстронг и легендарный Уильям Хикки. Можно сказать, что я была единственной девушкой, поэтому у меня не было своей компании, пока не встретила необычную, замечательную социальную работницу, которая занималась на съемочной площадке с детьми. Ее звали Пэтси Рюгг, и она стала одним из важных людей в моей жизни.

Мы разговорились, как это обычно бывает между девушками, и когда я призналась, что недавно бросила пить, она рассказала, как сама очень пришла к этому, и предложила стать моей наставницей. Ее великодушие и забота изменили мой мир – в один миг у меня появилась поддержка, на которую я могла рассчитывать. У Пэтси не было детей, и она была матерью для меня.

Серьезные проблемы с питанием продолжались. Во время съемок «Одного безумного лета» я едва смотрела на себя в зеркало, потому что ненавидела собственное отражение и беспокоилась о том, как я буду выглядеть на экране. А еще я была напугана тем, что любой режиссер сочтет мою фигуру неприемлемой и я никогда больше не получу роль в кино.

Я все еще очень много переживала на эту тему, когда мой новый агент Паола Вагнер из актерского агентства CAA[39] сообщила, что у меня будет прослушивание на участие в романтической комедии под названием «Что случилось прошлой ночью». В это время мы все еще снимали «Одно безумное лето», и у меня на голове было полно пляжных косичек. Когда я пришла прочитать роль Дебби, главной героини, мне пришлось объяснить режиссеру Эдварду Цвику, что обычно я так не выгляжу. Он пока еще никому не дал главную мужскую роль, но мне сказал, что я вполне могу подойти на роль Дебби, – это была очень хорошая встреча. Я нервничала, но в то же время меня приободрила перспектива получить свою первую главную роль в большом кино.

Казалось, кастинг двигался со скоростью улитки, а в это

время я с нетерпением ждала результатов, особенно когда узнала, что у моего старого приятеля Роба Лоу будет главная мужская роль. Теперь более чем логично было взять меня на главную роль, но прошел целый месяц. Наконец, позвонил Эдвард Цвик. Когда я пришла к нему в офис в Лос-Анджелесе, мой худший кошмар стал явью, он сел и сказал:

– Ты действительно та, кто подходит для этого фильма, но пообещай мне, что похудеешь.

Я никогда в жизни не забуду этого момента. Меня охватила внезапная паника, я испытала боль, обиду и волнение. Так начались мои попытки контролировать свое тело, и с этого момента было важно, какие у меня вес, размер одежды или внешность.

Справедливости ради надо сказать, что я была далеко не худой актрисой: для девушки невысокого роста, с хрупким телосложением набрать пятнадцать или двадцать фунтов[40] – не важно – было уже много. Если бы я знала себе цену, все могло бы быть по-другому, я бы просто взяла и сказала:

– А знаете что? Вы правы, я немного прибавила в весе, но я все исправлю.

На первый взгляд, именно так я и поступила, выдавив из себя:

– Я сама это знаю и сделаю все возможное… Моя работа имеет для меня большое значение.

Я действительно была полностью предана своему делу, понимала, что значит получить главную роль в фильме, который, как мне казалось, мог стать хитом. Но моя реакция не была ни рациональной, ни здравой – меня бросило в ступор от ужаса и отвращения к самой себе.

Я, конечно, не начала пить, теперь все мои тревоги были связаны с едой. Если я вставала на весы, мое настроение могло испортиться на весь день. Кстати, сохранились дневники того периода, где я много писала о своих переживаниях и издевательствах над телом. Организм не выдерживал, я просыпалась от голода среди ночи и объедалась, а утром находила всю постель в крошках. В какой-то момент я даже поставила замок на дверцу холодильника. Еда как будто стала оружием в войне против моего тела, его врагом. Я даже стала использовать еду как своего рода наказание за все, что считала неправильным и некрасивым в себе: каждый кусочек я наполняла всеми плохими чувствами, всем своим стыдом, а затем проглатывала.

С наркотиками, алкоголем или сигаретами все более-менее однозначно – вы либо принимаете их, либо нет. Я не говорю, что

отказаться от этого легко, но, по моему опыту, как только человек приходит к выводу, что пора заканчивать, без каких-либо обсуждений нужно сказать нет, а затем уже стараться справиться с желанием вернуться к пагубной зависимости. Однажды я осознала, что просто не могу пойти на вечеринку, и все пошло по-другому. Но с едой такое не пройдет, ведь есть нужно. Я помню, как кто-то сказал: «Это все равно что иметь льва, которого необходимо выводить на прогулку три раза в день».

В течение многих лет я не знала, как правильно питаться. Не помогло и то, что из-за болезни почек у меня появились проблемы с кишечником и метаболизмом, так как в детстве приходилось принимать большое количество стероидов. Конечно, это спасло мне жизнь, но в то же время нарушило мою пищеварительную систему. Проблема проявлялась не только на физиологическом уровне, но и на психологическом: я не могла «переваривать» свои эмоции, анализировать их и усваивать – так и не научилась, например, принимать разочарование или отказ.

Если в фильме «Одно безумное лето» я выставила свое тело напоказ в купальном костюме, то в фильме «Что случилось прошлой ночью» ставки были выше. Этот фильм был снят по мотивам пьесы Дэвида Мэмета «Сексуальные извращения в Чикаго» и для своего времени был очень смелой картиной. Моей героиней была Дебби, а героем Роба – Дэнни, они встречаются в баре – месте, где знакомятся одинокие мужчины и женщины в надежде найти любовника на одну ночь. После такой ночи Дебби обычно убегает, не сказав ни слова. Запомните: это было задолго до «Секса в большом городе». Ситуация, в которой женщина может просто заняться сексом и после этого уйти, не начав отношений, была просто немыслимой. Фильм пестрил сексуальными сценами, и это означало, что я должна много времени проводить обнаженной в комнате, где полно мужчин: операторы, продюсеры, звукооператоры и режиссер, который, кстати, сказал мне, что я слишком толстая, чтобы сниматься в этом фильме.

Неспроста, когда Роб и Эд много лет спустя вспоминали о фильме (во время его выпуска на DVD), Роб припомнил, как мы оба чуть не заболели гипотермией[41], когда одна из сцен снималась на улице в морозную погоду. Была еще одна сцена, где у Роба что-то случилось с ногой, пока он нес меня на руках, и во время всего эпизода он испытывал ужасную боль. Что касается меня, то помню, как просто мучилась, выставляя свое обнаженное тело на всеобщее обозрение. Но, несмотря на все это, фильм получился замечательным и стал популярным.

К счастью, актеры были дружелюбными, и мы хорошо

ладили. Я никогда раньше не работала с Джеймсом Белуши или с Элизабет Перкинс, которая дебютировала в кино, и на съемочной площадке царило удивительное товарищество. Мы с Робом были старыми друзьями, Роб с Эмилио тоже были близки, поскольку выросли вместе в Малибу, так что в сексуальных сценах, которые у меня были с Робом, существовали определенные границы, облегчавшие съемку. Но чувство неловкости, которое я испытывала по отношению к своему телу, было почти парализующим.

Фильм «Что случилось прошлой ночью» вышел в прокат 2 июля 1986 года и собрал более 38 миллионов долларов. По большей части отзывы были положительными, и о моей игре тоже. Роджер Эберт написал в газете Chicago Sun-Times: «Особенно впечатлила Мур. Нет ни одной романтической сцены, которой она не должна была бы сыграть в этом фильме, и она играет их безупречно». Никто не критиковал мое ужасное тело, и это должно было показать мне, что мое ужасное тело существовало только в моей голове.

Затем я отправилась в Нью-Йорк играть свою единственную пьесу «Ранняя девочка» (The Early Girl) во внебродвейском театре. От меня требовалось каждый вечер бегать по сцене совершенно голой перед живой аудиторией. В центре сюжета были проститутки из борделя в Неваде. Очевидно, что-то во мне притягивало такие роли. Мне бы не составило труда сказать «нет», но в глубине души я знала, что нужно выходить из зоны комфорта. И если необходимо преодолеть комплексы с телом, то я должна столкнуться с ними лицом к лицу.

Пьеса шла в клубе «Серкл Рип» в центре города, и мои агенты нашли квартиру в одном из первых многоквартирных домов Трампа на Пятой авеню. В честь своего двадцать третьего дня рождения я устроила там вечеринку и осмелилась пригласить Энди Уорхола, с которым познакомилась однажды вечером в ресторане «Индошин». Я была поражена, когда много лет спустя прочитала в «Дневниках Энди Уорхола», что Энди не только видел пьесу, но и чувствовал, что «заставил Деми Мур пригласить его на свадьбу».

На самом деле мы с Эмилио только разослали приглашения на нашу свадьбу, когда подруга сказала мне, что видела его с кем-то еще в Лос-Анджелесе. Конечно, он все отрицал, но мне стало сложнее доверять ему. Во время двухнедельного разрыва несколько месяцев назад он переспал с «бывшей» девушкой, солгал об этом, а затем был вынужден сказать правду, когда узнал, что она беременна. В свой единственный свободный от спектаклей день я поехала в Бостон к психотерапевту, которого

мне порекомендовала моя наставница Пэтси.

Я помню, как терапевт сказала мне после нескольких сеансов: «Обычно я предпочитаю, чтобы пациент пришел к осознанию самостоятельно, но у меня нет времени ждать, пока это случится, поэтому я просто должна сказать вам: если вы выйдете за него замуж, то разрушите свою жизнь». Она предложила Эмилио прийти на сеанс, хотела, чтобы он объяснил мне свои приоритеты напрямую, лично. Он долго сопротивлялся, но в конце концов все-таки приехал. Когда Эмилио начал перечислять свои приоритеты – наверное, вы будете шокированы, прочитав это, – я оказалась далеко не на первом месте в его списке. После этого я отложила свадьбу на неопределенный срок.

Постановка пьесы закончилась, я вернулась в Калифорнию, но вскоре после моего возвращения Эмилио уехал в Канаду сниматься в фильме «Слежка» с Ричардом Дрейфусом. Я помню, как пыталась дозвониться до него, но он не отвечал на звонки – я понимала, что он там занимается чем-то более важным, чем его работа. Он не хотел разговаривать лично, и тогда я подумала: «*А знаешь что? Лучше прекращу свои попытки связаться с ним и вместо этого позвоню риелтору*».

Я нашла очаровательный пляжный домик в стиле пятидесятых годов на тупиковой улице в Малибу, после чего сообщила Эмилио, что уезжаю. Он появился в мгновение ока, с татуировкой разбитого сердца, пытаясь вернуть меня. Думаю, он был одним из тех мужчин, по крайней мере в молодости, которые начинали ценить тебя только тогда, когда теряли. Но было уже слишком поздно: если я ухожу, то ухожу окончательно.

Мы остались друзьями, и через несколько месяцев после того, как расстались, я поехала с ним на премьеру фильма «Слежка». Это был очень важный вечер в моей жизни, потому что тогда я встретила актера, который был уже очень известен благодаря участию в популярном сериале «Детективное агентство “Лунный свет”». Его звали Брюс Уиллис.

Глава 11

Он весь вечер с тебя глаз не сводит, – сказал Эмилио, указывая на дерзкого, привлекательного темноволосого парня, которого мне представили как Брюса Уиллиса. На самом деле поначалу Брюс показался довольно высокомерным. Он пришел на премьеру с моим другом – комиком Риком Дюкоммуном, который и представил нас друг другу. К тому времени Брюса уже дважды номинировали на премию «Эмми» за телесериал «Детективное агентство “Лунный свет”» (в следующем месяце он получил премию), но я почти не смотрела телевизор и никогда не видела этот сериал. Единственное, что я знала из его работ, – один из рекламных роликов Seagram’s Golden Wine Cooler, в которых он часто принимал участие. Помните эту фразу? Он напевал ее под несколько блюзовых аккордов на губной гармошке: «Ох, это вино, сухое и прохладное! Мое, мое, мое». Мы работали cTriStar Pictures, поэтому я решила поддержать разговор и сказала:

– Я слышала, у тебя хороший офис в TriStar.

Он мне резко ответил что-то вроде:

– Я там не появляюсь.

У меня сложилось впечатление, что он какой-то придурок.

Но на вечеринке в «Эль Койоте», когда мы встретились снова, Брюс был гораздо внимательнее.

– Угостить тебя коктейлем? – спросил он, как только я вошла.

Я ответила, что не пью.

– Давай хоть минералки куплю, – предложил он.

До того как стать телезвездой, Брюс работал барменом в Нью-Йорке, и в тот вечер красовался за стойкой бара, подбрасывая в воздух шейкер для коктейлей. В 1987 году это казалось чем-то крутым, сейчас бы это назвали странным. Эмилио был прав – Брюс часто поглядывал на меня, пока выполнял свои трюки в баре. Он был так внимателен ко мне в течение вечера, что я была ошеломлена, позже узнав, что той ночью у него было свидание с другой девушкой!

После многие собрались идти в клуб «Импров», чтобы посмотреть стендап-выступление Рика Дюкоммуна.

– Ты должна прийти! Обязательно должна! – умоляли меня Брюс и Рик в один голос.

Я заметила, что Эмилио не в восторге от такого количества внимания к моей персоне (и, если честно, я сама была не в восторге). Но клуб все равно был по пути к дому, поэтому в конце концов я решила туда заглянуть. За большим столом я увидела всех приятелей Брюса. А рядом с ними был накрыт столик на

двоих, где меня ждала минеральная вода. Брюс быстро встал, чтобы отодвинуть для меня стул.

За мной никогда раньше так не ухаживали. Брюс был очень галантным – по-своему пафосным, но при этом настоящим джентльменом. Когда я сказала, что мне пора домой, он предложил проводить меня до машины. И был при этом так взволнован – как маленький мальчик, который не хочет пропустить грузовик с мороженым. Когда он захотел узнать мой номер, я почувствовала волну трепета, которую обычно испытывают школьницы. Он спросил, есть ли у меня ручка, потом проверил свои карманы, но ничего не нашел.

– Не уходи! – сказал он, побежав искать ручку, затем вернулся и начал писать на своей руке – такое я буду наблюдать не один раз в последующие годы: Брюс всегда писал что-то на своей руке.

В тот первый раз я заметила, что у него дрожат руки – он выглядел таким уязвимым, и вся его дерзость куда-то исчезла.

Я ехала домой, прокручивая в голове события прошедшей ночи. «*Что только что произошло? Кто этот парень?*» – думала я, пытаясь сложить в одно целое информацию, которая была мне известна. Сотовых телефонов тогда не было, поэтому я, конечно, никому не звонила и не расспрашивала о нем. На самом деле никто до этого не приглашал меня на настоящее свидание, с Фредди я познакомилась на музыкальном концерте, а с Эмилио – на съемочной площадке. Отношения, которые у меня были до этого момента, завязывались через флирт и близость, но это не было похоже на обычный подкат – Брюс был не из тех, кто хочет просто переспать.

Он был очень энергичным. Единственное, с чем у него никогда не было проблем, так это с тем, чтобы занять свое место. (Брюс определенно никогда не спрашивал, *нормально ли, что я здесь?*) Я почувствовала беспокойство за Эмилио, ведь даже несмотря на то, что он пригласил меня в тот вечер как «своего друга», я знала, что он надеется возобновить роман.

Пятнадцать минут спустя я уже ехала по тихоокеанскому побережью к своему новому дому в Малибу, минуя Пойнт-Дьюм. Справа от меня были горы и звезды, слева – залитый лунным светом океан. Все было спокойно. Я думала об Эмилио, думала о Брюсе. А потом, могу поклясться, я услышала свое имя. Нет, это был не мой папа из мира духов, это был длинный лимузин на соседней полосе с Брюсом Уиллисом и его приятелями, высунувшимися из открытого люка, машущими и кричащими: «Эй, Деми!» Это было еще до появления вездесущих черных внедорожников, повсюду возивших знаменитостей. Во время

вечеринок Брюс всегда нанимал лимузин, который с шиком отвозил его с друзьями куда-нибудь на ночь. Я не могла поверить, что смотрю в окно на парня, о котором только что думала. Как будто Вселенная говорила мне: «Обрати на него внимание».

Когда наши глаза встретились, Брюс снял свою бейсболку, чтобы поприветствовать меня, – и, я думаю, он забыл, что за каждым ухом спрятал по косяку, они улетели в ночь.

На следующее утро первое, что сделал Брюс, – позвонил мне. И спросил, какие у меня планы на день. Я ответила, что собираюсь в Оранж Каунти[42] повидаться с Джорджем и Дианой. К моему удивлению, он сказал, что хочет поехать со мной, но мне это показалось не очень хорошей идеей. Сестра моего папы Мэри как раз навещала Джорджа с Дианой, и она была человеком с характером.

– Там будет моя немного странная тетя, и дом очень маленький. Ты уверен? – спросила я.

Да, он был уверен.

И я снова под впечатлением. Этот парень готов провести два часа в машине только ради того, чтобы приятно (что довольно сомнительно) провести время с моими странными родственниками. Он был готов выйти из зоны комфорта *исключительно ради меня*. Честно говоря, я была шокирована.

Его дом находился на побережье и как раз по пути к Оранж Каунти, поэтому я заехала за ним. Его приятели с прошлой ночи еще не разъехались – такие парни обычно собираются гурьбой и бродят по Лос-Анджелесу в поисках девочек, развлечений и вечеринок. Они напоминали героев сериала «Красавцы», только из 1980-х, и в то же время многие показались мне отзывчивыми и веселыми; было время, когда они называли себя «новой крысиной стаей»[43]. В то утро я познакомилась с Джоном Гудманом и Вуди Харрельсоном, который тогда снимался в сериале «Веселая компания», – они оба станут моими хорошими друзьями. Брюс помахал им на прощание, и мы отправились в путь.

Это была яркая поездка – вообще, трудно не чувствовать себя хорошо, когда тебе уделяют столько внимания. Я думаю, что, когда мы впервые встретились, Брюс увидел во мне своего рода ангела-хранителя. Я действительно не знаю почему – возможно, сыграло большую роль то, что я не пила алкоголь и не любила тусить. Он ухватился за мои слова по поводу поездки в округ Ориндж и даже глазом не моргнул, когда встретился с моей чокнутой тетей.

– Мы из Нью-ю-ю-ю-Мексико! – первое, что сказала моя тетя, но Брюс не обратил на это внимания.

Джорджу и Диане он понравился, наверное, потому, что был

сделан из того же теста, что и все мужчины в нашей семье: харизматичный, разгульный и с огоньком в глазах. Такими же очаровательными дамскими угодниками с большим чувством юмора были мои отец и дедушка (гораздо большими, чем я понимала в свое время).

На следующий вечер он повел меня в центр города посмотреть пьесу Шекспира, в которой участвовал Джон Гудман, и, если я правильно помню, большая часть «новой крысиной стаи» в тот день была с нами. В общем, с той первой встречи мы с Брюсом редко расставались, а рядом с ним я чувствовала себя настоящей принцессой. Он жил на широкую ногу, и вскоре я последовала его примеру. Брюс появился из ниоткуда, и теперь, когда он стал знаменитым, ему захотелось иметь все самое лучшее, и чем больше, тем лучше. Мы ходили в ресторан, где он заказывал три блюда и съедал по нескольку кусочков каждого – просто потому, что так хотелось. А еще он любил играть в азартные игры. Ему нравилось, что благодаря деньгам он мог решить любую проблему. Много лет спустя, в три часа ночи, когда один из наших младенцев плакал, он наклонился ко мне и прошептал: «Я дам тебе тысячу долларов, если ты поменяешь подгузник».

Брюс работал на Манхэттене в «Кафе Центро» – в то время это был популярный ночной клуб, поэтому у него были связи в самых шикарных ресторанах и клубах. Ему нравилось открывать мир привилегий, который был для меня совершенно новым. Вскоре после нашего знакомства мы полетели на частном самолете, чтобы увидеть выступление его группы[44] на ярмарке, – это был мой первый полет *на маленьком* самолете. «*Девушка может привыкнуть к этому*», – подумала я.

Через несколько недель он повез меня в Лондон. Эта поездка была наполнена событиями, и вообще это было мое первое посещение Европы. Из-за отсутствия опыта смены часовых поясов в наш первый вечер, когда мы пошли ужинать, не покидало ощущение, что меня переехал грузовик, и я не понимала, что со мной не так. Отдельно стоит отметить поведение папарацци в Лондоне – это был совершенно другой уровень. Они ждали нашего приземления в аэропорту и, пока мы были в Англии, не оставляли в покое. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного. Нас постоянно преследовали. Помню, однажды фотограф буквально побежал по улице за Брюсом. Конечно, он мог пойти быстрее, но мне было бы спокойнее вообще остаться в отеле. Я была совершенно не готова к этому жутковатому и давящему чувству. Немного легче, когда знаешь, чего ожидать, а потом… В общем, я была потрясена до глубины души и, честно

признаться, почувствовала облегчение, когда мы сели в самолет, чтобы вернуться домой.

Но это было только начало. Вскоре после возвращения из Лондона мы проводили время на пляже в доме Брюса с его друзьями. Я взяла его гидроцикл покататься, и кто-то с телеобъективом сфотографировал меня в купальном костюме. На фото я выглядела толстой, что, конечно же, стало главной темой таблоидов. Это подтвердило мои худшие опасения и подлило масла в огонь моего пищевого расстройства. Я была несчастна, но Брюс уверял, что все во мне прекрасно – он рассеял мои страхи своей любовью.

Каждый из нас имел за плечами свои травмы. У Брюса было трудное детство, раньше он был заикой, и именно игра на сцене помогла ему преодолеть эту проблему. По какой-то причине детям, которые заикаются, гораздо легче избавиться от своих речевых дефектов, когда они произносят на сцене уже написанные для них реплики, а не сами подбирают слова – как в обычном разговоре. Так что мы оба выросли, играя и притворяясь ради выживания.

Брюс был первым ребенком в семье, потом у него появились два брата и сестра. Его мама была трудолюбивой иммигранткой, но муж никогда не ценил ее, и в результате они развелись. Только спустя много лет отец смягчился, как это обычно бывает у мужчин, когда они становятся старше. Думаю, вы знаете такой тип отцов: в молодости они ведут себя как козлы, а потом с возрастом становятся все более добродушными. На их фоне матери кажутся суровыми и раздражительными, но именно они сделали их такими.

Думаю, тем, кто не знает Брюса лично, сложно представить, что за его плутовской внешностью скрывается раненый ребенок. Поверьте мне, это так – я сразу же поняла, что он за человек. Мы оба не скрывали, что очень хотим иметь детей и собственную семью. И у нас было общее видение будущего. Думаю, нам хотелось заполнить пустоту, избавиться от чувства, будто не хватает чего-то важного.

Когда мы только познакомились, у Брюса была пауза между съемками в сериале «Детективное агентство ”Лунный свет”», а у меня только что закончились съемки фильма «Седьмое знамение». И мы проводили почти все свободное время вместе, пока он не начал сниматься в боевике, который ему очень нравился, – «Крепкий орешек». Фильм вызвал много шума, в основном из-за сообщений о том, что Брюсу заплатили пять миллионов долларов за роль. Я решила сходить посмотреть на него на съемочной площадке, и это было то еще зрелище. Он чуть

не погиб, спрыгнув с пятиэтажного гаража и едва успев попасть на подушку безопасности, – хоть взрыв и был заранее спланированным, Брюс отклонился от нужной траектории. Он посмеялся над этим, я – нет.

В выходные после съемок Брюс взял меня в Лас-Вегас – мы полетели на другом частном самолете, чтобы посмотреть бокс, – он ему нравился. Чавес выступал против Росарио, и картина разворачивалась настолько устрашающая, что тренеру Росарио пришлось остановить бой. Я не против бокса, но кровавая бойня мне не нравится.

После мы уже подходили к игровым столам, как Брюс вдруг сказал:

– Я думаю, нам надо пожениться.

Мы шутили об этом по дороге в Вегас, но оказалось, что он не шутит.

– Я думаю, нам надо пожениться, – повторил он.

И я потеряла дар речи. Он же, напротив, не переставая повторял:

– Ну же, давай сделаем это! Давай сделаем это!

Я глубоко вздохнула и сказала:

– Хорошо, давай.

Я забеременела в нашу первую же брачную ночь – 21 ноября 1987 года – в отеле «Золотой самородок». Да, все верно: Лас-Вегас, беременность… Можно вывести девушку из Розуэлла, а вот Розуэлл из девушки – никогда.

Мы решили устроить настоящую свадьбу примерно через месяц – на подготовку требовалось много времени, поскольку кинокомпания TriStar решила таким образом сделать нам подарок, зная, что, скорее всего, у нее больше никогда не будет подобной возможности заявить о себе. Брюс с каждым фильмом превращался из телевизионного сердцееда в полномасштабную международную кинозвезду. На меня они тоже возлагали большие надежды, после того как фильм «Что случилось прошлой ночью» стал настоящим хитом. Наша вторая свадьба была настолько пышной и сногсшибательной, насколько первая была ситуативной. Церемонию провели в звуковом павильоне на участке Warner Brothers, для моего эффектного входа в «часовню», где мы установили традиционные церковные стулья, была позаимствована лестница из комедии «Создавая женщину». Ведущим был Литл Ричард[45]. Это было что-то в духе: «Деми, берешь ли ты этого человека в законные мужья, независимо от того, живет ли он в большом особняке на холме или в маленькой квартирке?» Нашим фотографом была Энни Лейбовиц. Подружки невесты были одеты в черное и вошли вместе с друзьями жениха,

напевая песню «Бруно женится», написанную по этому случаю хорошим другом Брюса – Робертом Крафтом. После этого мы отправились на вторую звуковую сцену для приема – она была украшена пальмами в стиле пляжа Копакабана[46]. Это должен был быть один из главных дней в моей жизни – удивительный и светлый, но на самом деле атмосфера была угнетающей. Приехали родители Брюса – они увиделись впервые после развода, Джордж и Диана, конечно, тоже приехали, а из Нью-Мексико прилетела моя бабушка вместе со своим кавалером Гарольдом, хотя, когда я впервые рассказала ей о Брюсе, она забеспокоилась, потому что прочитала в таблоидах, что он ужасно любит вечеринки. Хорошо это или плохо, но моя мама тоже присутствовала.

И конечно же, когда Джинни приехала в город на свадьбу, она устроила скандал. Мы с Брюсом проводили вторую брачную ночь в его доме, а мама жила в моей квартире, и примерно в два часа ночи оттуда позвонила полиция с сообщением о нарушении порядка. Честно говоря, я не могу припомнить подробностей, ведь подобных случаев было так много, что все они перемешались в моей памяти, но достаточно будет сказать, что Джинни напилась и умудрилась затеять драку с моими соседями, причем настолько серьезную, что потребовалось вызывать полицию. Я была зла на нее за то, что она не смогла – хотя бы в этот раз – держать себя в руках.

Брюс сразу же понял, что собой представляет моя мама, и пришел к выводу, что чем дальше мы будем от Джинни, тем лучше будет для всех. Очень скоро мне как раз будет нужен пример хорошей матери, и, хотя я продолжала питать ложную надежду, что когда-нибудь Джинни изменится, было очевидно, что это не то, на что я могла рассчитывать.

Румер Гленн Уиллис родилась 16 августа 1988 года в Падьюке, штат Кентукки, где Брюс снимался в фильме «Страна». Я хотела испытать совершенно противоположное тому, что испытывала моя мама: хотела прочувствовать каждое мгновение, присутствовать в каждый момент родов, независимо от того, насколько болезненными они будут. В последний момент мне пришлось сменить врача – найти такого, кто оценил бы мой подход.

– О, это как и с моими коровами, – сказал доктор. – Эпизиотомия не потребуется.

Румер провела первые полчаса своей жизни наедине со мной и Брюсом на больничной койке, где мы оба безумно влюбились в нашу дочь. Потом я встала, приняла душ, и мы покинули больницу.

Дочь была названа в честь британской новеллистки Румер Годден – на ее имя я однажды наткнулась в книжном магазине, когда мне было трудно подобрать идеальное, единственное в своем роде имя для моего первого ребенка. Мне нравилось быть беременной. Весь процесс – от начала до конца – был чудесным. И меня не задевало, что в течение всех девяти месяцев Брюс постоянно говорил, как прекрасно я выгляжу.

Быть матерью было совершенно естественно. С уверенностью могу сказать – это то немногое, что давалось мне от природы легко. Заботиться о Румер, любить ее и видеть, что она любит меня и нуждается во мне точно так же, как я в ней, было эйфорией. Прошло больше двух лет, прежде чем я стала оставлять Румер хотя бы на одну ночь. Меня ждали два года кормления грудью.

Даже мои испорченные отношения с собственной матерью, казалось, изменились с рождением дочери. Джинни приехала и провела с нами неделю после рождения Румер, и я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь наше времяпрепровождение вместе было лучше. Казалось, будто она смогла закрыть все внешнее в жизни, что у нее не получалось, и полностью посвятила себя этому опыту. Она суетилась вокруг ребенка и много фотографировала – делала то, что делает любая нормальная бабушка. Я чувствовала себя больше матерью и дочерью, чем когда-либо с самого раннего детства. Иногда я думаю: не стоило ли мне пригласить ее пожить с нами, чтобы она взяла на себя роль полноценной бабушки? Возможно, это изменило бы ее жизнь, дало бы ей цель, безопасность и самореализацию, в которых она так нуждалась.

Мне было двадцать пять. У меня за плечами было гораздо больше зрелости, чем у родившей меня восемнадцатилетней Джинни, но я все же была молода. Жизнь перескакивала с одного события на другое очень быстро: только что я планировала свою свадьбу – и вот уже покупаю детскую одежду. Мы с Брюсом стали совершенной парой – получили благословение в виде красивой, здоровой маленькой девочки и имели больше денег, чем каждый из нас мог пожелать в детстве.

Я знаю, что это выглядело как идеальная жизнь. Но вскоре выяснилось, что если у вас внутри колодец стыда и неразрешенных проблем, никакая сумма денег, никакая мера успеха или известности не могут заполнить его.

Глава 12

Вскоре после того, как мы начали встречаться, Брюс купил дом в Айдахо – в городке Хейли в районе Вуд Ривер Вэлли. Он сломал себе ключицу, когда катался на лыжах в соседней долине Сан-Вэлли, и, пока выздоравливал, просто влюбился в тишину, бескрайнее небо и местных жителей, которые безразлично относились ко всему, что связано с Голливудом. Мне тоже там сразу понравилось. Первым делом мы полностью отремонтировали дом – от старого здания осталась только входная дверь, и с тех пор я проводила как можно больше времени в Айдахо, особенно с моими детьми. Он стал моей тихой гаванью, только здесь я чувствовала себя по-настоящему дома. В этом месте есть что-то волшебное: тебя окружают лесистые горы Сотут Рейндж, воздух чист и прохладен, вокруг нет никакого шума, а журчание реки Биг-Вуд умиротворяет и создает ощущение покоя. Румер было всего лишь двенадцать дней, когда мы впервые приехали с ней в Хейли, первые недели и месяцы ее жизни в этом месте были для меня чудесными.

Но через четыре месяца после того замечательного визита моей мамы мне позвонили из полиции. У Джинни была передозировка таблеток, после чего ее срочно доставили в больницу. Она была в порядке, но через несколько месяцев мне позвонили снова: ее арестовали за вождение в нетрезвом виде, она еле стояла на ногах. Поэтому я отправила ее в реабилитационный центр.

Закончив лечение, Джинни первым делом продала желтой прессе информацию по поводу ее выздоровления и наших непростых отношений.

Меня захлестнула ярость. Поймите правильно: я просто ненавижу таблоиды, хотя, наверное, многие подумают, что группа людей, бегающих за тобой с фотоаппаратами, не является чем-то особенным. Пока это не стало частью моей жизни, я не придавала значения ужасу и ярости, которые испытывали другие актрисы, постоянно находящиеся под прицелом объективов кучки парней, я могла пожать плечами и сказать: «А что тут такого?» Но представьте ситуацию: у вас появляется час, когда можно провести время наедине с собой – знаете, это прекрасное чувство, когда ни детям, ни клиентам, ни родителям ничего от вас не нужно, никто не беспокоит по телефону, можно выйти из дома или выехать со двора и просто слиться с миром. А когда тебя постоянно преследуют папарацци, такие моменты никогда не случаются, поскольку они всегда готовы наброситься, как

невменяемые, дикие псы, заинтересованные лишь в удачном снимке. После такого можно стать агрессивным почти на экзистенциальном уровне.

Долгое время я уговаривала Джинни не делать этого снова, пыталась объяснить, что неправильно сообщать журналистам подробности моего детства (притом ложные) и что суть существования газет – создание сенсаций на лжи. Джинни соглашалась, но вместо этого начала продавать мои фотографии, очевидно, не уловив главную мысль моей просьбы. У меня есть копия одного письма от ее «агента», который предлагал права на публикацию некоторых моих фотографий журналам Италии, Австралии, Германии, Испании, Великобритании и Франции. В письме все начинается с фразы: «Мать Деми Мур наконец открыла семейный альбом, чтобы показать фотографии своей дочери-суперзвезды!» После чего идет описание восемнадцати ранее неопубликованных фотографий, включая одну со свадьбы с Фредди, которую, как утверждается в письме, я «пыталась скрыть». Также упоминается фотография с нашей с Брюсом свадьбы, снимок, где Брюс и я лежим в джакузи, и еще моя фотография в пять лет на больничной койке с надписью «день, когда она чуть не умерла». Джинни и ее «агент» требовали за эти фото с каждой страны по десять тысяч долларов.

Я уговорила ее не отправлять фотографию Брюса в джакузи и Румер, но не смогла отговорить от продажи остальных, и это вывело меня из себя. Она делала деньги на том, чего я старалась избегать, и на мое противостояние ей уходило огромное количество времени и сил. И по сей день я делаю все возможное, чтобы знать заранее, будут ли там, куда я пойду, папарацци и насколько спокойно я буду себя чувствовать в том или ином месте. Если взять мои опасения и увеличить их во сто крат, то получится то, что я чувствовала, когда Румер, а позже и ее сестры были маленькими. Я хотела защитить своих дочерей от всего самого страшного и агрессивного. И это послужило одной из главных причин того, что мы воспитывали наших девочек в Айдахо, а не в Калифорнии. Я считаю это одним из лучших решений, которые мы с Брюсом когда-либо принимали.

Джинни не признавала, что то, что она делала, было полнейшим предательством с ее стороны, хотя она прекрасно знала, как я отношусь к этим изданиям и той лжи, которую они печатали о моем прошлом.

Но знаете, самым невероятным во всей этой ситуации было то, что я каждый раз удивлялась. Дети инстинктивно склонны доверять своим родителям, и просто поразительно, сколько времени может занять преодоление этих инстинктов.

Я решила начать все с чистого листа и сделать свое тело после родов лучше, чем когда-либо. За три месяца я потеряла вес, который набрала во время беременности, и вдобавок к этому сбросила еще восемь фунтов[47]. Меня пригласили на вечернюю передачу «Субботний вечер в прямом эфире» как раз после моего похудения, и сценаристы фактически заставили меня построить свою приветственную речь вокруг фразы: «Я родила ребенка всего двенадцать недель назад, и посмотрите на меня!» Я никогда не была тщеславной, и к тому же мне не хватило смелости выразить свое несогласие, потому что они говорили: «Поверьте, это сработает!» Возможно, и могло сработать, если бы я верила в свои слова и взяла на себя ответственность за сказанное. Но я ничего не могла сделать, чтобы фраза: «Я выгляжу великолепно, не правда ли?» – звучала менее нелепо. Одним словом, эта речь была для меня настоящим мучением, к тому же достаточно страшно выступать перед живой аудиторией с юмористическим номером. В тот момент, если честно, я боялась, что смеяться будут надо мной, а не над моими шутками. И этот негатив, по сути, не дал мне насладиться приятными моментами, я не смогла полностью погрузиться в общение с удивительными исполнителями: Дэна Карви, Джон Ловитц, Фил Хартман, Нора Данн и Эл Франкен. Вечер прошел быстро, и помню, что в конце шоу, когда мы пожелали зрителям спокойной ночи, я наконец-то подумала: «Ладно, я могу справиться с этим. Давайте теперь снимем еще раз, только по-настоящему!»

Вскоре после моего выступления в шоу «Субботний вечер в прямом эфире» мне предложили съемки с Робертом Де Ниро и Шоном Пенном в комедии под названием «Мы не ангелы». Режиссером должен был стать ирландец Нил Джордан, снявший «Мону Лизу» и «Высших духов» – фильмы, которые меня восхищали. Мысль о том, что я могла сняться с этими актерами, была очень волнующей. И я подумала: если моя игра настолько хороша, чтобы работать с такими выдающимися людьми, то, может быть, не настолько уж плоха и я сама?

Это был поворотный момент, знак, что, возможно, нужно больше верить в себя как актрису. Однако реакция Брюса на эту появившуюся возможность оказалась совсем не такой, как я ожидала. Помню, в тот день мы были в спальне, я меняла Румер подгузник и рассказывала, какой потрясающий это будет проект и как я взволнована от мысли сниматься с Робертом Де Ниро в Канаде. Но Брюс с каменным выражением лица сказал:

– Ничего не получится.

Его слова сбили меня с толку.

– Что значит «ничего не получится»? – спросила я, искренне

не понимая, о чем он говорит.

– Из этого ничего не получится, если ты продолжишь сниматься в фильмах, – продолжил он, имея в виду, что наша жизнь не сложится, если я буду заниматься чем-то, кроме семьи.

Я была ошеломлена – не было секретом, чем мы оба зарабатывали на жизнь, прежде чем завели семью. Брюс знал, что включает в себя моя работа, и мне казалось, он понимает, что я собираюсь развиваться в этом направлении. Но за то короткое время, что мы знали друг друга до свадьбы, я только участвовала в медиараскрутках и играла второстепенные роли. Одним словом, моя работа не имела никаких ограничений, из-за которых я могла меньше времени проводить с Брюсом. Но вот в процессе замены подгузника выяснилось, что у нас были совершенно разные взгляды на то, как мы видим будущее. Во мне начала нарастать паника, но я ответила с воодушевлением:

– Мы сделаем так, что все получится.

После чего я стала искать варианты решения этой проблемы. Я заверила Брюса, что составленное расписание позволяет мне взять с собой Румер, а также дает возможность летать туда и обратно, чтобы проводить время с ним. В тот момент я чувствовала себя слишком взволнованной, чтобы поговорить с Брюсом по душам о наших ожиданиях относительно работы, гендерных ролей и воспитания дочери. Для того чтобы наш брак был счастливым, мы должны были решать эти важные проблемы вместе, но вместо этого я начала думать: *«Как мне это исправить?»* – и лихорадочно приспосабливаться к рабочему графику Брюса и его ожиданиям.

Румер было пять месяцев, когда я взяла ее с собой на съемки фильма «Мы не ангелы», и каждые выходные мы прилетали домой. Если не ошибаюсь, и Брюс однажды приезжал к нам. Было нелегко, поскольку я была не очень уверена в собственной актерской игре, и мне хотелось видеть рядом человека, который поддержал бы словами: «Разумеется, ты справишься». Но вселять уверенность в себя и наши семейные отношения приходилось только мне самой.

Меня вдохновила работа с Шоном Пенном и Робертом Де Ниро, однако, к сожалению, на съемочной площадке между Шоном и режиссером складывались не очень хорошие отношения – они во многом не сходились во взглядах, да и фильм не имел коммерческого успеха. Но, слава богу, следующая картина, в которой я снялась, все компенсировала.

У «Привидения» был необычный сценарий. Главные герои любят друг друга настолько сильно, что даже смерть ничего для них не меняет. В фильме есть убийство, поиски истинного

преступника, а также забавная сюжетная ветка про мошенницу с сомнительными способностями ясновидения. На самом деле в нем были смешаны элементы триллера, мелодрамы и комедии, и в придачу к этому режиссером выступил Джерри Цукер. Его комедия «Аэроплан!» завоевала сердца многих, но ничего подобного он раньше не делал.

У меня всегда был глубокий интерес к духовному аспекту – связи, которую мы все имеем с тем, что находится за пределами наших обычных чувств, поэтому я была на седьмом небе от счастья, когда познакомилась со сценарием. Однако мне казалось, что включать в сюжет фильма столько тем рискованно. Когда я полностью прочитала сценарий «Привидения», то пришла к выводу, что фильм либо станет культовым, либо абсолютно провалится.

От меня не требовалось прослушивания на главную роль героини Молли Дженсен – они просто посмотрели другие фильмы с моим участием и захотели, чтобы я снялась в этой ленте, это мне польстило. Я встречалась с Джерри и продюсерами один раз в Лос-Анджелесе и еще раз в Нью-Йорке, где мы с Брюсом и Румер остановились по пути в Париж – там мы собирались провести наш первый настоящий семейный отпуск. Мне захотелось сделать короткую стрижку, пока мы будем в Париже, и я была полна решимости осуществить задуманное. В бумажник для моего воображаемого парижского стилиста я вложила фотографию Изабеллы Росселлини, которая со своей мальчишеской стрижкой выглядела очень элегантно. Я все еще не согласилась сниматься в «Привидении», поэтому посчитала вправе делать со своим образом все, что захочу.

В Париже я раньше никогда не была, да и ни одного слова по-французски не знала, но у меня была цель, поэтому, покинув квартиру, которую мы снимали на левом берегу Сены, я дошла до первого попавшегося на глаза салона и показала им фотографию Изабеллы с короткой стрижкой в утонченном стиле. В конце концов, это же Париж, подумала я, здесь в этом разбираются и, конечно же, делают все на высшем уровне.

Оказалось, не делают. Стрижка, хоть и короткая, была совсем не такой, как я себе представляла. Забавно, что, когда мы вернулись домой и я пошла к парикмахеру, которого мне порекомендовали, он взглянул на фотографию Изабеллы Росселлини и сказал:

– Я сделаю эту стрижку.

И сразу же сделал так, что мне понравилось. Эта стрижка произвела именно тот эффект, на который я рассчитывала: она совершенно изменила мой внешний вид, придала уверенности и

ощущение перерождения. В этом было что-то новое и неожиданное.

Но Джерри Цукер был потрясен, и даже, как мне показалось, чересчур, когда я встретилась с ним после нашего возвращения из Парижа, чтобы сообщить о своем согласии сняться в фильме. Он пригласил Патрика Суэйзи на роль главного героя – Сэма Уита, а в качестве его подруги хотел видеть актрису с темными, длинными, свободно ниспадающими волосами, а не девушку, у которой их практически не было. Но Джерри пошел навстречу, при этом даже не заставил носить парик. И мне кажется, что короткие волосы идеально подошли к образу моей героини.

По сюжету Молли была художницей, представительницей богемы, и жила в Трайбеке – в восьмидесятых этот микрорайон был миром художников, работавших в своих лофтах[48] и еле сводивших концы с концами, хотя ее парень Сэм занимался финансами, как многие жители Трайбеки сегодня. У Джерри было определенное видение всей картины, поэтому он повел нас с Патриком посмотреть один нью-йоркский лофт – ему казалось, что это место само все расскажет про отношения этой пары и их образ жизни. Декораторы из Paramount воссоздали этот лофт до последней детали в Лос-Анджелесе. Для меня это всегда было одним из чудес в киноиндустрии: если режиссер покажет команде, например, кухню своей мамы и скажет: «Это то, что мне надо» – через некоторое время специалисты как по волшебству создадут «двойника» этого места. Когда мы добрались до съемочной площадки, то увидели, что лофт, который они воссоздали, в точности повторял тот, что Джерри нашел в Трайбеке, – начиная от скрипучих половиц и заканчивая высокими окнами.

Молли занималась керамикой, поэтому для меня наняли гончара, чтобы научить пользоваться гончарным кругом. Некоторое время я ходила практиковаться в формировании небольших горшочков, которые до сих пор стоят у меня. Конечно, они очень дилетантские, но я храню их как память о встречах с мастером, чьи труды мы выдавали в фильме за труды Молли. Она страстно любила свое ремесло, поэтому работать с глиной она должна была с легкостью. Вскоре я обнаружила, что малейшее надавливание может изменить или даже разрушить всю форму, которая создается на гончарном круге, – и вот я делаю в фильме вид, что у меня все получается. Особенно трудно было снять сцену, где Патрик подсаживается ко мне за гончарный круг сзади, и мы начинаем вдвоем создавать из глины горшок, который становится все выше и выше, – в конечном итоге он был больше похож на гигантский глиняный стояк, которой вот-вот рухнет.

Меня волновал еще один, куда более важный момент. Из сценария я поняла, какие эмоции необходимы – точно не истерические рыдания, скорее более глубокие и напряженные чувства. Я вспомнила разговор Эмилио со своей семьей об актерах, которые плачут и во время этого морщат лица так, что их слезы кажутся вымученными и неестественными. Но я не знала, могу ли я вообще плакать, и не только как актриса, ведь вне сцены я тоже не плакала. Никогда. Я научилась сдерживать свои чувства, чтобы выживать, и не была уверена, что смогу внезапно продемонстрировать слезы. Как я могла заплакать в фильме, если не знала, как делать это в реальной жизни? Это беспокоило меня, но внутри присутствовал настрой: я должна подчинить себе эту эмоцию.

Этот фильм дал мне силу – он подтолкнул к пониманию, как можно получить доступ к моим эмоциям, особенно к моей боли. Я работала с актерским тренером Харольдом Гаскином – он начал с объяснения, что такое дыхание, как мы используем его для контроля чувств, какое упражнение помогает имитировать то, что мы обычно делаем естественным путем, когда начинаем чувствовать эмоции (а в таких ситуациях мы задерживаем дыхание). Цель упражнения состояла в том, чтобы помочь мне понять, как любую эмоцию, необходимую для сцены, связать с моим физическим состоянием. И однажды, сидя рядом с ним, я вдруг осознала, как сильно задержала дыхание, – быстрый выдох, затем вдох и задержка дыхания. Я делала это в течение многих лет, когда чувствовала страх, горе или злость, – отключала свои эмоции, используя дыхание, чтобы буквально заглушить их внутри.

Эти знания помогли раскрепоститься. Понимание того, что эмоции покоятся внутри меня, было простым и в то же время очевидным, – теперь я знала, что могу чувствовать. Благодаря «Привидению» я научилась дышать, и это помогло мне начать изливать чувства, адекватно реагировать на них. Это оказало огромное влияние на меня и на то, как я себя видела. У меня остались определенные блоки (они есть и сейчас), но в фильме была одна из великих сцен, которая не только позволила мне больше узнать себя, но и стала самой значимой для восприятия всей картины. Недавно, на кинофестивале «Сандэнс», я представляла фильм «Корпоративные животные», и была приятно удивлена, когда молодой журналист сказал мне, что его любимый момент во всех фильмах с моим участием, – когда слеза скатывается по моей щеке, и я, как в «Ангелах Чарли 2: Только вперед», ответила ему: «Я никогда не была хорошей. Я была великой». Затем он упомянул «Привидение» и спросил: «Каково

это – быть обладательницей самой культовой слезы в истории кино?» Я испытала приятное ощущение – подумать только, раньше я никогда не плакала, а теперь известна своими слезами.

Думаю, что одной из причин, по которым людям нравится моя игра в «Привидении», была ранимость, мне удалось ее и показать, и прочувствовать. Весь мой опыт участия в этом фильме был восхитителен, к тому же мы снимались в Лос-Анджелесе, поэтому никаких конфликтов с Брюсом из-за моего отсутствия не было. Между актерами и командой было полное взаимопонимание. Иногда на съемочной площадке есть ощущение, что ничего не получается, и тогда ты стараешься изо всех сил, чтобы создать каждую сцену. Но «Привидение» было другим фильмом – полным легкости и сплоченности, мы чувствовали себя единым целым. Недавно у меня брали интервью для документального фильма о Патрике и показали закулисные кадры, которые я никогда раньше не видела. И я была поражена, насколько теплой и искренней была наша дружба. Именно таким он и был.

На первом показе фильма все, начиная с моих агентов и заканчивая руководителями студии, были в восторге, и я тоже. К оценкам опытных в своем деле людей я отнеслась серьезно, и, если они чувствовали, что это будет великолепно, я в этом не сомневалась. Мы с нетерпением ждали отзывов, но самый первый оказался ужасным. Рецензент просто возненавидел «Привидение», и это ознаменовало для меня поворотный момент: лучше не читать рецензий, решила я, потому что и положительные, и негативные отзывы имеют отклик в душе, а это значит, что на тебя всегда будет кто-то воздействовать.

Между тем после выхода на экраны летом 1990 года фильм стал хитом в прокате и принес более 200 миллионов долларов. Зрители приняли его, и по сей день я слышу, насколько сильно впечатлил людей этот фильм, особенно тех, кто потерял близких, – он дал им надежду.

«Привидение» – мой первый «взрослый» фильм. Под этим я подразумеваю, что была полностью включена во все аспекты творческого процесса – от дизайна производства и до музыки. Каждый день за обедом мы просматривали текущий съемочный материал, и во всем этом чувствовались скрупулезность и профессионализм. Кое-что напоминало мне о съемках «Что случилось прошлой ночью», но все же фильм «Привидение» был для меня особенным – возможно, потому, что я стала немного старше и более уверенной в себе. Но еще я думаю, что в этом фильме была определенная магия, и зрители на интуитивном уровне это тоже чувствовали.

Скептики оказались неправы по поводу «Привидения», ведь не просто так его номинировали на пять премий «Оскар». Я была в восторге, когда Брюс Джоэл Рубин получил «Оскар» за лучший оригинальный сценарий, а Вупи – за лучшую женскую роль второго плана. Мне тоже есть чем похвастаться – я была номинирована на «Лучшую женскую роль» премии «Золотой глобус», а Джулия Робертс номинирована в этой же номинации на «Оскар» за «Красотку» – еще один фильм, выдержавший испытание временем. Сегодня, если вы случайно наткнетесь на «Привидение» или «Красотку» по кабельному телевидению, они могут показаться вам образцами эпохи. И есть вероятность, что после этого вы уже не захотите менять канал, потому что в обоих этих фильмах, какими бы старыми они ни были, есть самое главное, что должно быть в каждом хорошем кино, – душа.

Моя профессиональная жизнь стремительно развивалась, а вот в личной были проблемы. Незадолго до второго дня рождения Румер Брюс готовился к съемкам фильма «Гудзонский ястреб» в Европе. Вокруг картины было много шума, и первая причина – огромный бюджет. Брюс занимался сюжетом, написал совместно несколько песен для фильма – у него было много работы. Перед самым отъездом он поверг меня в шок, сказав:

– Не знаю, хочу ли я быть в браке.

Мне показалось, будто меня ударили по голове.

– Хорошо, но ты уже в браке, и у тебя есть ребенок, – ответила я, подчеркнув фразу про ребенка. – Так что же ты собираешься делать?

Мы с Брюсом познакомились, поженились, родили ребенка, прошли много этапов – и довольно быстро. А сейчас он будто проснулся и подумал: «Так, а это действительно то, чего я хочу? Или все же я хочу быть свободным?» Знак Зодиака Брюса – Рыбы, поэтому мне кажется, что он изо всех сил сам внутренне пытался разрешить конфликт и выяснить, что его больше влечет – степенная семейная жизнь или волнения и новизна. В общем, он хотел делать все, что ему вздумается, – ничего необычного для мужчины его возраста, а ему тогда было тридцать шесть. Мог ли он отказаться от роскошной жизни и права быть знаменитым? Подумайте сами, чтобы сделать выводы.

Гордость и решительность во мне говорили, что если для Брюса это не то, чего он хочет, то пусть уходит. Мне нужен муж, которого я не буду убеждать, быть ему в браке со мной или нет. Но Брюс не хотел быть человеком, который бросил свою семью, своего ребенка. Я была растеряна и с трудом понимала весь ужас происходящего, однако снова и снова повторяла: «Тогда иди». Но он не мог полностью посвятить себя своим желаниям, как не мог

полностью посвятить себя мне. Когда он уехал на съемки фильма «Гудзонский ястреб», наши отношения оставались напряженными. Однажды я приехала к нему в гости, и, честно говоря, у меня было ощущение, что он изменил мне. Ситуация была странной, все было как-то неправильно.

Я боролась с чувством отчужденности и неуверенностью в себе, от которых просто не могла избавиться, когда мне предложили роль в фильме «Жена мясника». Мне не следовало соглашаться, но это не имело никакого отношения к Брюсу. Мой агент в то время уговорил меня сняться в фильме за деньги, чтобы поднять стоимость моего участия в кино. Я никогда раньше не снималась только ради денег и больше не буду – это был катастрофический опыт, который мне не хотелось бы повторять. Я была не уверена в себе и не доверяла режиссеру. Фильм зависел от меня, но у меня не было и половины опыта других актеров, снимавшихся в этом фильме, – Джеффа Дэниэлса, Фрэнсис Макдорманд и Мэри Стинберген. Мне было некомфортно находиться там, и я не могла попросить их о помощи. Вместо этого я предположила, что все считают меня мошенницей и что я их подвожу. Мне пришлось говорить с южным акцентом, и мне казалось, что звучит это нелепо.

Я играла ясновидящую, которая визуализирует своего будущего мужа-мясника из Нью-Йорка, и, чтобы помочь нам лучше понять экстрасенсов, продюсеры пригласили одну из них на съемочную площадку. Первое, что она сказала мне во время нашего сеанса, было: «Ваша дочь очень хочет, чтобы у вас был еще один ребенок». Она не ошиблась: Румер очень сильно хотела младшего брата.

Трудно представить, что все произошло именно тогда. Брюс был в Европе на съемках, и ему не нравилось, что я вернулась на работу, – вдобавок ко всем смешанным чувствам, которые он уже испытывал по поводу нашего брака. Мы договорились никогда не расставаться больше чем на две недели, а потом проводить вместе по крайней мере четыре дня, но я сделала это невозможным, согласившись на съемки. У меня вообще была бунтарская реакция на Брюса. Я не поддерживала отношения в духе «ты – король», хотя ему такой тип отношений очень нравился. Кроме того, слова: «Не знаю, хочу ли я быть в браке» – явно не проторили дорожку к моему сердцу.

Но когда он первый раз вернулся, мы занялись сексом – и я снова забеременела. Он был на седьмом небе от счастья, и вроде разговоры о метаниях прекратились.

Глава 13

Когда моя беременность была в самом разгаре, мне предложили сняться для обложки Vanity Fair. Мы с моим агентом по продвижению были в полном восторге: после выхода фильма «Привидение» на меня стали больше обращать внимания в прессе, а для актрисы в то время это было высшим достижением. Мы с Энни Лейбовиц устроили фотосессию, но получившиеся фотографии не оправдали ожиданий, поскольку после фильма «Жена мясника» у меня были светлые волосы, и редакторы Vanity Fair сказали, что на фотографиях – не та я, которую все знают, поэтому они не будут использовать эти фото для обложки. Пришлось все переснять.

Я была уже на седьмом месяце, когда нам с Энни нужно было устроить повторную фотосессию. «Если меня надо снять такой, какая я есть, то хочу, чтобы снимки отражали сексуальность и красоту беременной женщины», – попросила я Энни, потому что мне казалось абсурдным, что беременных женщин всегда изображали несексуальными. Женщины прятали свою беременность под мешковидной одеждой, вместо того чтобы показать свои новые изгибы – именно это мы часто видим сегодня. Обычно радуются известию о беременности, празднуют рождение ребенка, но создается ощущение, что в поп-культуре между этими двумя событиями больше не от чего испытывать радость. Я хотела изменить этот стереотип, сделать что-то такое, что придаст очарование беременности, – это мы с Энни намеревались сделать и во время съемки. Получились невероятно чувственные и провокационные фотографии, на которых я была при полном параде: с прической, макияжем, украшениями – как будто это была модная фотосессия для очень беременной модели. На одном снимке на мне был зеленый атласный халат, который распахнулся, обнажая мои формы, на другом – я стояла в черном лифчике и на высоких каблуках, обхватив свой округлый живот.

Фотография, где я сильно беременная и совсем раздетая, попала на обложку журнала Vanity Fair в августе 1991 года. На самом деле это фото Энни хотела подарить Брюсу и мне. Элегантные, сдержанные, без блеска и пафоса – вот какие фотографии, как нам казалось, нужны журналу. Энни сделала этот снимок в самом конце, когда мы уже все закончили – по крайней мере, так нам казалось. И вот это фото стало культовым: одна рука лежит на груди, другая обхватила живот – и все. Я помню, как сказала Энни: «Было бы удивительно, если бы у них хватило смелости взять это фото для обложки». И, что

действительно удивительно, они его взяли.

Во время этой беременности произошло еще кое-что важное: мой агент сообщил, что во мне «заинтересованы» как в актрисе на роль в фильме «Несколько хороших парней», где будут играть Джек Николсон и Том Круз. Но агент озвучил и условие: «Придется пройти прослушивание. Есть желание пробовать?» Мы оба знали, что режиссер Роб Райнер мог взять меня на роль без прослушивания: в тот момент было много фильмов с моим участием, по которым он мог понять, как я выгляжу на экране. К тому же я была уже достаточно успешной после съемок в крупных проектах – в таких случаях обычно не приглашают на кастинг. С другой стороны, с ним у меня никогда не было проблем. Это помогло отогнать тревожный голос, который нашептывал: «Нормально ли то, что я здесь?»

В тот день, на седьмом месяце беременности, вразвалочку, с моим огромным животом я вошла в комнату, чтобы перед Робом Райнером почитать вместе с Томом Крузом ту часть сценария, где появляется моя героиня – лейтенант-коммандер Джоан Гэллоуэй. Я нервничала, ведь Роб Райнер был очень уважаемым режиссером, к тому же Аарон Соркин написал отличный сценарий, но старалась отвлечь себя мыслями о Джеке Николсоне и Томе, с которым, кстати, четыре года назад я уже проходила прослушивание – это была сцена с возлюбленной главного героя для фильма «Лучший стрелок». Тогда я провалилась, потому что перенервничала, и в итоге роль досталась Келли Макгиллис. Но на этот раз я была полна решимости добиться успеха, и, должно быть, это сработало, потому что вскоре мне предложили роль.

Первое, что мне надо было сделать, – быстро прийти в форму. По договору все складывалось: ребенок должен был родиться в августе, а съемки «Нескольких хороших парней» начинались в сентябре. Я понимала, как это непросто, но все же у меня был месяц, чтобы похудеть после родов.

Я знала, что мне нужно постоянно оставаться в форме, даже когда я беременна, и, чтобы все получилось, как надо, я наняла тренера. Дело кончилось тем, что этот тренер со своей семьей переехал в наш мини-отель в Айдахо. У него был маленький сын, примерно того же возраста, что и Румер, и они все лето играли вместе. Мой тринадцатилетний кузен Натан, старший сын Джорджа и Дианы, приехал вместе с Морганом, который делал карьеру в сфере спецэффектов, после того как отслужил морским пехотинцем на войне в Персидском заливе. Этот июль мы очень хорошо провели всей семьей, и я каждый день работала с тренером. Сначала это были прогулки, потом прогулки переросли в походы. Мы начали кататься вместе на велосипедах по горам, и

то, как это делала я, было настоящим зрелищем, – качалась из стороны в сторону с полностью раздвинутыми коленями, чтобы освободить место для живота.

Мы были на благотворительном концерте Кэрол Кинг[49], когда у меня начали отходить воды, – это было почти за месяц до родов, и небольшого раскрытия оказалось достаточно, чтобы под моими ногами образовалась лужа. Все вокруг меня запаниковали, хотя до больницы было рукой подать, и врач там оказался таким же замечательным, как тот, что принимал роды Румер в Кентукки. Он много работал волонтером в Южной Америке и Африке и имел дело со множеством чрезвычайных ситуаций, поэтому мог сказать наверняка, что это не тот случай.

– Думаю, что все в порядке и вам лучше пойти домой, – сказал он.

Очень немногие врачи позволили бы мне так поступить, потому что они обычно боятся инфекции, но он спокойно меня заверил:

– Просто следите за температурой и не принимайте ванну.

У меня не было схваток еще два дня, и даже после этого они были прерывистыми. Когда же схватки утихли, я поехала в больницу, а заодно и все мои домочадцы: Брюс, мой племянник, брат, Румер, няня и наш друг из Хейли. Пока я пыталась ускорить процесс, крутя педали на велотренажере в физиотерапевтическом кабинете, моя группа поддержки «разбила лагерь» – заказала пиццу и играла в настольные игры. В конце концов доктор сказал, что он не думает, что оставшиеся воды отойдут сами, ведь с Румер было так же, и в тот самый момент, когда он вызвал отхождение вод искусственным путем, у меня начались тяжелые роды.

Скаут ЛаРю Уиллис родилась 20 июля 1991 года, на три с половиной недели раньше срока. Я читала «Убить пересмешника», когда была беременна, и назвала ее в честь Скаут Финч – отважной юной героини.

Выпуск Vanity Fair с моим фото на обложке появился во всех киосках вскоре после рождения Скаут, и это вызвало массу общественного негодования. Я была потрясена, хотя редактор журнала Тина Браун, очевидно, не была шокирована. Зная, что многие придут в замешательство, она сказала положить в белый бумажный пакет каждое издание так, чтобы моего беременного живота не было видно, только лицо вместе со строкой «Больше Деми Мур».

Даже с бумажным пакетом некоторые газетные киоски наотрез отказались иметь дело со скандальной публикацией. Этот снимок вызвал сумасшедший резонанс. Одни назвали это мерзкой

порнографией и обвинили меня в эксгибиционизме, другие видели в этом внутреннее освобождение женщин. Я всего лишь хотела показать, что беременная женщина тоже может быть красивой и очаровательной, что понятия «сексуальность» и «мать» связаны – хотя бы потому, что именно секс делает матерью! Это не было политическим заявлением, я просто хотела изобразить беременность такой, как я ее чувствовала, – как нечто прекрасное, естественное и вдохновляющее.

Я получала письма от женщин, многие из которых называли себя феминистками, с выражением благодарности за то, что я раскрыла суть беременности и показала ее как естественную часть женской красоты. Сейчас в это трудно поверить, поскольку каждая знаменитость с гордостью фотографируется со своим «круглым животиком», но в тот момент это был действительно революционный шаг, и общественная реакция была ошеломляющей – и с позиции «за», и с позиции «против». По сей день я больше отождествляю себя с этой фотографией, чем с любым другим фильмом с моим участием. Честно говоря, этот снимок вызывает у меня особую гордость – благодаря ему я стала женщиной, превратившей устойчивое табу в отжившую традицию, хотела я того или нет. Американское общество издателей журналов[50] признало эту фотографию второй лучшей обложкой за последние полвека. Первое место занимал еще один кадр Энни – с обнаженным Джоном Ленноном, обнимающим одетую Йоко Оно. Фото было сделано всего за пять часов до того, как застрелили Леннона.

В 2011 году, в двадцатую годовщину со дня выпуска обложки с тем фото, арт-директор Джордж Лоис, который известен благодаря легендарным обложкам для журнала Esquire в шестидесятых годах – проткнутый стрелами Мухаммед Али в образе святого Себастьяна, Энди Уорхол, тонущий в банке томатного супа Campbell's, – разместил на веб-сайте Vanity Fair следующее сообщение:

«Поистине великолепная обложка журнала, она удивляет и даже шокирует, цепляя взгляд читателя за долю секунды. Образ, который раскрыла Энни Лейбовиц, теперь украшает августовский выпуск журнала Vanity Fair 1991 года. Изображение знаменитой кинозвезды с нежно расцветавшим цветком жизни, который она с гордостью обнажила для всех нас, мгновенно стало культурным шоком. И к черту вопли всех страдающих от запоров критиков, капризных подписчиков и суетливых покупателей в газетных киосках, которые, как предугадали редакторы и издатели, считают изображение беременной женщины «нелепым и оскорбительным». На фото Деми Мур прикрывает грудь рукой, что обрамляет фокус

этого поразительно драматичного символа женской власти. Для меня этот очень смелый образ на обложке крупного журнала – настоящее произведение искусства с мощным посылом, который бросает вызов угнетенному обществу».

Помогать женщинам любить себя и свою естественную красоту – очень значимое для меня достижение, особенно если учесть, что я годами боролась со своим телом.

Если обложка и ее последствия были тем, о чем я не могла и мечтать, то статья про меня в журнале была кошмаром. Сильная фотография на обложке полностью противоречила унизительному представлению обо мне в этой публикации: меня описали как эгоистичную, самовлюбленную и избалованную. В ряде приведенных анонимных цитат утверждалось, что я получила роль в «Привидении» только потому, что «удачно вышла замуж», еще было сказано, что «статус жены Брюса Уиллиса» сильно ударил мне в голову. Были утверждения по поводу «приближенных лиц» – якобы меня «обслуживали» на съемочной площадке «Жены мясника», где было взято само интервью. По их словам, я была примадонной, окруженной подхалимами, – к ним отнесли и няню Румер, поскольку я все еще кормила ее грудью! Попробовали бы они сами сняться в фильме без посторонней помощи, если бы кормили ребенка грудью! Мне хотелось кричать. Нэнси Коллинз, журналистка, написавшая эту статью, также утверждала, что меня «обслуживал» экстрасенс-консультант, в то время как на съемочную площадку ясновидящая была доставлена продюсерами в общих интересах, а не для меня лично. Я сказала Коллинз во время нашего интервью: «Гораздо интереснее писать о том, какая я стерва, чем какая я хорошая женщина», независимо от того, что на самом деле является правдой. К сожалению, она подтвердила мою правоту.

Возможно, я слишком остро отреагировала на негатив в этой истории. Однако ситуация могла бы принести мне много вреда и стать эталоном, на котором основывались бы все последующие интервью. Искаженное представление обо мне как о примадонне преследовало бы меня годами, потому что любой, кто хотел бы написать обо мне или пригласить сниматься в новом фильме, первым делом прочитал бы статью в Vanity Fair, а затем уже брал бы у меня интервью, основываясь на приведенных утверждениях. Статья также могла оказать негативное влияние на мою карьеру, вводя миф о том, что я «доставляю сложности».

Эта история расстроила меня, но она была и унизительным отражением реальности. Если я демонстрирую образ, который полностью противоречит моему представлению о себе, значит, что-то должно измениться. Только в одном Коллинз была права.

Помню, как я была поражена этим отрывком:

«Уиллис, который обвинил бульварную прессу в попытке разрушить его брак, начинает дымиться от любого намека на то, что в его отношениях проблемы. Что же касается непрекращающейся борьбы таблоидов за то, чтобы связать Уиллиса с другими женщинами, то Мур сохраняет спокойствие. «Ревную ли я? Конечно. Но он провоцирует меня, так что если я действительно ревную, то это больше связано с накручиваниями в моей голове».

Доверяет ли она своему мужу? «А кому можно доверять? – задает риторический вопрос Деми после долгой паузы. – Вот в чем вопрос. С опытом я поняла, что доверять можно, и каждый раз я так и испытываю судьбу. Но в глубине души полностью ли я доверяю? Я так не думаю». Мур утверждает: «Я доверяю своему мужу, наверное, больше, чем кому-либо. И все же единственный человек, которому я полностью доверяю, – это мой ребенок».

Джинни, как всегда, усугубляла ситуацию своими обнаженными фотографиями в таблоидах. Все потому, что ее потребность во внимании была настолько отчаянной, что она позволила этим газетенкам убедить ее позировать обнаженной, имитируя снимки, которые я делала для журналов, включая обложку Vanity Fair. Это было печальное зрелище. Я сказала ей: «Ты ставишь себя в неловкое положение!» Но все безрезультатно, поскольку в своем бредовом воображении она считала, что люди, которые платят ей, ее друзья. Я пыталась объяснить ей, что эти так называемые «друзья» используют ее в своих интересах, но она меня не слушала. «Ты зарабатывала деньги, работая моделью, и ничего. Просто не хочешь видеть меня такой» – это все, что она смогла ответить.

И мое терпение достигло предела. Наверное, странно, что после всех тех ужасных вещей, через которые она меня заставила пройти, только ее снимки в таблоидах вынудили меня переступить черту. Я думаю, что в тот момент поняла, какой вред ее безумие может нанести моим детям. Честно говоря, если бы это касалось только меня, скорее всего, я бы позволила ей и дальше продолжать цикл предательств и разочарований – до бесконечности. Но я ни за что не позволю ей причинить вред моей семье.

Я порвала все контакты с матерью вскоре после рождения Скаут. Некоторые члены нашей семьи критически отнеслись к моему решению, но я знала, что это самое логичное, что я могу сделать для себя, моих девочек и, возможно, даже для Джинни. Все деньги, которые я потратила на реабилитацию, билеты на самолет, которые я покупала, помощь, которую я оказывала,

когда она была на мели или имелась какая-то другая безумная причина, – все это не помогало ей. Я давала ей возможности. Но больше не буду тщетно ждать, что она станет матерью. И не буду больше играть роль ее матери и нести за нее ответственность.

Я не разговаривала с ней больше восемь лет.

Глава 14

На следующий день после рождения Скаут я уложила ее в коляску и пошла гулять по длинной дороге в нашем районе Хейли. Через неделю я снова стала ездить на велосипеде, ходить в гору и заниматься в тренажерном зале пять дней в неделю. Скаут я кормила грудью так же, как и Румер, но если Румер после этого набирала вес, то Скаут – нет. Когда ей было около пяти недель, я по-настоящему стала волноваться о ее здоровье и решила пойти к доктору, и у него мое беспокойство переросло в панику. После того, как Скаут взвесили, мне сообщили, что она едва перевалила норму веса новорожденного – масса ее тела изначально была низкой из-за преждевременных родов.

Доктор вышел из смотровой, затем вернулся с бутылочкой молочной смеси, сунул ее в рот малышке, и Скаут начала с жадностью глотать жидкость, пока я за всем наблюдала. Проблема с ее весом была моей виной, хотя доктор не сказал этого напрямую. Насколько я поняла по его словам, главной причиной были мои изнурительные физические нагрузки. Они создавали в моем грудном молоке избыток липазы – фермента, расщепляющего жир. Даже несмотря на то, что я кормила Скаут часами, она не набирала вес, и нам пришлось добавить молочную смесь в ее рацион. Я была в смятении, ведь кормление грудью было для меня такой приятной частью материнства.

И все же я понимала, что не могу оставить тренировки, потому что считала своим долгом влезть на два месяца в военную форму для съемок «Нескольких хороших парней». Подготовка к этому фильму сподвигла меня постоянно тренироваться, и в течение следующих пяти лет я полностью посвятила себя этому делу – не решалась остановиться.

Мы вернулись в Лос-Анджелес для съемок фильма «Несколько хороших парней». Брюс вскоре должен был играть в картине «Смерть ей к лицу» с Голди Хоун и Мэрил Стрип. По счастливой случайности оба фильма снимались на одной площадке – в студии в Калвер-Сити, которая быстро стала настоящим детским садом. Мерил только что родила ребенка, я только что родила ребенка, и у Роба Райнера и его жены тоже родился ребенок, а еще к нашей компании присоединилась Трейси Ульман – британская комедийная актриса, которая снимала свое телевизионное шоу на этой же площадке. Мы все ходили от одного фургона к другому с нашими детьми. В моем доме в Айдахо на стене висит фотография всех членов нашего «клуба», который мы в шутку прозвали «звездной детской

группой» в студии Калвер-Сити. Так вышло, что позже трое из этих детей – Скаут, Джейк Райнер и Джонни, сын Трейси Ульман, – подросли и пошли в одну и ту же школу в Лос-Анджелесе.

Когда начались съемки фильма «Несколько хороших парней», я смогла влезть в эту узкую военную форму, но не без огромных усилий. Мои будни состояли из утренних подъемов, пробежек, съемок, занятий в зале и ночных вскармливаний малышки – это очень выматывало. Со Скаут я набрала почти двадцать восемь фунтов[51], а теперь со своим сумасшедшим режимом постепенно сбрасывала лишний вес. Но одна часть моего тела в силу физиологических особенностей все равно оставалась огромной – грудь. Я кормила Скаут поочередно своим молоком и смесью из бутылочки, поэтому большую часть времени меня не отпускали болевые ощущения от переизбытка молока. Одним словом, выглядела я очень пышногрудой, правда одна грудь нередко была больше другой, поэтому костюмерам не раз приходилось вставлять подкладку под одежду, чтобы грудь выглядела ровной.

Я всегда восхищалась Джеком Николсоном, а работа с ним только усилила это чувство. В фильме два моряка предстают перед судом за убийство. Культовая ныне фраза звучала в конце долгих съемок сцены суда. Это был момент, когда Джек, игравший полковника морской пехоты, повернулся к адвокату, которого играл мой партнер – Том Круз, и озлобленно ответил: «Правда тебе не по зубам». Мы должны были присутствовать на съемочной площадке весь день, пока камера снимала «обратную сторону» – Тома Круза в разных ракурсах. И Джек весь день произносил свой монолог – для всех. Наверное, вы часто слышали об актерах, которые стараются только в тех дублях, где их снимают крупным планом, а не там, где их реплики звучат фоном, но это точно не про Джека. Я сидела на съемочной площадке – за адвокатским столом в зале суда – и смотрела прямо на него, наблюдая, как он каждый раз выкладывался по полной, причем до такой степени, что мне казалось – он вот-вот потеряет голос. На меня оказало большое впечатление такое благородство по отношению к своим коллегам, ведь в каждом дубле, независимо от того, снимали его или нет, он продолжал играть на высочайшем уровне, что особенно трудно делать снова и снова в значимой и эмоциональной сцене фильма.

Несколько дней спустя он уже не был так благороден, когда мы всей командой ждали его появления, чтобы снять сцену в месте, в котором снимали базы Гуантанамо, – собственно, по сюжету именно там и происходит история. Чтобы сцена получилась хорошей, нужен определенный свет, но солнце все

садилось и садилось, Роб Райнер уже начал ворчать, что ничего не выйдет, и никто не мог понять, почему нельзя просто вытащить Джека из его фургона. Он появился в последний момент захода солнца. Оказалось, что Джек – большой фанат баскетбольного клуба «Лос-Анджелес Лейкерс», и он не мог оторваться от телевизора, пока Мэджик Джонсон не объявил, что болен ВИЧ. Джек знал об этом, а другие – нет.

Больше всего я восхищалась оригинальностью, которую проявили Аарон Соркин и Роб Райнер, не вовлекая наших с Томом героев в романтическую интрижку, которая не соответствовала этике их профессии. В то время зрители ожидали, что если на экране появляется привлекательная женщина, то это лишь вопрос времени, когда она окажется с главным героем в постели или, по крайней мере, полуобнаженной. Но у Роба и Аарона хватило смелости воспротивиться этому приему в кино – для них смысл истории был в другом. И в этом они оказались правы. Много лет спустя Аарон рассказывал на уроке в киношколе: «Идея фильма заключалась в том, что этим молодым юристам было непросто выиграть судебное дело двух моряков, так что не думаю, что мы бы полюбили героев Тома Круза и Деми Мур только за то, что они во время работы решили бы заняться сексом». После того как Соркин получил ответ от генерального директора, который настаивал на постельной сцене, его реакция была такая: «Я никогда не забуду, что мне ответил директор: ”Ну, если Том и Деми не переспят, то почему герой Деми – женщина?” И это окончательно поставило меня в тупик».

Мне нравилось, что моя героиня не пользовалась своей привлекательностью – в своих ролях я не часто сталкивалась с подобным. Они показали женщину, которая представляла ценность для своих коллег и самой истории из-за ее профессиональных навыков. Фильм был номинирован на четыре премии «Оскар» и пять «Золотых глобусов».

Когда я читала сценарий следующего фильма, у меня замерло сердце – сколько же там постельных сцен с моим участием! Мне хотелось сняться в этом фильме, поскольку сюжет был интересным: молодая пара едет в Лас-Вегас в надежде выиграть деньги на создание дома своей мечты, который может построить муж-архитектор. К сожалению, там они теряют все свои сбережения, однако жена главного героя Диана привлекает внимание миллиардера, который готов сделать им предложение: он даст миллион долларов, если проведет ночь с Дианой. Супруги долго спорят по этому поводу, но в итоге принимают предложение – именно с этого момента начинает развиваться

сюжет.

Фильм назвали «Непристойное предложение», и за его реализацию взялся знаменитый режиссер Эдриан Лайн, известный своими меланхоличными и чувственными картинами «Роковое влечение», «Танец-вспышка», «Лестница Иакова». Независимо от обстоятельств он настаивал на прослушивании каждого актера. Дело в том, что я встречалась с ним на прослушивании почти каждого его фильма, включая тот, что называется «Лисы» (тогда я была несовершеннолетней, главную роль получила Джоди Фостер), и он никогда не давал мне роли. Но в этот раз все было иначе.

Моего мужа играл Вуди Харрельсон – он был другом Брюса, и я тоже очень хорошо его знала. С одной стороны, тот момент, что я буду с ним целоваться, казался неловким, ведь это все равно что целовать брата, но с другой – мне комфортнее работать с другом, которому я полностью доверяю. Когда Эдриан уговорил Роберта Редфорда сыграть миллиардера, я начала понимать, что фильм будет чем-то уникальным.

Мы договорились с Эдрианом, что он будет снимать постельные сцены со мной, как ему захочется, но в конце у меня будет возможность пересмотреть весь отснятый материал, и он вырежет то, что мне покажется слишком интимным или непристойным. Это соглашение требовало особого доверия с обеих сторон, и я очень ценила его желание работать таким образом.

Мне снова надо было выставлять напоказ свое тело, поэтому ни о чем другом, кроме него, я думать не могла. И как итог – решила удвоить свои тренировки, количество которых и так уже зашкаливало. Я убрала из рациона углеводы, бегала, каталась на велосипеде и занималась на всех тренажерах, какие только можно было установить в спортзале – его мы оборудовали в нашем доме в Хейли. Когда примерно через месяц я пришла к Эдриану, чтобы обсудить костюмы, мне по-настоящему нравилось мое тело. Наконец-то оно стало таким, как я его себе представляла.

«Ты очень сильно похудела», – первое, что сказал Эдриан, когда я к нему зашла. И поначалу, приняв это за комплимент, я начала объяснять, что для меня очень важно не чувствовать себя скованно из-за своего тела во время постельных сцен, поэтому мне пришлось хорошенько над собой поработать. Казалось, мои слова пролетали мимо его ушей, поскольку он, не отрываясь, с тревогой осматривал меня, а затем сказал:

– Не хочу, чтобы ты выглядела, как чертов мужик.

Когда я выходила из его кабинета, у меня начала кружиться голова. А совсем потеряла голову я тогда, когда мой агент

позвонил той же ночью и сказал мне: «Эдриан уволит тебя, если ты не наберешь хотя бы десять фунтов»[52].

У нас была еще одна встреча – на этот раз с моим агентом и главой студии, Эдриан тоже присутствовал. Я попыталась объяснить ему:

– Ты не знаешь, о чем просишь меня, ведь это все равно что заставить наркомана принимать наркотики.

Я сделала все возможное, чтобы он воспринял мое противоборство и понял, как для меня важно не чувствовать себя во время постельных сцен неловко – мне просто необходимо быть стройной, чтобы чувствовать себя комфортно голой перед камерой. В итоге Эдриан очень неохотно, но уступил. По правде говоря, это был его фильм, и он хотел, чтобы главная героиня выглядела немного пухленькой и чувственной, тогда как я себя видела легкой и стройной, как балерина. С одной стороны, это мое тело, с другой – это его фильм. После этого в наших отношениях с Эдрианом возникла некая напряженность, даже враждебность – я не хотела, чтобы он победил, но процесс уже был запущен, и это только вопрос времени, когда моя потребность угодить другим будет бороться с моим желанием быть худой. В самой первой сцене, которую мы снимали для фильма «Непристойное предложение», я кружилась в нижнем белье на кровати, усыпанной деньгами.

Я знала Гленн Клоуз, и она предупредила меня, что Эдриан во время съемок постельных сцен был странным. Гленн рассказала, что, пока снимали любовную сцену с ней и Майклом Дугласом для фильма «Роковое влечение», он все время на весь лофт выкрикивал разные непристойности, чтобы как-то подбодрить актеров. И Гленн не преувеличивала. Эдриан был настоящим вуайеристом – и это одна из причин, по которой его картины получаются такими притягательными и эффектными. На съемочной площадке это выглядело очень странно: он не переставал что-то говорить нам – нет, практически кричать, – пока мы снимали эротические сцены. Например, он выкрикивал: «Гребаный похабник! О боже, у меня от этого стояк! Давай, возьми его за член!» Сначала было жутко – парень с длинными волосами, похожий на британского рокера, весь потный и возбужденный, кричит о стояках. Но как только я привыкла, то увидела в этом свои преимущества. Эксцентричность Эдриана отвлекала меня от собственной неловкости. И как только я поняла, что его возгласы не обязательно исполнять буквально, сниматься стало очень весело, особенно когда он вскрикивал что-то за кадром, а мы с Вуди пытались изобразить страстное желание. На самом деле, когда я увидела конечный результат

работы Эдриана, то пришла к выводу, что все получилось великолепно. Конечно, я не должна была надеяться на выполнение соглашения, но в фильме и не было ничего такого, что бы меня смущало или выглядело слишком пошлым. Он снимал фильмы с легкой эротикой, а не с грязным сексом.

Однако съемки были очень тяжелыми. В Лас-Вегасе они проходили с четырех утра до четырех вечера, поэтому я вставала в час тридцать ночи, чтобы в два начать тренировку. Я бегала, каталась на велосипеде и тренировалась в спортзале гостиницы «Мираж». После этого в самый последний момент залетала в душ, делала прическу и макияж, а по вечерам заботилась о своих маленьких девочках, которых я привезла с собой вместе с няней и тренером. Следующей ночью я вставала в час тридцать, и все начиналось сначала.

Мой вес настиг меня в середине съемок, когда мне показалось, что я заболеваю гриппом. Эдриан собрался отправить меня на больничный, но я отказалась – не хотела, чтобы из-за меня прерывали съемки, тем более что я помнила, как мне создавали образ человека, «доставляющего сложности». Несмотря на мои возражения, Эдриан вызвал врача, чтобы тот осмотрел меня, и оказалось, что это не грипп, а легкая пневмония. На этот раз у меня не было выбора, как и у Эдриана. От моего имени он взял страховой день – а это то, чего актеры никогда не хотят иметь в своем послужном списке.

Приехала бригада медиков, мне ввели внутривенно антибиотики. Я сразу почувствовала себя лучше, но переживала о приостановке своих тренировок. Пришлось немного расслабиться, хотя для Эдриана этого было недостаточно. Всякий раз, когда он видел меня в кроссовках или на велосипеде, выражение его лица выражало неодобрение, если не сказать отвращение, и как бы я не старалась не обращать внимания, это начинало меня раздражать. Под конец съемок фильма ему все же удалось повлиять на меня, и в результате я набрала вес, который он изначально от меня требовал. Я чувствовала себя очень неловко – это было заметно в последних сценах, которые мы снимали для фильма, где я была в кремовом платье, из-под которого немного выпирал «животик». Помню, Эдриан подошел ко мне, когда мы смотрели дубли, и сказал об этом. Я ответила:

– Не говори мне больше ни слова о моем теле.

Как бы мы с Эдрианом не бесили друг друга, должна сказать, что никогда еще я не снималась так красиво. В «Непристойном предложении» все выглядело солнечным, как будто мы сами светились изнутри. Вообще, освещением занимался оператор-постановщик, но Эдриан все равно приходил и переделывал все

так, как ему нужно. То, с каким вниманием он относился к освещению и повествованию, поражало. Он тщательно просматривал все, вплоть до каждой детали костюмов. Помню, я предложила свое черное шелковое платье для первого «свидания» моей героини и героя Редфорда, и Эдриану оно очень понравилось. Ему хотелось сделать эту встречу максимально элегантной, несмотря на то что моя героиня буквально стала девушкой по вызову. Он намеревался создать романтичную обстановку со всем шиком, она должна была выходить за рамки их сделки и казаться зрителям привлекательной. Эдриан даже попросил Херби Хэнкока[53] играть на пианино у персонажа Редфорда на яхте, пока мы медленно танцевали во время этой сцены. (Во время танца я думала о культовом моменте в фильме «Встреча двух сердец», где Барбара Стрейзанд своей рукой в перчатке убирает волосы с глаз Редфорда. Нелегко вести себя непринужденно рядом с легендой экрана, хотя во время съемок Редфорд был сама любезность.) Вот так на место Эдриана-пошляка пришел Эдриан-романтик. Он был настоящим перфекционистом, который знал, чего хочет. Несмотря на то, что мы сильно спорили по поводу моего тела, не думаю, что он на самом деле был грубым. Эдриан просто хотел получить желаемое. Хорошие режиссеры поступают именно так.

В апреле 1993 года фильм вышел в прокат, и только за пять дней его сборы составили 24 миллиона долларов. Невзирая на то, что картину обругали критики и феминистки, которые возмущались, что мою героиню использовали в качестве объекта бартера, в конечном итоге фильм собрал более 260 миллионов долларов по всему миру.

Противоречивая ситуация с феминистками была действительно интересной. Писательница Сьюзен Фалуди обвинила персонажа Роберта Редфорда в «изнасиловании женщины за деньги». Еще один критик из Los Angeles Times писал: «Может быть, в Голливуде сейчас и Год женщин, но в этом году каждая женщина имеет свою цену». В Washington Post было опубликовано следующее: «Если продают человека – это называется рабством. Если продают женщину в Голливуде – это называется романтикой». Мне показалось, что историю понимали достаточно поверхностно, хотя в ней было достаточно много нюансов, которые всеобъемлюще охватывали общечеловеческие страхи по поводу брака. Независимо от того, насколько мужчина или женщина довольны своим партнером, в каждом есть небольшая тревога, что найдется кто-то лучше, богаче, красивее – одним словом тот, кто произведет большее впечатление на партнера – и в результате украдет его сердце. Тема денег,

присутствующая в сюжете, ставит главный вопрос: «За какую сумму вы готовы продать себя, своего супруга, свою жизнь?»

Я никогда специально не думала об этом, пока мы снимали фильм, но где-то в подсознании звучал тот самый ужасный вопрос, который когда-то мне задали: «Каково это – быть шлюхой своей матери за пятьсот долларов?» Вот это было «непристойное предложение», а наш фильм, напротив, был историей женщины, которую ценили. Миллиардер отдал бы за нее все что угодно, а мужа мучила мысль о том, что он может потерять ее, пусть даже на одну ночь. Ее любили и уважали, у нее была своя жизнь, и в конце концов она сама устанавливала рамки дозволенного, сама решала, чего хотела.

Я снова забеременела, но на этот раз все было иначе. Каждый день у меня был токсикоз. Начиналось все с того, что я лежала в постели, потом ползла в ванную, где меня тошнило, после чего в таком же состоянии возвращалась. Дошло до того, что в меня не лезла еда, потому что все время тошнило. В какой-то момент я просидела на воде в течение семи дней.

Мы с Брюсом всегда старались сниматься одновременно, чтобы свободное время проводить вместе. Пока у меня был токсикоз, Брюс занимался детьми – Румер тогда уже было пять лет, а Скаут еще не исполнилось и двух. Он водил их гулять в лес и плескался с ними в бассейне на заднем дворе. Он был отличным отцом – принимал участие в воспитании, заботился о дочках и, конечно, обрадовался, что у нас будет еще один ребенок. У него, как и у меня, было несказанное облегчение, что утренняя тошнота прошла – как раз когда мы вместе с детьми, нянями и домашними питомцами – в общем, всем нашим семейным цирком – решили отправиться на Гавайи. Там Брюс должен был сниматься в фильме Роба Райнера под названием «Норт».

Момент был немного неподходящим – я только начинала возвращаться к своей карьере, и у меня не было мысли еще об одном ребенке. Идеальное имя для нашего чада появилось во время поездки с девочками на остров Фишер недалеко от побережья Майами. Забава этого отпуска переросла в имя для нашего третьего ребенка. В общем, там я подружилась с Мег Райан[54] – мы легко сблизились, наверное, потому, что были примерно одного возраста и развивались в одинаковом направлении. Она была открытой, доброй и самой что ни на есть «девочкой-девочкой». Мне нравилась ее работа, но еще больше мне нравилось узнавать ее в общении. Она предложила имя Таллула, потому что в именах обеих моих дочерей есть звук «у»: Румер, конечно же, Скаут, и второе ее имя – ЛаРю. «Таллула

завершила бы твое тройное ”у”», – воодушевила меня Мег.

Мне очень понравилось это имя, а вот Брюсу – нет. И все стали искать разные ухищрения, чтобы его уговорить. В имени была очевидная отсылка к Таллуле Бэнкхед[55], но это его не убедило. Он немного смягчился, когда я нашла в детской книге значение этого имени, которое с индейского языка переводилось как «водопад». Затем я акцентировала внимание на том, что Джоди Фостер (ей тогда было тринадцать) сыграла в мюзикле «Багси Мэлоун» главную героиню Таллулу. Это было последней каплей, и он поддался.

Брюс был с Полом Ньюманом в Нью-Йорке на съемках фильма «Дураков нет», и я с девочками приехала навестить его в последний месяц своей беременности. Скаут родилась раньше срока, поэтому на всякий случай я решила пойти к врачу в Нью-Йорке, хоть и чувствовала себя прекрасно. Но, как оказалось, у меня была проблема. Врачи сделали УЗИ и были обеспокоены тем, что ребенок был очень маленьким для родов в феврале.

– Вы не можете тренироваться, придется все прекратить, – сказали они мне, потому что хотели убедиться, что это не мешает росту ребенка.

Внезапно обычная для меня беременность оказалась под большой угрозой, и я боялась сделать что-то большее, чем пройтись к раковине за стаканом воды. Но замкнутость и отсутствие движения сводили меня с ума. Мною все больше овладевало беспокойство, потому что врачи сканировали меня почти каждый день, и, несмотря на то, что все жизненные показатели ребенка были в норме, они не могли понять, почему она не набирает вес.

Когда у Брюса закончились съемки, мы вернулись в Хейли, и я немедленно пошла к моему постоянному гинекологу. Он сделал УЗИ и сравнил изображение с теми, что я привезла из Нью-Йорка.

– Она действительно не выросла за эти пять дней. Ребенок уже доношен, и я думаю, что пора ей появиться на свет, потому что что-то происходит, а мы не знаем, что именно, – сказал он.

Доктор стимулировал роды в нашей маленькой больнице в Хейли, и 3 февраля 1994 года Таллула Белль Брюс Уиллис появилась на свет с молниеносной скоростью. Сам доктор чуть не пропустил роды, потому что пошел переобуться. Она весила четыре фунта двенадцать унций[56] и была так похожа на Брюса, что я добавила к ее имени его. Таллула была невероятно тощей, как леденец на палочке, ей дали вдохнуть кислород, после чего нас выписали. Она была в полном порядке, лишь с небольшим весом.

Истина заключается в том, что мудрость доктора, сказавшего:

«Пора ей появиться на свет», вероятно, спасла ей жизнь. Я была бесконечна благодарна ему за то, что он подарил мне мою третью девочку – мою милую маленькую Лулу.

Глава 15

Я была готова сделать все возможное, чтобы позаботиться о моих девочках. Я испытывала почти первобытную потребность защищать их: готова была встать под пулю за них, ограбить банк – все что угодно. Именно об этом я думала, когда читала сценарий, написанный по книге Карла Хайасена «Стриптиз». Не знаю, могло ли что-то еще в этом мире заставить меня чувствовать себя более неловко, чем необходимость каждый вечер раздеваться, выставлять свое тело на всеобщее обозрение и демонстрировать сексуальность. Но ради того, чтобы прокормить своих детей, я бы, вне всякого сомнения, пошла на это, как и главная героиня фильма. Ее звали Эрин Грант, и она служила секретаршей в ФБР, пока не потеряла работу, а когда уже больше не могла содержать себя, потеряла и опеку над дочерью. Эрин решается стать стриптизершей, потому что это верный способ заработать достаточно денег, чтобы вернуть своего ребенка.

Кстати, о деньгах: за эту роль мне предложили достаточно высокий гонорар – больше двенадцати миллионов долларов. Ни одна женщина в Голливуде не получала столько за один фильм. Но так уж получилось, что продюсеры «Стриптиза» попали в своеобразную ценовую войну с продюсерами «Солдата Джейн» – еще одной истории о женщине, которая готова была пойти на все для достижения своих целей, хотя это совершенно другой тип женщины с абсолютно другими целями. (На самом деле я была одним из продюсеров «Солдата Джейн» – принесла сценарий режиссеру моей мечты – блистательному Ридли Скотту, и он сказал «да», чего раньше не случалось.) Я уже почти подписала контракт на съемки в фильме «Солдат Джейн», поэтому, чтобы оказаться впереди, продюсеры «Стриптиза» должны были предложить больше денег, чем мне собирались заплатить за «Солдата Джейн». Так они и поступили. И мгновенно я стала самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда.

У Брюса тоже дела шли неплохо – ему заплатили двадцать миллионов долларов за третью часть «Крепкого орешка». Обратите внимание на несоответствие: в то время в Голливуде мужчинам платили почти вдвое больше, чем женщинам. Но люди, вместо того чтобы видеть в моем большом гонораре важный шаг в деле соблюдения прав женщин или хотя бы какое-то вдохновение, прецедент, придумали мне прозвище – Жадная Мур.

Отчасти это было потому, что мы с Брюсом были успешной парой, однако ему никто не давал прозвища в духе «алчный и жадный». Он же был простым парнем, который делал то, что и

остальные парни, – а именно зарабатывал деньги, и как можно больше, чтобы обеспечить свою семью. Женщины же по каким-то особым причинам должны были зарабатывать меньше – на любой работе, а главное – не возмущаться. Я никогда этого не понимала. Да, я не заканчивала колледж, и в детстве со мной никто не обсуждал деньги, но я знала, что любой человек хочет, чтобы его труд хорошо оплачивали. В моей семье нас содержали за счет грязных махинаций, я же не хотела быть как мои родители, поэтому много работала и вела себя как профессионал. Я гордилась тем, что полностью посвящаю себя любимому делу, а не пытаюсь делать только то, что мне выгодно. Я принимала участие в создании нескольких кассовых хитов того времени, последним был фильм с Майклом Дугласом «Разоблачение». У этой картины был огромный коммерческий успех, и я хотела, чтобы мне платили соответствующе. Это все, в чем я была виновата.

Как ни смешно, но ненависть, с которой я столкнулась, согласившись сниматься в «Стриптизе» за высокую плату, ассоциировалась с осуждением окружающих, которое преследовало мою героиню, когда она стала стриптизершей. Я начала ходить в стриптиз-клубы, чтобы встретиться с работающими там женщинами и послушать их истории. Это оказалось удивительным просвещением. Некоторые из них работали, чтобы окончить школу, другие были наркозависимыми и здесь зарабатывали деньги на наркотики. Была одна очень красивая мать-одиночка, которая танцевала стриптиз всю ночь, чтобы днем заниматься своими детьми. Я рассказала о ней, когда пошла к Барбаре Уолтерс[57] на интервью для продвижения фильма, подчеркнув, что никто не должен осуждать эту мать-одиночку за то, что она работает, чтобы содержать свою семью, так же как мы не осуждаем официанток и секретарш. И я не шутила.

Меня снова назвали эксгибиционисткой. С одной стороны, я понимаю почему, ведь я танцевала вокруг шеста в стрингах. Справедливо. Но негатив, с которым люди реагировали на этот фильм, был окрашен настоящей злобой и сексизмом.

Самым лучшим в создании «Стриптиза» было то, что я проводила много времени с Румер – ей тогда было семь лет. Она умоляла, чтобы ее допустили к прослушиванию на роль дочери Эрин, и в итоге получила эту роль. Я не отрицаю, что в этом была не только моя заслуга, но и ее исключительная способность держаться перед камерой. Режиссеру понравилась идея нашего реального родства, и Румер показалась ему просто очаровательной (я не могу быть объективной, но думаю, что он

был прав). Мы прекрасно проводили с ней время, и я очень гордилась своей девочкой: она была прилежной, полностью отдавала себя работе и быстро училась. Но мои критики решили, что я плохая мать, если позволяю ей смотреть, как я танцую с обнаженной грудью. Мне показалось это безумием – за всю ее молодую жизнь она много раз видела меня не только с обнаженной грудью. Несмотря на все мои проблемы с телом или, может быть, из-за них (я не хотела передавать такое «наследство»), я воспитала своих девочек так, чтобы они ничего не стыдились и считали наготу естественным явлением.

Как я уже говорила, в фильме «Стриптиз» меня привлекла история о матери и дочери. Вынуждена признаться, что для этого фильма, а потом и для «Солдата Джейн» я должна была уделять большое внимание своему телу и доводить его до совершенства, но работа над ним была моим выбором.

Когда я снималась в «Стриптизе», на завтрак я отмеряла полстакана овсянки и готовила ее на воде, а после в течение всего дня был только белок и немного овощей. Самое странное, что даже с таким питанием и тренировками шесть дней в неделю я не казалась себе худой. Скорее всего, это было психологическое и эмоциональное удержание. Я так крепко вцепилась во все: в мой брак, карьеру, физические упражнения и диету, что мое тело ничего не хотело отпускать. Единственное, в чем я чувствовала себя по-настоящему комфортно, было исполнение роли матери, которая была для меня главной в этом фильме.

Если такая одержимость собственным телом кажется вам сумасшествием, вы не ошибаетесь: пищевые расстройства – это безумие, болезнь. Но это то, с чем в реальности сталкиваются люди. Когда вы страдаете от болезни, то не можете просто отказаться от нее, даже если она делает вас несчастным.

Думаю, что лишь некоторые из тех, кто не является спортсменом или военным, могут по-настоящему понять, через что я прошла, чтобы стать главной героиней фильма «Солдат Джейн». Я горжусь этой картиной больше всего, потому что она была самой трудной для меня – эмоционально, физически и психологически. Я должна была посвятить себя этой роли так же, как моя героиня, лейтенант Джордан О'Нил, должна была стать первой женщиной – военнослужащей спецназа ВМС.

Я отнеслась к этой истории очень серьезно. Женщина – сенатор США выбрала кандидатуру лейтенанта О'Нил, чтобы она стала первой женщиной, прошедшей обучение в военно-морском флоте. Правда, Джордан понятия не имела, что сенатор использует ее как разменную монету, ожидая, что она потерпит неудачу. О'Нил избивают, высмеивают, она чуть не утонула, но,

несмотря на все это, ей удается добиться желаемого. Ее мужество, абсолютный отказ от капитуляции, невзирая на трудности, нашли отклик во мне.

В тот момент сюжет фильма был очень актуальным, поскольку после войны в Персидском заливе участие женщин в боевых действиях стало злободневным вопросом. По закону женщинам не разрешалось участвовать в военных конфликтах, но в современных войнах нет такого понятия, как линия фронта. Во время боевых действий женщины нигде не могли чувствовать себя в безопасности, и в то же время у них не было таких же возможностей, как у мужчин, продвигаться по службе. Хотя в 1993 году женщины получили право служить в подразделениях ВМС и ВВС, армия и морская пехота твердо настаивали на исключении их из боевых действий. Например, элитные подразделения США, в частности «морские котики»[58], утверждали, что женщины никогда не смогут быть такими же сильными, как мужчины.

Благодаря подготовке к самому суровому физическому испытанию на флоте я открыла у слова «экстремальный» новые значения. Если я хотела выглядеть реалистично в своей роли, необходимо было пройти через все физические испытания, которые достались лейтенанту О'Нил. Нас, актеров, заставили пройти двухнедельную спецподготовку «морских котиков» – там были сорок парней и я. В первый день я проснулась в пять утра и выпила горсть витаминов, а затем нас заставили за определенное время пробежать милю. Меня тут же вырвало. К концу дня от ботинок у меня появились ужасные волдыри, и я едва могла ходить. Один наш консультант из бывших «морских котиков», его звали Гарри Хамфрис, отвел меня в сторону и тихо сказал:

– Послушайте, вы не обязаны все это делать.

Однако я должны была играть офицера. Лидера. И думала, что если сдамся сейчас, то никогда не добьюсь уважения. Я попросила Гарри принести мне лейкопластыри для ног.

Это было жестоко. Сэм Рокуэлл изначально был заявлен в фильме, но не прошел обучения. Годы спустя Сэм признался Карсону Дэйли[59], что он боялся простудиться в холодной воде во время ночных съемок сцены с аквалангом.

На второй день я на несколько минут опоздала на тренировку. Ребята уже были в строю, и я попыталась незаметно проскользнуть в конец шеренги.

– Джордан! Ко мне! – закричал один из командиров нашей группы «морских котиков».

Во время тренировок меня никогда не называли моим настоящим именем. Я подбежала, и, пока стояла перед ним, он

кричал:

– Кем ты себя, черт возьми, возомнила? Упала на гребаную задницу!

Это означало, что нужно принять упор лежа – занять начальную позицию отжимания, в которой требуется удерживаться долгое время. Все остальные были вынуждены сделать то же самое. Однако к концу этих тренировок я была сильнее большинства ребят. Он кричал им:

– Неужели вы позволите избить себя какой-то матери троих детей?

Единственная разница в силе между ребятами и мной к концу подготовки была в том, что я никогда в жизни не могла сделать больше трех подтягиваний, максимум четырех. Это было проклятием. Каким бы мое тело ни было мускулистым, в кадре мне пришлось делать вид, что я подтягиваюсь. Я сама подтягивалась два или три раза, а иногда мне нужна была небольшая помощь, чтобы сделать даже это.

В Коронадо[60] я договорилась о встрече с высокопоставленным адмиралом в рамках моей подготовки, и он подтвердил, что единственная разница между мужчинами и женщинами – кандидатами в ряды «морских котиков» заключается в силе верхней части тела. «В остальном это просто психология», – сказал он мне.

Наш разговор внес ясность в понимание того, что мне нужно показать в характере лейтенанта О'Нил. Я могла бы изобразить ее физическую силу, но важную роль играла психологическая устойчивость – не сдаваться, несмотря ни на что.

Мне нужна была эта сила духа, когда мы начали работать над фильмом. Съемки были изнурительными физически и морально, особенно та сцена, где О'Нил как кандидат «морских котиков» была «захвачена врагами» и вместе с другими «военнопленными» училась школе выживания по программам «Выживание», «Уклонение», «Сопротивление» и «Побег»[61]. В сегменте «Сопротивление» пленников пытали, чтобы добыть информацию, и О'Нил пришлось вступить в жестокую схватку с главным старшиной – его блестяще сыграл Вигго Мортенсен, – который был не только «врагом», но еще и женоненавистником. Он старался показать мужчинам-кандидатам, какой помехой и опасностью будет женщина в ходе военных действий. Он с силой опускал мою голову под воду и держал ее столько, сколько я могла задерживать дыхание, затем поднимал меня, чтобы я глотнула воздуха, после чего снова погружал голову под воду. Это было настолько реалистично, что один из помощников режиссера испугался, что я захлебнусь. Честно говоря, были моменты, когда

я сама этого боялась.

Недавно я наткнулась на колонку моего любимого кинокритика Роджера Эберта, которую он написал после предварительного показа фильма «Солдат Джейн». Приведу цитату оттуда: «Любопытно наблюдать, как меняются формы ее тела. Знаменитую фотографию беременной Деми Мур на обложке Vanity Fair можно разместить рядом с ее последними образами: стриптизерши в «Стриптизе», начальницы в «Разоблачении» и жены в «Непристойном предложении», которая должна решить, что можно приобрести за миллион долларов; все эти женщины, а теперь и О'Нил, испытывают внутреннее противоречие, касающееся женского тела, женского самоуважения и воли. Фильм «Солдат Джейн» показывает это наиболее очевидно и успешно». Было приятно, что такой интеллектуал, как Эберт, оценил это.

К сожалению, глубокое понимание Роджера Эберта было исключением. Еще до того, как фильм «Солдат Джейн» вышел в прокат, люди, даже не посмотрев, обрушились на него с критикой. Это было похоже на коллективное решение разнести меня в пух и прах и высмеять, похоже на то, чего я всегда боялась.

Мне было действительно неприятно, поскольку я вложила в картину всю душу и возлагала большие надежды на эту роль. Это было полное погружение в историю, я разделяла идею фильма и переживала по поводу проблем, которые там поднимались. Я на самом деле считала фильм хорошим.

Это была первая картина, изобразившая женщин в реальных боевых действиях – во всяком случае, одну женщину. И конечно, фильм выходил за привычные рамки, показывая женские физические возможности и поднимая вопрос: если у актрисы есть навыки, почему она не может ими воспользоваться? За два скандальных фильма мне заплатили больше, чем любой женщине, и столько же, сколько многим мужчинам в моей индустрии. Поэтому исполнение роли женщины, такой же сильной, как и мужчина, для многих людей было перебором.

Воспринимать критику «Солдата Джейн» и «Стриптиза» было очень тяжело. Главная мысль заключалась в том, что я предала женщин в «Стриптизе» и мужчин – в «Солдате Джейн», при этом получила за работу большие деньги. Никто не мог мне этого простить. И я впитала весь этот негатив, не проанализировав его по-настоящему.

Брюс все это время работал, и мы были эмоционально оторваны друг от друга. Вся наша жизнь была связана с тем, чтобы обеспечить девочек вниманием и уходом. И хотя Брюс всегда гордился моими успехами, я не уверена, что ему

нравилось внимание, которое мне оказывали.

Мне не приходило в голову поговорить с кем-то о том, как я переживаю трудности, – по правде говоря, мне даже в голову не приходило, что мне позволено переживать. Казалось, что иметь проблемы нормально и я просто должна разобраться с этим дерьмом сама.

Я нарастила слишком много мышечной массы, когда снималась в «Солдате Джейн», и к концу съемок весила 138 фунтов[62]. Не думаю, что Брюсу нравились мои формы – огромная шея и огромная спина. По окончании съемок я не смогла натянуть старые брюки на свои накачанные бедра. Мне нравилось быть сильной и массивной, но я не собиралась оставаться такой, притом с бритой голо- вой.

Я могла бы снова начать морить себя голодом, выполнять упражнения на уменьшение массы тела, но не сделала ни того, ни другого. Я достигла своего предела, и когда вернулась домой в Айдахо, на меня снизошло озарение. Я поняла, что хочу иметь свой естественный вес. Больше не буду голодать и оценивать свой успех по тому, насколько я худая. Мне было любопытно, каким будет мой вес без прежнего режима. Наконец-то меня устраивал любой результат, каким бы он ни был. Я едва могу вспомнить то время, когда не пыталась доминировать над своим телом и контролировать его, ведь в течение многих лет это было единственное, что я контролировала. Мне казалось, что сохранение веса было способом защитить себя. Теперь я добавила в свою ежедневную молитву еще одну строку: иметь мужество быть увиденной без маскировки или прикрытия. Я не могла больше бороться со своим телом и весом – я должна была заключить мир.

Все началось с отказа от тяжелых упражнений. Я никогда больше не занималась в нашем спортзале дома. Никогда. Начиная с рождения Скаут в 1991 году и заканчивая съемками фильма «Солдат Джейн» в 1997 году, я провела там шесть мучительных лет и была измотана. Я буквально не могла смотреть на спортзал, поэтому комната, которую он занимал, была переделана в мой кабинет.

Конечно же, я полностью изменила подход к питанию. Вместо того чтобы смотреть на еду как на то, что нужно одолеть, я решила попробовать есть, когда чувствую голод, а когда сыта – останавливаться. Мои новые правила не включали в себя соблюдение определенного времени трапезы – завтрака, обеда и ужина, и ела я только тогда, когда испытывала голод. Если не хотела есть до обеда, то могла этого не делать. Во время всех диет, на которых сидела, я заметила, что мне подходит, а что нет:

например, мне нужно есть больше белка, чем углеводов, и небольшими порциями, тогда пища лучше усваивается. Я по-прежнему составляла компанию детям, когда они ели, но для меня прием пищи больше не зависел от времени суток. Я не обедала и не ужинала на деловых встречах. И планировала застолья только с теми, кого знала достаточно хорошо, чтобы расслабиться.

Я похудела. Особенно это было заметно весной 1997 года, когда мы начали готовиться к Каннскому кинофестивалю. В это время Элизабет Тейлор восстанавливалась после операции на головном мозге, поэтому она попросила меня провести в Каннах ее мероприятие – «Кино против СПИДа», и я с радостью согласилась. Открывал фестиваль фильм с участием Брюса «Пятый элемент». Я занималась подготовкой одежды для многочисленных мероприятий – подбирала ее, а затем устраивала примерки. Без диет и тяжелых физических упражнений я сбросила около тридцати фунтов[63] всего за три месяца.

Наконец-то я заключила перемирие с моим телом. Обретенное состояние покоя помогло мне пережить то, что было дальше.

Я только что вернулась из пресс-тура фильма «Солдат Джейн», когда мне позвонила Диана. Моя мать умирала. У нее был метастатический рак легких, и недавно ей поставили диагноз – опухоль головного мозга.

Если я хотела достичь хоть какого-то взаимопонимания с ней в этой жизни – либо сейчас, либо никогда.

Часть III
Поражение

Глава 16

Сначала я подумала, что это ее очередная афера. Представляла себе, как появляюсь в больнице и нахожу ее в полном здравии, а потом оказывается, что Джинни продала меня папарацци. Поэтому я ее не предупредила, и когда приехала в Фармингтон, штат Нью-Мексико, то не обнаружила ни одной камеры. Вместо этого была моя мама. Она жила в доме моей тети Каролин, и, когда я ее увидела, Джинни лежала на больничной койке, которую установила в собственной спальне. После химиотерапии у нее выпали все волосы, кроме одной настырной рыжей прядки. Она была тяжело больна.

За те восемь лет, что мы не общались, Джинни выходила замуж не один, а целых три раза. У нее был мужчина, который жестоко с ней обращался, и все закончилось тем, что ее после очередных побоев госпитализировали. Морган предположил, что она выходила замуж, чтобы сменить фамилию и тем самым привести в порядок свою кредитную историю. Вообще, Диана по сей день считает, что они с моим отцом никогда не разводились, а все ее последующие браки были неофициальными. Одно можно сказать наверняка: после смерти отца, независимо от того, за кого Джинни выходила замуж, она всегда хранила фотографию Дэнни на своем ночном столике.

Думаю, что в какой-то степени отношения с моим отцом держали ее. Я не говорю, что это было хорошо, но соперничество между ними, когда один пытался навредить другому, чтобы показать, кто в доме хозяин, концентрировало на себе большую часть ее энергии. Без Дэнни она полностью выпала из жизни и стала более беспомощной перед своей зависимостью и биполярностью, которую ей в конечном итоге диагностировали. И теперь ее тело сдалось.

Но я не могла забыть, сколько страданий она мне причинила. С ней я не ощущала себя защищенной, наоборот, каждый раз чувствовала предательство, а в самой глубине души – опустошение, оттого что она не любила меня настолько, чтобы быть хорошей матерью. Чтобы не использовать меня ради денег. Чтобы прилично вести себя на моей свадьбе. Чтобы забирать из школы, когда пообещала. Чтобы защитить меня от Вэла. И все остальное… С тех пор я пришла к пониманию, что нет такой «любви», которая может сделать взрослого человека хорошим. Человек настолько хорош, насколько он уже является таковым, независимо от того, как сильно он кого-то любит.

Это плохая новость. Но хорошая новость заключается в том,

что у нас есть возможность по-разному воспринимать чужие действия в своем разуме и в сердце. Никто не запретит вам ценить себя как личность, и то, как ваша мать относится к вам, говорит о том, какой человек она, не вы. Или вы можете решить, что пренебрежительное отношение вашей матери означает, что вы недостойны любви и ничего не стоите. Такая рана будет болеть, пока вы не начнете залечивать ее.

Когда я решила заботиться о своей матери под конец ее жизни, то стала залечивать свою рану.

Во время моей первой поездки в Фармингтон мне составили компанию Диана и Морган, чтобы навестить Джинни в доме тети, тогда мы остались там ненадолго. Вторая моя поездка состоялась, когда мне позвонили и сказали, что Джинни, скорее всего, не протянет до утра, поэтому я быстро собралась и поехала обратно в Нью-Мексико, захватив с собой Брюса и девочек. Мама не видела Румер с тех пор, как малышке исполнилось два годика, а сейчас ей было десять. Скаут, которой было семь, и Лулу, которой было пять, она не видела никогда. Думаю, что такое огромное количество людей, окружавшая ее энергия, да еще и использованные доктором стероиды настолько придали ей сил, что она прожила еще три с половиной месяца.

В этот раз я осталась с мамой надолго и все это время жила в доме тети. Брюс вместе с детьми вернулся в Айдахо, так как у них были занятия в школе, и, пока я была с мамой в течение нескольких месяцев, он всячески поддерживал меня и возвращался ко мне вместе с девочками, чтобы навестить. Хорошо, что в этот момент рядом находились мои девочки – они были только в начале своего жизненного пути, а я проводила время со своей мамой, чей жизненный путь подходил к концу.

Хантер Рэйнкинг, мой ассистент во время съемок фильма «Время от времени», приехал в Нью-Мексико, чтобы помочь мне ухаживать за мамой. Мы вместе с ним сидели ночью, а утром, когда тетя Каролин брала на себя дежурство, дремали. После фильма «Солдат Джейн» у меня еще осталась физическая сила, позволявшая поднять Джинни и отнести в ванную, чтобы она приняла душ. Мама была настолько слаба, что не могла выпить свою вездесущую диетическую колу и даже поднести сигарету к губам, а ведь Джинни не могла жить без курения. Причин, чтобы отказать ей и в этом удовольствии, у меня не нашлось – в ее теле нечего было спасать. Поэтому я зажигала сигарету и подносила ей ко рту, чтобы она затянулась. Каждый раз Джинни делала глубокую и сладкую затяжку, после чего говорила со вздохом: «Ох, как же теперь хорошо». Не знаю, была ли это солидарность или способ справиться со стрессом, но я опять начала курить.

Меня всегда приводило в смятение настойчивое желание мамы быть жертвой. Но в этот раз она и правда была жертвой. В некотором смысле, думаю, это помогло ей быть самой собой. Кроме того, это помогло мне простить ее, посочувствовать, дать любовь и внимание, которых она всегда жаждала. Наконец-то Джинни получила то, о чем так давно мечтала, – заботу и внимание. И действительно, разве это не то, чего мы все в той или иной мере хотим?

Мне жаль, что у нее не было возможности понять, что чувство защищенности может исходить изнутри, от нас самих. Я знаю, Джинни так и не смогла принять тот факт, что она никем не была любима, поэтому до самого конца страдала от порицания и отверженности. Пока я заботилась о ней, успела ощутить подлинную невинность ее души. Я поняла, что она пришла в этот мир, как и все мы: желая найти счастье, быть любимой, ощутить свою сопричастность к миру. Джинни не собиралась начинать свою жизнь с того, чтобы стать вредной и небрежной, просто она не знала, как справиться со своей собственной болью. Теперь вспоминаю, какой же молодой была моя мама, когда родила меня, и думаю: «*Боже мой, она же была еще совсем ребенком*». Мои дочери сейчас старше, чем Джинни, когда у нее уже была я, намного старше. И в данный момент они только начинают искать свое призвание.

Под конец Джинни вела себя совсем как шестилетний ребенок – бредила во сне и настаивала, чтобы ей на Рождество подарили велосипед. А временами снова была взрослой, но не знала, что ее отец умер, и долго рассказывала, что он взял ее на вечеринку. Когда к Джинни возвращалась ясность ума, я пыталась с ней затронуть волнующие меня темы в надежде все прояснить и успокоиться. Внутри меня все еще жила маленькая девочка, которая хотела получить ответы. Джинни никогда не могла по-настоящему услышать мои вопросы или взять на себя ответственность. Она была способна сказать в ответ только: «Я бы хотела, чтобы все случилось иначе». В некотором смысле это было очень много, я бы даже сказала, чертовски больше, чем просто ничего. Это говорило о том, что она подсознательно понимала, насколько это ненормально. Все то, что случилось со мной, было ненормально.

Я начала искать в ней хорошие стороны. Джинни была очень креативной, изобретательной, могла быть гостеприимной и щедрой, всегда принимала дома гостей. Джинни могла получить от жизни гораздо больше, вместо того чтобы так прожить свои пятьдесят четыре года. Она умерла 2 июля 1998 года.

Накануне вечером приехал Брюс с детьми и остановился в

отеле. Я была с ними, когда в шесть утра зазвонил телефон, я встала с постели, наперед зная, что мне сейчас сообщат. «Пожалуйста, поднеси трубку к ее уху», – попросила я тетю Каролин, а потом прошептала маме то, что давно должна была сказать: «Я люблю тебя. Любила. И до сих пор люблю».

Затем я поехала к дому Каролин – именно там, на больничной койке, у Джинни остановилось дыхание. Я провела несколько минут наедине с ней, держа ее за руку. Не заплакала тогда и не плакала, когда вышла в маленькую ванную рядом с ее комнатой, закрыв за собой дверь. И пока я стояла там совершенно неподвижно, до меня дошло, что все те эмоции, которые я испытывала по отношению к Джинни: гнев, боль, обида – были моими. И они испарились. Какими бы ни были ее проблемы, а бог свидетель – их было много, она забрала их с собой. Это был момент моего освобождения. Меня захлестнуло сострадание к той боли, которую она испытывала всю свою жизнь и которую никак не могла преодолеть. Мне было жаль этого раненого ребенка – ее эмоциональный уровень всегда был как у подростка. Это понимание позволило снисходительнее относиться к себе и перестать упорно работать над собой, чтобы не стать такой, как моя мать.

Я пробыла в ванной где-то три или четыре минуты, но когда открыла дверь, то почувствовала настоящее спокойствие, готовность вступить в новый этап моей жизни. Я сбросила с себя такое тяжелое бремя, что даже почувствовала легкое головокружение.

Говорят, нет ничего необычного в том, что в браке супруг сначала видит в своем партнере любовника и лучшего друга, а со временем просто живет с ним по привычке. Именно это и произошло со мной и Брюсом. Только мы едва успели побыть парой, прежде чем стали родителями. В первый же год наших отношений страстное и мгновенное увлечение друг другом переросло в полноценную семью, но, когда реальность дала знать о себе, не знаю, действительно ли мы знали друг друга. Наша жизнь превратилась в согласование повседневных вопросов и регулирование рабочих графиков.

В некотором смысле, я думаю, частые и долгие разлуки поспособствовали более длительному существованию нашего брака. После рождения Таллулы я снялась в восьми фильмах, как и Брюс. Производственная компания Moving Pictures, которую я основала, как раз начала набирать обороты в своем развитии. Помимо всего этого у нас были дети – три маленькие девочки в возрасте до десяти лет, и они были нашим главным приоритетом. Неудивительно, что у нас почти не было времени друг на друга.

У каждого из нас полным ходом развивалась карьера, и это был идеальный отвлекающий маневр для взаимоотношений. Когда мы были вместе, то уделяли внимание детям и старались сосредоточиться на них. Я думаю, Брюса мучили терзания по поводу нашего брака, на протяжении всей совместной жизни он относился к этому неоднозначно – по крайней мере, я это чувствовала. Сначала я испытывала боль за него и разочарование за себя, а потом, в конце концов, глубокую обиду. Мы все хотим быть желанными и уверенными в человеке, а он не мог дать мне этого, потому что сам не знал, чего хочет. Честно говоря, думаю, что мы оба с самого начала были больше одержимы мыслью иметь детей, чем тем, чтобы быть парой, – и в конечном счете дети были и всегда будут тем, что нас объединяет.

Конечно, его неоднозначное отношение к браку было не единственной нашей проблемой. Некоторые черты характера Брюса были схожи с чертами характера моей матери – они оба были непредсказуемы, иногда импульсивны, что заставляло меня чувствовать себя неуверенно. Я никогда не знала, в каком настроении он будет, изменилось ли его отношение ко мне со вчерашнего дня. Мне было не привыкать, ведь я жила с Джинни, поэтому я вновь пустила в ход свой механизм адаптации, только теперь использовала его в отношениях с Брюсом, в результате чего стала полностью самодостаточной. Тот же танец, но другой партнер.

Я всегда сооружала вокруг себя своего рода «эмоциональный блок», вроде рва вокруг замка, чтобы не зависеть от него и не быть слишком уязвленной. Мне даже в голову не приходило, что сила и независимость могут быть слабостью, пока однажды Брюс не пришел в мой кабинет (бывший спортзал) и не сказал:

– Знаешь, я чувствую, что, если бы меня здесь не было, ты бы просто продолжила работать дальше, и глазом не моргнув.

«Он прав», – подумала я. Защитные доспехи, к которым я привыкла, были настолько надежными, что не позволяли ко мне пробиться. И я осознала, правда, слишком поздно, что это была не только защита, но и ограничение. Я поняла, что, не показывая свою потребность в чем-то, лишаю Брюса шанса обеспечить ее. То, что я с детства не хотела быть обузой для кого бы то ни было, на самом деле означало, что я не хотела показать себя слабой. Когда Брюс спрашивал: «Ты не возражаешь, если я…» – ну, например, он собирался отправиться ночью с ребятами в Лас-Вегас или устроить еще один концерт с его группой, – я всегда без малейшего колебания говорила: «Давай, с нами ничего не случится». И в глубине души он понимал, что его присутствие не имеет значения. Что он мне не нужен.

Мы с Брюсом оказались в ловушке. Он чувствовал себя выставленным за дверь из-за моей уверенности в себе, и это причиняло ему боль, с которой он не мог смириться и которая подпитывала его неоднозначное отношение к нашему браку. Моя реакция на его неуверенность была такой же болезненной, как и на мою собственную, с которой я не могла справиться, что подпитывало мою самозащитную независимость. И так далее до бесконечности.

Пока я ухаживала за мамой, мы решили расстаться. Решение приняли вместе, когда он с девочками приехал ко мне в Нью-Мексико. Мы хотели подождать и не объявлять об этом публично, пока мама не умрет, чтобы ее похороны были сосредоточены исключительно на ней, как это и должно быть. Не хотелось испытывать отвлекающий натиск СМИ, которые неизбежно будут искать любую информацию по поводу нашего разрыва. Мы знали, что таблоиды будут преследовать нас, независимо от того, каким образом станет известна эта информация. Но полагали, что объявим об этом сами, вместе, когда будем готовы как семья – это имело бы другую энергетику.

К сожалению, все произошло иначе. Через несколько дней позвонил наш адвокат и сообщил, что узнал о таблоидах, которые каким-то образом оказались в курсе и на следующий день опубликуют статью о нашем разрыве. Это было ужасно, как бывает всегда, когда ты узнаешь, что тот, кому ты доверяешь (Потому что кто еще мог знать? Мы едва ли сказали об этом хоть одной живой душе!), буквально продает вас. Обычно, какая бы история ни попала в таблоиды, она имеет правдивые детали, но в основном базируется на лжи, но этой маленькой правды достаточно, чтобы вы почувствовали себя совершенно незащищенным, выставленным напоказ, особенно когда они утверждают, что их источник «из близкого окружения». Этот «кто-то» может быть парнем, который подслушал разговор вашего знакомого в ресторане, или человеком, которого вы считаете своим близким другом, но ему платят за то, что он раскрывает ваши секреты. Это заставляет вас сомневаться в лояльности всего вашего окружения и вселяет в ваше сердце ужасные чувства. В любом случае в моей душе было пусто – умирающая мама и брак, который должен был закончиться после звонка нашего адвоката. Мы не хотели доставлять бульварной прессе удовольствие рассказывать эту историю, поэтому в тот же день сами объявили о нашем разрыве. К счастью, упреждающий удар достиг желаемого эффекта. «Пара подтвердила разрыв в среду поздно вечером в кратком пресс-релизе, который был разочаровывающе [для пытливых умов] лишен деталей, – написал журналист E! News. –

В материале говорилось, что Брюс и Деми “завершают” свой союз. И на этом все закончилось».

Мы предпочли бы иметь больше времени, чтобы разобраться со своими собственными чувствами, сесть рядом с детьми и со словами любви и поддержки рассказать им, что должно произойти. Вместо этого пришлось спешить, и мы были расстроены. Мы хотели понять эту ситуацию (как на самом деле и любую другую) изнутри, а не снаружи, но у нас не было такого шанса. Мы приняли то, что считали лучшим решением для всех нас, и, к счастью, дети были настолько маленькими, что когда мы рассказали им о нашем разводе, они не поняли, что это значит. Конечно, Румер было труднее всего. Ей было десять лет, и она понимала, что все должно измениться.

Глава 17

Недавно я дала видеоинтервью молодому человеку, который был настоящим киноманом, – он признался, что фильм «Солдат Джейн» ему сильно понравился, он смотрел его недавно, и картина показалась ему очень правдивой.

– Они так грубо обошлись с вами в прессе, хотя это был отличный фильм! Что все это значит?

– Вы даже не представляете, как приятно слышать, что кто-то понимает смысл происходящего, – ответила я.

Предполагалось, что фильм «Солдат Джейн» никогда не будет оценен зрителями по достоинству, но, по моему мнению, впоследствии произошло как раз наоборот.

В результате жестокой критики этого фильма, нашего с Брюсом расставания и смерти моей мамы к концу 1998 года я была совсем измучена.

К этому времени я уже заключила контракт на съемки фильма «Две жизни» во Франции. Это случилось задолго до нашего с Брюсом развода и до того, как я узнала, что мама умирает. В Париже я чувствовала себя несчастно. Я взяла с собой девочек, отдала их в школу на четыре месяца, поскольку именно столько мне необходимо было находиться во Франции. Чтобы успеть на место съемок вовремя, нужно было выходить из дома, который мы снимали, в пять тридцать утра – до того, как они просыпались. А когда я возвращалась обратно, они уже ложились спать. В их присутствии не было почти никакого смысла. Нельзя было жить подобным образом, особенно когда в семье происходили существенные перемены, оказывавшие очень большое влияние на жизнь детей. Тогда они нуждались во мне, но, если честно, я нуждался в них намного больше. И я приняла решение: больше никаких фильмов, никакого беспорядочного образа жизни. Я хотела быть дома в Хейли с моими девочками. И если теперь у них не было матери и отца, которые жили были вместе, я хотела, чтобы у них, по крайней мере, были постоянный дом и нормальный распорядок дня. Следующие пять лет я была полноценной мамой – чего мне не удавалось раньше.

Мы с Брюсом делали все возможное, чтобы дети перенесли наш развод как можно легче, но без проблем не обошлось. Скаут всегда была самой самостоятельной и общительной из девочек – настоящее воплощение уверенности в себе, но в тот период боялась проводить ночь вдали от дома, как будто в ее отсутствие что-то изменится.

Пятилетняя Таллула начала есть только углеводы и мучное.

Мы старались улучшить ее рацион питания, не давали пончики и сливочный сыр, но в ответ она решила вообще ничего не есть… Днями. Это была ее реакция на ситуацию, которая вышла из-под контроля. Воспитательница детского сада могла иногда на чем-то настоять, но в целом Таллула была весьма упряма. В конце концов я сдалась и разрешила ей есть пончики. Возможно, это было не идеальное решение, но не могла же я позволить дочери умереть с голоду. Правда, меня не покидало беспокойство, что Таллула использует пищу в качестве источника манипуляций, не зная, к чему все может привести. Но я слишком хорошо понимала, чем это может обернуться. Да, эти проблемы отнюдь не выходили за рамки принятых норм, но если бы меня не было рядом, они могли бы с легкостью перерасти во что-то большее.

Переезд в Айдахо был лучшим вариантом для девочек, но мне было нелегко жить одной, при этом не отвлекаясь на работу. Я боролась с чувством жалости к себе и использовала явно не те способы, чтобы избавиться от этого чувства. С самого начала я дала себе слово не употреблять алкоголь и наркотики, чтобы пережить свой развод, то же самое касалось и еды. Вспомнила, через что мне пришлось пройти, прежде чем я начала контролировать свое тело и эмоции, поэтому если снова поддамся – это меня уничтожит.

После того как мы решили расстаться, Брюс некоторое время жил в гостевом доме в Хейли. В конце концов он переехал в свой собственный дом, расположенный примерно в десяти милях от нас по дороге в Кетчум. Когда через дорогу от нас продавали дом и другую недвижимость, Брюс купил его. Тогда у нас образовался настоящий семейный комплекс, и дети могли легко ходить в гости от одного родителя к другому, к тому же у Брюса был роскошный бассейн с подогревом, которым девочки могли наслаждаться даже в самый разгар зимы. Это было идеально.

Может прозвучать странно, но я горжусь нашим разводом. Думаю, Брюс сначала боялся, что я сделаю наше расставание сложным, например, обрушу на него весь свой гнев или какие-то другие недовольства по поводу нашего брака, не разрешу видеться с детьми, обращусь к уловкам, которые разводящиеся пары используют как оружие. Но я этого не сделала, как и он. У меня не было никакого желания повторять горький опыт моих родителей, которые использовали меня и моего брата в качестве пешек. Я видела, что развод делает с людьми, и знала по своему опыту, каково это – быть ребенком, пойманным в ловушку.

Сначала было нелегко, но нам удалось перенести сердечную основу наших отношений – то, что когда-то создало нашу семью, – во что-то новое, и это помогло создать для девочек

дружескую и комфортную обстановку. Перед ними никогда не стоял выбор, с каким из родителей провести праздник или день рождения – каждый из нас всегда откладывал свои собственные дела и проводил вместе с ними это время. Я уверена: у нас сейчас были бы совсем другие дети, если бы мы вели себя в этих ситуациях более эгоистично.

Еще я познала самые обычные семейные отношения. Я превратилась в маму-домоседку, чья жизнь целиком и полностью вертелась вокруг девочек, их расписания, перерывов, школ и занятий, а Брюс в это время был единственным, кто работал, настоящим кормильцем. То, что Брюс больше не был моим мужем, не означало, что он не может принимать активное участие в жизни детей. Мы были более близки, чем до развода.

Наш дом в Хейли представляет собой очень длинное строение, как часто бывает на ранчо, комнаты Румер и Скаут находились в противоположном от главной спальни конце коридора. В темноте по ночам малышкам было очень страшно ходить по такому длинному коридору, поэтому в течение многих лет дети находились в нашей спальне. Мы спали все вместе – конечно, это не лучший вариант для мужа и жены, но нам было очень уютно с детьми. Через год или около того, когда мы с девочками остались одни в доме, я поняла, что не могу даже думать о том, чтобы провести с кем-то время, пока не вытащу девочек из моей спальни. Для Скаут и Румер пройти длинный коридор до своих комнат было по-прежнему слишком большим шагом, а Таллула вообще всегда спала только со мной. Поэтому я придумала создать «спальню» рядом с моей – в соседнюю комнату принесли все необходимое для сна: три матраса на пол, зубные щетки, книги, пижамы, музыкальную шкатулку. «Спальней» она была только ночью, а днем там была игровая комната, которую мы создали, когда делали капитальный ремонт. У нас был замысловатый скворечник на полке в гостиной, и я, повинуясь прихоти, спросила у одного из плотников, не сможет ли он воссоздать его как игровой домик. В результате получилась миниатюрная копия с черепичной крышей, дощатыми стенами и голландскими дверями. Это было очаровательно.

Теперь наконец-то у меня нашлось время, чтобы заняться разными делами на нашем участке. У нас была небольшая игровая площадка рядом с домом, и по мере того как девочки росли, я добавляла туда больше качелей и альпинистского оборудования. Одноклассники дочек часто приходили туда всей толпой, чтобы поиграть. За нашим домом находился приток реки Биг-Вуд, и я велела положить вдоль берега камни, чтобы предотвратить эрозию почвы. Когда воды в реке было мало, было

много ила, и девочки любили покрываться им. Когда уровень воды поднимался, девочки любили плавать на надувных кругах и дурачиться в нашем бассейне на заднем дворе. Зима в горах наступала рано, девочки катались на коньках по реке или прямо с террасы дома строили ледяные пещеры вместе со своими друзьями.

В Хейли у меня появились хорошие друзья, которые видели во мне только соседку и маму, и ничего больше. Самая близкая подруга Скаут – с тех пор как ей исполнилось восемнадцать месяцев – Сара Джейн. Ее мама – невероятно смешная, рассудительная и абсолютно не признающая авторитетов женщина по имени Шери-Шери-О, как мы ее прозвали, – одна из моих близких подруг и *любимый компаньон по шалостям*. Она отлично играет в гольф, и Брюс мог часами проводить с ней время на поле. Наши девочки называли себя Хомячок Джейн и Скунсик ЛаРю.

В Хейли я по-настоящему чувствовала себя дома.

Рядом с девочками я начала играть. Когда не занималась интерьером, то часами собирала спальные гарнитуры для кукольного дома American Girl и создавала уголки для мягких игрушек. У меня появился повод покупать игрушки.

Мое детство было коротким, и теперь я восполняла его с энтузиазмом, граничащим с одержимостью. Я помню, как мы с девочками отправились в супермаркет «Таргет» в Туин-Фолсе[64], где Хантер сотворил для нас какое-то волшебство – мы могли остаться там после закрытия, и это было удивительное чувство – быть одним, словно мы на шоколадной фабрике Вилли Вонки[65]. Не успели мы войти, как через несколько секунд уже направились в отдел игрушек.

И вот мои глаза остановились на куклах фирмы «Кэббедж Патч». Я взяла три похожих – для любого другого они выглядели бы как одна и та же кукла. Но я начала тщательно рассматривать то одну, то другую, проверяя, у кого было самое милое выражение лица, у кого глаза на идеальном расстоянии, оглядывала то одну, то другую, то одну, то другую… Что?

Что я пыталась найти?

Я не ходила к психотерапевту после того, как мы с Брюсом расстались, а просто начала покупать игрушки. Это была зависимость, но в то же время мой спасательный круг. В последние годы, когда я очищала кладовые, набитые игрушками и куклами, которые накопились за то время, то почувствовала боль, которую они сохранили в себе. Теперь я понимаю, что моя одержимость коллекционированием удерживала меня от чего-то похуже. Хотя в то время, думаю, я бы сказала, что все хорошо.

Ведь мы с Брюсом ладили. Девочки добивались успехов в своих начинаниях. Я стала встречаться с мастером боевых искусств, с которым познакомилась после того, как он устроил выступление на восьмом дне рождения Скаут. Оливер дал мне шанс заново узнать себя как женщину, а не как жену или мать. В кои-то веки я избавилась от всех ожиданий в плане романтических отношений.

Хантер был моим постоянным спутником, больше, чем просто ассистентом, – можно сказать, он был членом нашей семьи. Хантер был рядом в самые напряженные периоды моей карьеры, и после смерти мамы, и теперь – находился рядом со мной во время развода, наблюдая без осуждения, с каким безумием я скупаю игрушки. Не то чтобы он не относился к этому с чувством юмора: «Мне будет лучше, если ты будешь умнее». Это одна из моих любимых цитат Хантера. Его саркастическое остроумие было забавным, но в то же время таким любящим способом он хотел донести правду.

А правда была в том, что я искала. В те годы в Айдахо, когда я ушла из Голливуда на пике своей карьеры, я действительно пыталась разобраться в себе. Работать мне было неинтересно. Единственное, на что я согласилась, – озвучивать рекламу «Шевроле», потому что я могла по пути заехать на студию звукозаписи в Кетчуме, а после этого как раз вовремя забрать девочек из школы. У меня были моменты, когда я думала: будет ли все хорошо, если я никогда больше не стану работать? Будет ли этого достаточно?

Я искала ответ во всех направлениях: прочла все книги по самосовершенствованию, какие только смогла достать, познакомилась с тибетским монахом, работала с шаманом из Нью-Мексико, пригласила домой целительницу из племени чероки, которая провела церемонию, а еще мы с Оливером совершили восхождение на горы Бутана. Моя старая подруга Лора Дэй[66] провела для меня семинар по изучению силы интуиции и мыслительной сущности. Я была открыта для поиска истины, где бы она ни была, и ради этого буквально заглядывала под каждую подушку. В то время мои поиски понимания и смысла были моей работой.

При всех преимуществах маленького городка, жизнь там имела свои ограничения. Румер заканчивала начальную школу, когда мы с Брюсом расстались, и переживала не только из-за этого, но и потому, что не могла найти общий язык со своими одноклассниками. Эта ситуация не улучшилась в средней школе, а когда она должна была перейти в старшие классы, то решила попробовать что-то новое. В 2002 году Румер начала свой первый год обучения в Интерлохене, в ориентированной на искусство

школе-интернате в штате Мичиган, которая чем-то похожа на Джульярдскую школу[67]. Румер была самой юной девочкой, которую когда-либо туда принимали.

Примерно в то же время у меня появилась возможность продвигаться самой. Мне позвонила Дрю Бэрримор, она снимала продолжение своего фильма «Ангелы Чарли», который два года назад стал настоящим хитом – с Кэмерон Диаз, Люси Лью и самой Дрю в главных ролях. Она хотела знать, не хочу ли я сыграть новую героиню по имени Мэдисон Ли – бывшего Ангела, которая стала предателем, хорошую девочку, которая стала плохой. «Эта роль была написана специально для тебя», – сказала мне Дрю. Дрю мне очень нравилась, на самом деле, мне нравились все, кто участвовал в этом фильме. Но мне не хотелось покидать Хейли – уютное гнездышко, которое я создала. Дрю не сдавалась. «Подумай об этом. Съемки рассчитаны всего на двадцать дней», – настаивала она.

Я полетела в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с ней.

– Пожалуйста, доверься нам. Эта роль только для тебя. Ничего не будет дольше двадцати дней, – уверяла она меня.

На этот раз у меня не было возможности думать о негативных сторонах фильма: Дрю умоляла поучаствовать, а мои агенты заявляли, что это отличная возможность. Возвращаясь назад, я поняла, что это не тот проект, который я себе представляла, – мне будет не совсем комфортно играть злодейку. Но что действительно толкнуло меня принять участие в этом фильме, так это то, как были взволнованы мои девочки: они видели первый фильм «Ангелы Чарли», и мысль, что я буду во втором, просто ошеломила их. Мы все были готовы к некоторому радостному волнению и смене обстановки.

Глава 18

Я была в Нью-Йорке на предварительной пресс-конференции фильма «Ангелы Чарли», что было совершенно новым опытом для меня – очень естественно, женственно, забавно. Это было весной 2003 года, тогда я как раз закончила съемки обложки журнала Vogue с Марио Тестино, и моя подруга Сара Фостер[68] позвонила и спросила, не хочу ли я поужинать с компанией друзей. Она упомянула, что там будет Эштон Кутчер – актер, некоторое время снимавшийся в сериале «Шоу 70-х», восходящая кинозвезда. Эштон сам создал реалити-шоу под названием «Подстава» – съемки розыгрышей звезд на скрытую камеру. Шоу имело большой успех и сделало его популярным. Тогда Кутчер был в городе, чтобы в выходные выступить в передаче «Субботний вечер в прямом эфире».

Накануне ужина мы все собрались в гостиничном номере Эштона – он как раз закончил репетицию шоу и собирался по-быстрому принять душ, с важным видом расхаживая по номеру в полотенце. Я извинилась, сказав, что мне нужно позвонить своим девочкам. Я уже желала им спокойной ночи, как вдруг дверь открылась. Полностью одетый Эштон выглянул и посмотрел на меня с серьезным, несколько застенчивым выражением лица.

– Это самое прекрасное, что я когда-либо слышал, – сказал он и быстро закрыл дверь.

В этот момент в моих глазах из симпатичного начинающего актера он превратился в кого-то более интересного.

За ужином казалось, будто, кроме нас, никого больше не было.

Эштон рассказывал, как рос рядом с кукурузными полями в Айове. Уже по тому, как он говорил о своих целях, было ясно, насколько серьезно он относится к своей работе – это было что-то вроде убеждений парня из провинциального городка в том, что он должен трудиться не покладая рук. Он был высоким, с растрепанными волосами, и начинал свою карьеру, как когда-то и я, моделью. Мне нравилось, что в его красивых чертах лица было что-то угловатое: он много раз ломал нос, и это придавало его лицу особую причудливость. Он был общительным, дружелюбным и энергичным – я чувствовала себя комфортно в его компании.

Когда все остальные собрались расходиться по домам, мы все еще продолжали разговаривать. Я жила в своей квартире в «Сан-Ремо»[69], которую получила после развода с Брюсом, но решила ее продать, поэтому там почти не было мебели, зато столько свободного места – целых три этажа! И потрясающий вид на

Центральный парк. Я пригласила Эштона вернуться туда вместе со мной – и мы не спали всю ночь, рассказывая друг другу истории нашей жизни и получая в ответ полное взаимопонимание. Казалось, что мы продолжаем разговор, который вели на протяжении многих лет, испытывая легкость, поддержку и едва уловимый энергетический шлейф. Не каждый день вы встречаете того, с кем чувствуете себя полностью уверенным в себе и оживленным. В конце концов, мы заснули рядом.

На следующий день Эштон должен был идти на репетицию шоу «Субботний вечер в прямом эфире», а я собиралась вернуться домой, чтобы посмотреть выступление Скаут в школе. Мы продолжали наше общение по телефону – не могли перестать переписываться. Он отправлял мне смс в перерывах во время репетиции, и я не могла удержаться, чтобы сразу же не ответить ему. Это был уровень сумасшедшего внимания. Мы очень много переписывались – и это напоминало игру, когда необходимо держать воздушный шар в воздухе и делать все возможное, чтобы он не упал.

Стоял прекрасный солнечный день, когда я добралась до аэропорта, но он был закрыт. Мне сообщили о надвигающемся сильном шторме, и это было странно, поскольку небо было чистым – голубым и безоблачным. В общем, я не могла покинуть Нью-Йорк. Казалось, что Вселенная дала нам эту возможность, настоятельно требуя, чтобы мы провели как можно больше времени вместе. Конечно, я немедленно написала Эштону: «Ты не поверишь, но мой самолет отменили. Не хочешь встретиться?» В тот вечер он писал мне, пока ему меняли один парик на другой, а потом, как только закончились съемки шоу, мы встретились.

После этого мы могли не видеться неделями, но постоянно были на связи – разговаривали по телефону, оживленно обсуждая разные вещи. Это было чудесно. Когда начались мои отношения с Эштоном, я вновь обрела уверенность в своих убеждениях. Он стал для меня спасением от постоянной рутины в Хейли и безумия в Лос-Анджелесе, рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Это была любовь, которой я всегда хотела, – искренняя, простая и глубокая. Я точно знала, чего хочу, и мне казалось, что жизнь преподносит мне именно это – настоящую близость и задушевного друга.

Ему было двадцать пять, мне – сорок. Но я уверяю: мы не чувствовали этой разницы. Мы были с ним на одной волне с самой первой встречи. Не забывайте: когда мне было двадцать пять – я стала мамой. От юности я сразу перешла к материнству и замужеству, а когда встретила Эштона, казалось, что я могу

вернуться назад и вспомнить, каково это – быть молодой. С ним я ощущала это гораздо больше, чем когда мне было двадцать лет.

Это вовсе не означало, что он был каким-то чудным парнишкой. У него был очень серьезный подход к жизни. Он планировал дальнейшую карьеру и уже в двадцать пять был полностью сосредоточен на своем будущем. Он был (и остается) самым трудолюбивым человеком, которого я когда-либо встречала. Рядом с ним я всегда ощущала прилив энергии и вдохновения.

Через несколько недель после первой встречи у нас с Эштоном наконец-то появилась возможность снова увидеться в Лос-Анджелесе. К тому времени мы уже столько разговаривали по телефону, что мне не терпелось встретиться. Одно только легкое прикосновение его руки вызывало дрожь, столько чувств оно в себе таило. Мы пошли в «Ин-н-Аут Бургер», чтобы остаться незамеченными папарацци. С самого первого дня я знала, что, если мы с Эштоном будем вместе, это вызовет бешеный резонанс. Уж слишком пикантными могли показаться наши отношения: разница в возрасте, то, что я держалась подальше от общественности, а Эштон, наоборот, в тот момент набирал популярность благодаря своему шоу «Подстава». Я пыталась предупредить его о том, что будет, если мы станем парой:

– За тобой будут следить повсюду. Та свобода передвижения, к которой ты привык, останется в прошлом.

Но он не понял, о чем я говорила. Да и как было понять? Позже он признался, что если бы тогда представлял, что это значит, то никогда бы не связался со мной.

После ужина он повел меня посмотреть участок земли, который купил чуть ниже дороги Малхолланд-драйв, в холмах над Беверли-Хиллз. Там он хотел когда-нибудь построить дом своей мечты. Мне нравилось, с каким масштабом и амбициями он смотрит на свою жизнь, а не просто плывет по течению. Это была еще одна прекрасная ночь, которую я никогда не забуду. Рядом с Эштоном я испытывала ощущение надежности. Может быть, потому, что наконец-то приняла свое тело, стала старше и увереннее в себе, чем в предыдущих отношениях, или, возможно, из-за родственной энергетики, но что-то позволило мне в ту ночь испытать такую сексуальную близость, которой я никогда не испытывала раньше.

Это чувство надежности также позволило мне по-новому ощутить свою эмоциональную ранимость и стать более открытой. Я полностью изгнала из своей памяти тот ужасный опыт с Вэлом, когда мне было пятнадцать лет. Я долго старалась не думать об этом изнасиловании, но оно преследовало меня, и всякий раз,

когда я чувствовала себя уязвимой, появлялась пятнадцатилетняя Деми. Эштон был первым человеком, с которым я искренне поговорила об этом. И после этого начала справляться с травмой, стыдом, приступила к залечиванию своих старых ран.

У Эштона был выходной, и поэтому он решил слетать со мной в Айдахо, чтобы посмотреть, как я там живу. Хантер и Шери-О, которые случайно оказались в Лос-Анджелесе, возвращались в Хейли вместе со мной, и, когда мы ехали в аэропорт, я сказала Шери:

– У меня есть секрет – я вроде как встречаюсь с Эштоном Кутчером.

– Понятия не имею, кто это, – ответила Шери.

Мы подъехали к газетному киоску, Хантер выбежал, чтобы купить выпуск журнала Rolling Stone, на обложке которого был Эштон. Когда Шери посмотрела на него, то сказала:

– Ну, он определенно хорош собой!

И я, конечно же, согласилась.

Эштон был очень смущен, когда все мы встретились в аэропорту и сели в самолет, который мы с Брюсом все еще делили. Он так нервничал, что за весь полет не проронил ни слова. Я вспомнила, как впервые летела с Брюсом на частном самолете в самом начале наших отношений, как это было волнующе и удивительно. Приземлившись в Хейли, мы пошли забирать наших девочек – Скаут и дочь Шери Сару Джейн, которые только вернулись из школьной поездки на курсы выживания в дикой природе. Эштон повернулся ко мне в машине и сказал:

– Ты должна знать: я не хочу, чтобы мое появление в жизни твоих детей было легкомысленным. Это не просто прийти и уйти.

Когда девочки вышли из автобуса и увидели нас, то сразу начали шептаться в духе: «Это ЭШТОН КУТЧЕР?!?»

Он сразу же поладил со Скаут и Таллулой. У Эштона был замечательный отчим, который много значил для него, я думаю, что он понимал, какое влияние мужчины могут оказывать на детей, если не приходятся им биологическими родственниками. И ему нравилось, что я была мамой. Думаю, что возможность являться важным человеком для моих детей была частью отношений, которые его привлекали. Это может показаться странным для двадцатипятилетнего парня, но, опять же, он был не как все. С одной стороны, Эштон любил пошалить, но с другой – в нем чувствовались ответственность, искренность и сосредоточенность. У него было очень сильное понимание роли, которую хороший человек играет в жизни семьи. И он хотел быть частью нашей компании.

На следующий день наш самолет должен был вернуться в Лос-Анджелес, чтобы забрать Брюса. Эштон отправился на нем, чтобы вернуться к своей работе. Я хотела, чтобы Брюс знал о нас на случай, если они пересекутся, и сказала ему: «У меня есть друг, который сойдет с самолета, его зовут Эштон Кутчер». Реакция Брюса была такой: «Ты такая хорошая мама». Он предположил, что я привезла Эштона в качестве особого подарка для девочек, как мы однажды организовали приезд Аарона Картера[70] в «Диснейленд» на день рождения Скаут.

Вышло так, что Эштон и Брюс сразу хорошо поладили. Мы часто встречались, чтобы поиграть в карты, поужинать или просто отдохнуть вместе. Было чудесно. (Лирическое отступление: первый раз Эштон приехал в Лос-Анджелес вместе с Дженьюари Джонс – актрисой, которая играла Бетти Дрейпер в телесериале «Безумцы». Они были помолвлены и в то время только начинали свою актерскую карьеру – работали моделями и играли второстепенные роли. Когда Дженьюари было двадцать три, она исполнила маленькую роль в фильме «Бандиты», а главную роль в этом фильме сыграл Брюс, ему тогда было сорок шесть. Эштон уверял меня, что между Брюсом и Дженьюари был роман. А годы спустя на одном мероприятии мне довелось сидеть рядом с Дженьюари, и в ходе нашей беседы я упомянула об этой ситуации. На что она, улыбаясь, ответила: «Ты серьезно? Я говорила Эштону тысячи раз, что не хочу спать с этим стариком!»)

Какое-то время мы с Эштоном хранили наши отношения в тайне, но потом осознали, насколько же это глупо. Мы любили друг друга и хотели присутствовать в жизни друг друга постоянно. В июне 2003 года на премьере фильма «Ангелы Чарли 2: Только вперед» мы впервые появились на публике как пара. Я была в сногсшибательном мини-платье от Missoni и появилась на красной дорожке под руку с Эштоном с одной стороны и Брюсом – с другой, а дети шли впереди нас. Помню, я тогда сказала: «После развода остаться семьей можно, просто она приобретет новую форму». Я предусмотрительно устранила любые поводы для конфликта между Эштоном и Брюсом, которые могли бы сыграть на руку прессе. И это сработало. Вечер выдался чертовски хорошим.

Как я и ожидала, реакция на наши отношения была ошеломляющей – может быть, даже больше, чем просто ошеломляющей. О нас постоянно писали в таблоидах, и каждый наш выход из дома фиксировали фотографы. Мои агенты говорили, что эти отношения вредят мне: люди сосредотачивались на том, что я была с молодым человеком, а

следовательно, не воспринимали меня всерьез. Но мне было все равно. Никогда в жизни я не была так счастлива.

Я купила красивый дом в горах над Беверли-Хиллз, недалеко от того участка, где Эштон хотел построить дом своей мечты. Далеко за пределами шумного города это место напоминало гавань спокойствия и умиротворения. Можно было сидеть у бассейна и наблюдать, как теплое солнце скрывается за горами, а стеклянные стены открывали вид на раскидистые деревья. Оно должно было стать нашей тихой гаванью.

Мы с Эштоном не хотели расставаться ни на минуту. Когда мой дом ремонтировали, он пригласил меня с девочками погостить у него. Глупо было снимать апартаменты, поскольку мы хотели все время проводить вместе, тем более девочки любили Эштона. Румер хотела вернуться в Лос-Анджелес, она скучала по семье – школа-интернат оказалась не тем, что она себе представляла.

Дом Эштона был одной из самых первых его крупных покупок. Для двадцатипятилетнего парня место было довольно впечатляющее: в холмах над Беверли-Хиллз, с теннисными кортами и бассейном. Эштон совсем иначе относился к успеху, чем Брюс. Он не тратил бешеное количество денег, подходил к расходам осторожно и обстоятельно, его инвестиции, включая первый дом, всегда отражали эту его черту. Хотя до нашего приезда это был настоящий лос-анджелесский дом для вечеринок – можете прочитать об этом в журнале Rolling Stone. В то время Джордж Буш был президентом, и однажды его дочери-близняшки накурились в этом доме на одной из вечеринок Эштона. Он был уверен, что с тех пор Секретная служба прослушивает его звонки. Было несколько ночных звонков в дверь, прежде чем стало известно, что у Эштона – новая пассия.

Примерно через полтора года после начала наших отношений Эштона пригласили второй раз принять участие в шоу «Субботний вечер в прямом эфире», и мы решили самым смешным образом высмеять нашу разницу в возрасте назло всем сплетням и слухам. В отличие от моего первого выступления, в этот раз я наслаждалась каждой минутой шоу. Во время своего вступительного монолога Эштон сказал:

– Журналисты фокусируются на нашей разнице в возрасте, а я фокусируюсь лишь на том, что она – лучшее, что когда-либо случалось со мной, и она здесь сегодня вечером. Деми, я люблю тебя, детка.

И камера показывает меня в зале. Я – в гриме, благодаря которому стала похожа на девяностолетнюю, с седыми париком и бровями, в фиолетовом платье и с сумочкой на коленях, как у

английской королевы.

– Ты отлично справляешься, детка, – прохрипела я своим лучшим старушечьим голосом. – Ты выглядишь потрясающе!

Затем Эштон позвал меня на сцену, чтобы мы могли насладиться этим моментом вместе. Я встала со своего места и наклонилась к ходункам, которые ждали меня в проходе.

– Она все еще самая горячая женщина в Голливуде, – объявил он, как только я поднялась на сцену, что вызвало огромный смех, потому что я выглядела так, будто только что вышла из дома престарелых. К тому же костюмеры «Субботнего вечера в прямом эфире» сделали мне массивные висячие сиськи.

– Я ношу этот медальон как символ нашей любви, – сказал Эштон, указывая на свое ожерелье.

– О, и у меня есть такой идентификационный браслет; это позволяет медицинским специалистам знать, что у меня диабет!

– Похоже, у нее все плохо, – заметил Эштон.

Потом мы решили поцеловаться, и мои вставные зубы оказались у него во рту.

Все это было очень забавно. Мне нравилось, что я нахожусь на таком этапе своей жизни, когда мне все равно, что пишет желтая пресса и что думают люди о моем выборе. Я жила так, как хотела. И не было никакой причины волноваться по поводу возраста – мне только что исполнилось сорок два. И я была беременна.

Глава 19

Мы сразу решили, что хотим завести ребенка, – вопрос времени. Это было похоже на начало взаимоотношений с Брюсом, но на этот раз я хотела сначала заложить прочный фундамент. Мне нужно было время, чтобы мы могли насладиться друг другом. И мне было сорок. Поэтому меньше чем через год после начала наших отношений мы решили заморозить эмбрионы, чтобы не думать о временных ограничениях.

Благодаря работе моей команды мне предложили роль в фильме «Полусвет», который должен был стать важным продолжением моей карьеры после выхода картины «Ангелы Чарли». Уверена, что большинство никогда даже не слышало о нем, что уже свидетельствует о многом. Сценарий был интересный: мистическая история об успешной писательнице фантастических романов, которую не покидает чувство вины за смерть ее сына. У проекта были финансовые проблемы, неизвестный режиссер и съемки длиною в месяц вдали от моих девочек. Мы никогда не были так долго далеко друг от друга.

Эштон настоял на съемках. Он сказал:

– Девочки останутся здесь, а я буду приходить к ним на ужин каждый вечер. И постараюсь сохранить такую семейную обстановку, будто ты никуда не уехала.

Съемки проходили в Уэльсе и Корнуолле. Перед отъездом из Лос-Анджелеса я не выдержала и купила каждой дочери по телефону, чтобы они звонили мне в любое время, когда захотят. Технологии дошли до того, что можно было обмениваться фотографиями, и каждый раз, когда Эштон и девочки присылали свои снимки, я ужасно по ним скучала. А когда Эштон привез ко мне девочек – была на седьмом небе от счастья. В Лондоне мы остановились недалеко от Мейфэра[71], где находился потрясающий дом, в котором когда-то находился женский монастырь. В подвале стоял бассейн, и, когда мы там плавали, то ощущали себя, словно в подземной пещере. Это было настоящее приключение – исследовать с девочками все задние лестницы и выяснять, что происходит в этом мистическом доме.

Однажды вечером, после того как девочки легли спать, мы с Эштоном сидели в большой комнате, скрестив ноги, на полу перед камином и впервые заговорили о свадьбе. Нам было очень хорошо просто сидеть в отсветах огня и непринужденно обсуждать, как наш брак отразится на моих девочках. Возможно, это пойдет им на пользу, размышляли мы, когда они привыкают к новой семье, новому дому? Было так много сплетен в таблоидах о

том, что наши отношения несерьезны, хотя на самом деле только он в мое отсутствие целый месяц хранил семейный очаг в доме. Девочки даже начали называть его «мой другой папа».

Мы с Эштоном отправились на субботнюю службу в Центр изучения каббалы, который находился в районе Мэрилебон. Я начала изучать каббалу вскоре после возвращения из Айдахо. Когда я приехала в Лос-Анджелес, мне показалось, что я больше никого здесь не знаю. Но у меня там жил друг – Гай Озери[72], которого я знала с девяностых годов. Именно он помог мне вернуться к светской жизни: водил на званые обеды, в клубы (я не выпивала, но любила потанцевать), познакомил с Мадонной, ее муж – Гай Ричи – дал мне экземпляр книги «Сила каббалы». Затем Гай Озери пригласил меня побеседовать с их учителем Эйтаном в офисе звукозаписывающей компании Maverick в Беверли-Хиллз, которую он основал вместе с Мадонной. Встреча была очень спокойной и содержательной, Эйтан рассказал нам о принципах каббалы и духовной стороне иудаизма. Мне хотелось узнать об этом больше, поэтому, вернувшись со встречи, я погрузилась в чтение книги. Каждую неделю Мадонна проводила у себя дома занятия, и я начала их регулярно посещать.

Когда я познакомилась с Эштоном, он тоже заинтересовался каббалой. Нас объединяло стремление к духовной жизни. В семье его воспитывали католиком, чего не скажешь про меня, хотя я была крещеной католичкой. Но мы оба задавались вопросами: какова цель нашего существования, предназначения, как мы вписываемся в великий план божий? И как бы то ни было, мы верили, что наш союз – шаг в правильном направлении.

Девочкам тогда было семнадцать, четырнадцать и одиннадцать лет, а Эштон, как я уже говорила, очень хотел стать самым лучшим отчимом в мире. А еще он был молод и полон энергии, поэтому ему хотелось развлекаться, и мы прекрасно проводили время. Ходили на игры баскетбольной команды «Лейкерс», встречались с его друзьями из сериала «Шоу 70-х»; я познакомила его со всеми, кого знала в Лос-Анджелесе, в котором было где разгуляться.

Эштону легко давался нетворкинг, а если по-простому, ему удавалось устанавливать полезные контакты, не важно как – лично или онлайн, у него всегда это хорошо получалось. Эштон был одним из первых, кто набрал больше миллиона подписчиков в Twitter. Он понял силу социальных сетей намного раньше, чем большинство людей, и даже на некоторое время втянул в это меня. Поначалу мы просто развлекались, пытаясь уловить суть действа. Но потом я осознала, что Twitter – это способ напрямую взаимодействовать с людьми, без посредников в СМИ. Люди

видели огромное количество моих фотографий в таблоидах, на которых я выглядела хмурой или раздраженной, пытаясь отогнать фотографов. А Twitter давал возможность показать обратную сторону – более светлую. И вдруг люди начали узнавать меня настоящую, а не бульварный образ Жадной Мур – или кем там пресса меня обзывала. Я стала ближе к ним, делилась чем-то реальным. Но, конечно, соцсети – это палка о двух концах. Однажды Эштона не было в стране, и, зная, что я сплю, он послал сообщение всем своим подписчикам с просьбой устроить «волну любви» в моем Twitter. Я все еще была в пижаме, когда заметила, что мой телефон просто разрывается тысячью любовных твиттов.

Эштон был очень романтичным. Он оставлял по всему дому записки с посланиями типа «помни, что ты волшебница» или просто старым добрым «я люблю тебя». Они так много значили для меня, что некоторые из них я хранила по пять, а может, и шесть лет. Это было такое счастье – жить с человеком, который готов поднять тебе настроение, порадовать и доставить удовольствие.

На День святого Валентина он устроил романтическое путешествие в Мексику. Номер был усыпан лепестками роз, дорожка из цветов вела к освещенной свечами ванне. Это был наш первый совместный отпуск, которого мы очень ждали. Мы делали друг другу массаж, читали вместе на пляже, но большую часть времени нам нравилось просто валяться голышом в постели.

Однажды вечером мы вышли поужинать, и, наслаждаясь бокалом хорошего красного вина, Эштон вдруг сказал:

– Я не знаю, существует ли на самом деле зависимость от алкоголя, ведь главное – просто знать меру.

Я хотела быть такой – девушкой, которая может насладиться бокалом вина за ужином или выпить коктейль на вечеринке. И мне кажется, Эштон тоже этого хотел, поэтому я решила стать как все нормальные девушки. Тогда мысль: *этот парень слишком молод, чтобы понять, о чем говорит,* не пришла мне в голову. Не вспомнила я и о том, *что почти двадцать лет не употребляю алкоголь, и для меня это было огромным достижением*. Вместо этого я стала искать в его высказывании положительные стороны. *Есть же люди, которые много выпивают в молодости, а затем выстраивают совершенно здоровые отношения с алкоголем*, уверяла я себя. Ведь было время, когда я сама использовала еду, чтобы издеваться над собой, а потом изменила подход к питанию, естественно, не отказывая себе полностью в пище. Могу ли я поступить так же с алкоголем? Когда мы вернулись в номер, я взяла пиво из нашего мини-бара.

В первое время, когда алкоголь снова вошел в мою жизнь, это было так ново – испытывать кайф. Но это максимум – я все держу под контролем, сказала я себе. Мы покинули Мексику и полетели в Чикаго, куда Эштона пригласили на ток-шоу Опры Уинфри. Я наблюдала из гримерки, с каким восторгом он рассказывал обо мне, и видела, как женщины в зале при виде Эштона падали в обморок.

Затем мы поехали во Флориду на большую гонку NASCAR в Дейтона-Бич, где Эштон выступал как почетный ведущий мероприятия. Для нас приготовили гостиничный номер, и я часто проскальзывала в комнату, чтобы взять пиво из мини-бара. Никто за мной, естественно, не следил, но я не могла избавиться от ощущения, что делаю запретное. Нельзя после двадцати лет отказа от алкоголя верить, что ничего не произойдет, если ты немного выпьешь. Слова, которыми Общество анонимных алкоголиков описывает алкоголизм, – коварный, пугающий и влиятельный. «Неужели это сойдет мне с рук? – размышляла я. – А если я всего лишь выпью пива?» И все выходные я тайком пила его, специально маленькими глотками.

Наша конечная остановка была в Майами, Шон Комбс[73] предложил нам свой дом на Береговом канале. Место было невероятно красивым, а главное – мы были там только вдвоем. Именно здесь я заметила, что у меня задержка месячных, и поспешила сообщить об этом Эштону.

– Но мы много путешествуем, и иногда из-за этого цикл сбивается…

Я решила подстраховаться. Рядом с нами не было никого, чтобы послать в аптеку за тестом, а сами бы мы не рискнули его покупать. Но инстинктивно я чувствовала, что означает задержка, и следующие двадцать четыре часа были ужасно долгими и волнующими.

Я отправила Хантеру сообщение, и, когда на следующий день мы вернулись в Лос-Анджелес, у него дома меня ждал тест на беременность. Когда я увидела, что тест положительный, то была шокирована, затем взволнована, затем обеспокоена, после чего еще раз пережила всю гамму противоречивых эмоций. Но когда я рассказала Эштону, его реакция успокоила меня – он был очень рад.

Шесть недель спустя на острове Паррот Кей Эштон сделал мне предложение. Он пригласил меня на пляж полюбоваться закатом, а потом опустился на одно колено и подарил мне красивое классическое кольцо от Cartier. Я была просто поражена и сказала, что мне нужно подумать. Я не хотела, чтобы он женился на мне только потому, что я беременна. Но ведь я же

любила его, и он любил меня. Этот ребенок только укрепит нашу семью и сделает нас всех ближе.

К утру я сказала «да».

Недавно я случайно наткнулась на эпизод с моим участием в телепередаче «Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом». Это был 1994 год, и я пришла туда для продвижения фильма «Разоблачение». Леттерман сказал:

– У тебя такая прекрасная жизнь, просто сказка!

Это было вскоре после рождения Таллулы, и он расспрашивал о моих прекрасных дочерях. Затем продолжил:

– Ты красивая женщина. И тебе уже некуда быть более успешной. Твой муж делает все отлично, – пошутил он, – и каждый фильм с твоим участием оказывается не только хорошим, но и очень, очень популярным.

Что-то из этого было, конечно, преувеличением – Дэвид льстил своей гостье, чтобы она чувствовала себя комфортно и могла спокойно говорить на камеру. Но и правда в этом была: я мама трех замечательных девочек, жена красивого знаменитого мужа, который на самом деле много зарабатывал, мои собственные фильмы тоже были успешны в прокате. Без сомнения, мне повезло. Но тогда, несмотря на все это, я сомневалась в своем благополучии. Да, моя жизнь была замечательной, но я не до конца это понимала. И только десять лет спустя, когда я была помолвлена со своей второй половинкой и ждала от него ребенка в сорок два года, я впервые почувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. Наконец-то я была готова ощутить счастье, по-настоящему оценить его и насладиться им.

Мы начали понемногу покупать вещи для детской. Муж моей подруги Солейл Мун Фрай в то время был партнером Эштона по продюсированию, и она тоже забеременела. Мы были рады переживать весь процесс вместе и иметь друзей, которые в скором времени тоже должны были стать родителями.

Это была девочка. Мы назвали ее Чаплин Рэй – в честь девушки, которая была моим переводчиком в Испании на пресс-конференции, посвященной фильму «Солдат Джейн». Мне нравилось это имя, и я любила свою малышку.

С каждой новой беременностью живот женщины, как правило, растет быстрее, и когда я была беременна Чаплин, то стала просто гигантской. Мы держали все в тайне, только Брюс, девочки и самые близкие знали, что я беременна. Не хотелось, чтобы моя младшая дочь появилась на свет в качестве наживки для бульварной прессы.

И, слава богу, такого не случилось.

Почти на шестом месяце беременности, как раз когда мы уже собирались рассказать всем о нашей тайне, мы пошли к врачу. Он сделал обычное УЗИ, но на этот раз сердцебиения не было. Вместо уже привычного для меня биения маленького сердечка Чаплин была мертвая тишина. А потом я увидела выражение лица моего доктора.

Если вы никогда не теряли ребенка, то, наверное, думаете, что замершая беременность – не такая уж большая проблема. Трудно вспомнить, но уверена, я тоже когда-то думала так же – будто это всего лишь небольшая медицинская неудача, да, неудача досадная, но не катастрофическая. Однако, когда речь идет о вашем нерожденном ребенке, которого вы уже любите и считаете членом своей семьи, ситуация не кажется такой незначительной. Это все равно умер ваш ребенок.

Я была уничтожена и просто переключилась в режим выживания. Пыталась скорбеть, но ситуация сбивала с толку. Как я могу оплакивать человека, которого никогда не было на свете? Я ведь даже не видела ее. Но я хотела вернуть ее каждой частичкой своего сердца.

Эштон сделал все возможное, чтобы поддержать меня. Он пытался быть рядом со мной, но по-настоящему не мог понять, что я чувствую. Во-первых, он не носил этого ребенка. А во-вторых, в то время ему было всего за двадцать, и это была далеко не последняя для него надежда стать отцом. Эштон вовсе не исчерпал эти возможности. И вдруг я остро осознала, что тоже не исчерпала. Мне очень повезло, что я забеременела естественным путем в сорок лет. Но я была в отчаянии, что не смогу сделать это снова. Я в буквальном смысле не справилась с поставленной задачей, и моему горю не было конца. Я проживала жизнь, не чувствуя ее.

Недавно мне попалась записка, которую тогда написала Таллула, в ней говорилось: «Мне очень жаль, что ты потеряла ребенка. Но у тебя есть я. И я тебя люблю».

Мне казалось, что это моя вина: если бы я снова не начала пить, то никогда бы не потеряла ребенка. Хуже того, я все еще курила, когда узнала, что беременна. Потребовалось несколько недель, чтобы полностью бросить курение. Меня терзало чувство вины, и я была уверена, что случившееся – моих рук дело.

Алкоголь окутал мою боль. «*У меня беда*, поэтому я пью, это нормально», – вот как я себя успокаивала. Но где-то в глубине души знала, что в моей тяге к алкоголю нет ничего хорошего.

Тем временем Эштон вернулся к строительству своей «империи». А я просто оставалась наедине с собой. Работы не было, поэтому все мои занятия сводились к тому, что я постоянно

обдумывала факторы, которые повлияли на случившееся.

Во мне все еще теплилась надежда. Ведь я могу попробовать еще раз. *Теперь мы знаем, что хотим этого, без малейших сомнений, так давай начнем!*

Мы решили пожениться. Наш учитель каббалы решил, что это будет исцеление и еще сильнее укрепит нашу связь, объединит две души в одну. И я с головой ушла в планирование свадьбы.

В самом начале поговаривали, что наши отношения – всего лишь тщательно продуманный пиар-ход. У людей не укладывалось в голове, что женщина в возрасте и молодой парень могут быть счастливы вместе, но никто бы и глазом не моргнул, если бы ситуация была противоположной. Например, у Брюса с его женой разница в возрасте – двадцать три года, и никто по этому поводу даже не пикнул. Ко времени нашей с Эштоном свадьбы 24 сентября 2005 года за два года как пара мы уже прошли через множество испытаний. У нас не было ощущения, что мы куда-то спешим, совсем наоборот. Мы праздновали любовь, которая уже пережила испытание огнем.

Я приложила большие усилия, чтобы сохранить нашу свадьбу в тайне, и это получилось благодаря помощи Хантера и Ларри, отца Эштона. Список гостей был небольшим – только самые близкие друзья и родные. Большинство из них собирались приехать на новоселье. Ремонт в нашем доме как раз закончился, и мы провели церемонию в гостиной. Эта свадьба была насколько же интимна и сдержанна, настолько свадьба с Брюсом – огромна и роскошна. Со стороны Эштона были его отец, мать и отчим, также приехали его брат-близнец Майкл, старшая сестра Таша и племянница Дакота. Конечно, был Брюс, он вместе с девочками представлял мою семью. С моей стороны также присутствовали Джордж, Диана и Морган. Церемония уже началась, когда Люси Лью пробиралась на свое место с выражением шока и восторга на лице, держа под мышкой подарок на новоселье.

На мне было красивое простое платье цвета слоновой кости от Lanvin, его волшебным образом создал для меня мой друг Альбер Эльбаз[74] всего за несколько недель. Эштон тоже был одет в белый костюм для нашей каббалистической церемонии под хупой[75]. Я обошла Эштона семь раз, что символизировало круг любви, а он разбил ногой стакан, что напоминало о хрупкости отношений. О том, как легко можно разбить эти отношения вдребезги.

Глава 20

Мы все делали вместе. Два или три раза в неделю играли в настольные игры, нашим фаворитом было домино «Мексиканский поезд». Мы играли по правилам Сальмы Хайек: в центре стола лежит «двигатель» и от него отходят цепочки «поездов», в ходе игры необходимо избавиться от как можно большего количества фишек, чтобы победить своего противника. Познакомили нас с этой игрой Пенелопа Круз и ее подруга Дайя. Иногда нам составляли компанию Хизер, Гай, Брюс и Эрик Бутербо, который был флористом на нашей свадьбе. По средам у нас дома был курс каббалы. Ти Джей, бывший сосед Эштона по комнате, и остальные члены их футбольной лиги приходили по воскресеньям. Каждый вечер мы устраивали семейные ужины, Эштон подстраивал под них свой рабочий график. Все приходящие и уходящие друзья были частью нашей большой семьи.

Каждый год на следующий день после Рождества мы все отправлялись на остров Паррот Кей. Это была традиция, которую я начала еще с Брюсом: утром мы катались на лыжах в горах Айдахо, а затем садились в самолет и уже вечером плавали в океане. Именно там я впервые выпила алкоголь перед девочками – это было в баре у бассейна. Помню, что тогда заказала пиво, а Эштон – коктейль. Сначала я контролировала ситуацию и следила за реакцией организма, но через некоторое время наш новый приятель – толстяк Фил, так мы его прозвали, спросил:

– Ты когда-нибудь пила пиво через соломинку?

Мы соревновались, кто быстрее справится, и я победила, после чего мы повторили это еще три раза. Мне и в голову не приходило, с кем я соревновалась. Фил был ростом в шесть футов четыре дюйма[76] и, вероятно, втрое тяжелее меня. На нем это никак не сказалось, а я не могла стоять на ногах. Когда мы возвращались в наш номер, я развалилась на переднем сиденье гольф-мобиля, а Румер смеялась над тем, как глупо себя ведет ее мать.

– Ах, мама, как же я люблю тебя, – сказала она.

– Чувствую то же самое, – пьяно ответила я.

Им было смешно, когда я выпила в тот раз. Но на самом деле это не было смешным. Я всегда была очень осторожна со своими детьми, хотела выглядеть в их глазах надежной, уравновешенной и нежной, даже когда небрежно обращалась к ним. А когда ты выпиваешь, то становишься более прямолинейной и раскованной, по крайней мере, так происходит со мной. По сравнению с той мамой, которую они знали с детства, я была более резкой. Для

них это было что-то новое, необычное: девочки никогда раньше не видели меня, да и вообще взрослых, в пьяном виде. Я помню, как на вечеринке в честь шестнадцатилетия Румер Таллула пришла в ужас, когда увидела в стельку пьяных людей. Это было так непривычно – девочка не знала, что и думать. Но я сумела успокоить и утешить ее: я была все той же мамой, и рядом со мной она всегда будет в безопасности.

Мы с Эштоном все же хотели ребенка, и нам очень нравилось делать это по старинке. Однако через несколько месяцев мы решили сделать внутриматочное оплодотворение, просто на всякий случай. После того как в течение года это не сработало, мы перешли к ЭКО.

Ежедневные уколы и постоянные визиты к врачу, которые требуются для экстракорпорального оплодотворения, даже молодую девушку могут заставить прийти в отчаяние и опустить руки. Мне не понравился наш первый врач, который постоянно подчеркивал мой возраст. Мы нашли другого специалиста по оплодотворению, он полностью меня устраивал. И ввод гормонов я перенесла довольно хорошо.

Но каждый раз, когда у меня начинались месячные – доказательство того, что ничего не вышло, – я вновь вспоминала смерть Чаплин и начинала думать о страшном.

Я никому не показывала свои переживания и продолжала попытки. Со стороны, может быть, и казалось, что я не теряю веры, но в тот момент внутри меня все умирало.

Судя по анализам, не было никаких причин, которые могли бы указать на невозможность беременности. Мой организм вырабатывал достаточное количество яйцеклеток, и они были оплодотворенные. Но ничего не происходило. Я прошла четыре, а то и пять циклов, и каждый заканчивался моим разбитым сердцем. Всякий раз в душе теплилась надежда. Каждое утро и каждый вечер тебе делают УЗИ, уколы в живот и в зад, берут кровь, чтобы узнать, когда наступит овуляция, насколько слизистая оболочка матки в порядке и так далее. Ты организовываешь весь свой быт для беременности и, когда вновь обнаруживаешь, что ничего не вышло, падаешь духом. Годы пребывания в таком состоянии пагубно скажутся на любой женщине.

Но надо отдать Эштону должное – он все еще хотел ребенка. Мы могли использовать суррогатную мать или донорскую яйцеклетку. Но мое внутреннее эго настаивало, чтобы я сама выносила своего ребенка. Ведь я всегда так делала раньше. Умом-то я понимала, что можно установить самую близкую связь со своим ребенком, даже не вынашивая его. Но на эмоциональном

уровне мне хотелось самой носить ребенка от Эштона. Точно так же, как я хотела быть беззаботной девушкой, которая может спокойно выпить, я хотела быть женщиной, которая сможет выносить его ребенка. Я начала переживать, что, может быть, я, как любезно напоминали таблоиды при каждом удобном случае, действительно «не первой свежести».

В течение этого ужасного периода я начала воспринимать отношения с дочерями как что-то само собой разумеющееся. Мне не хотелось беспокоить их подробностями моего ЭКО – это просто было неуместно. Я стала скрытной. В Айдахо мы были вместе, но теперь казалось, что мы с Эштоном закрылись от них. Ситуацию усложняло то, что они как раз были в том возрасте, когда детям свойственно отдаляться от своих родителей. Как подростки, Румер и Скаут состязались, «у кого больше гормонов», в то время как я была просто накачана ими из-за ЭКО.

В конце концов, я полагала, что наши отношения в порядке. Когда ваши дети перестают выглядеть как дети – вырастают и ведут себя как взрослые, легко забыть, что они всегда будут видеть вас глазами ребенка. Думаю, что, утонув в своей боли, я упустила из виду, как сильно они нуждались в моей материнской заботе.

Эштон готовился к съемкам фильма «Бабник». По сценарию было ясно, что картина получится очень сексуальной, даже визуально. Первоначально на главную женскую роль была приглашена Дженнифер Джейсон Ли, и однажды Эштон пришел домой из офиса и сказала мне:

– Дженнифер обеспокоена твоим присутствием на съемочной площадке.

Он казался очень встревоженным и поделился со мной своими переживаниями, что если Дженнифер будет недовольна, то это может в дальнейшем сильно повредить его карьере, поскольку она была замужем за режиссером Ноем Баумбахом, у которого как раз вышел успешный фильм.

– Возможно, когда-нибудь я захочу поработать с ним, а он даже не пригласит меня на кастинг, – сказал Эштон.

Мне стало стыдно, но вдруг я вспомнила, что у нас с Дженнифер был один и тот же менеджер, в отчаянии набрала его и сказала:

– Пожалуйста, дайте ей знать, что у меня и в мыслях не было ставить фильм под угрозу, я ни в коем случае не хотела доставлять ей неудобство во время работы!

Мой менеджер позвонил Дженнифер, а потом перезвонил мне. У нее не было никаких претензий на этот счет. Ее ничего не беспокоило, и она понятия не имела, о чем я говорю.

Я была сбита с толку, а разговор с Эштоном совсем не прояснил ситуацию. Он списал это на недопонимание, но что-то было не так. Суть заключалась в том, что не она беспокоилась о том, что я буду на съемочной площадке, а он.

Я была подавлена. Брюс всегда чувствовал себя ненужным из-за того, что я даю ему много личного пространства. Я старалась не повторять этой ошибки. Мне казалось, что, приезжая к Эштону в Луизиану, когда он снимался в фильме «Спасатель», пытаясь всегда быть с ним рядом, я поддерживаю его в работе. На самом же деле ему нужно было личное пространство. Но он мне ничего не сказал. Он добился того, чего хотел, только с помощью лицемерия.

Эштон был не честен. Это на его совести. Но и я уделяла ему слишком много внимания, оказывая при этом большое давление. Я теряла себя. И это уже на моей совести.

Люди полагают, что зависимыми становятся, как только один раз напьются, а потом все – крах. Но в моем случае это была постепенная нисходящая спираль. О снижении моей уверенности в себе говорило частое злоупотребление наркотическими веществами.

Мой агент порекомендовал снять дом Джо Фрэнсиса в Пуэрто-Вальярте[77] на мой сорок пятый день рождения. Это невероятное место работало как шестизвездочный отель. (На телефоне была даже кнопка «что угодно».) Мы с Эштоном наняли самолет, чтобы привезти на выходные дюжину друзей.

Все прекрасно проводили время и по-настоящему расслаблялись. Мы устроили грандиозный ужин за длинным банкетным столом; вокруг ходили официанты с подносами текилы, а гости забирались на стол и расхаживали посередине, только наш друг Эрик чего стоил – залез на стол в одних трусах и остроносых ботинках.

Когда у вас нет «выключателя», вы будете идти, пока есть силы. Поздно вечером мы все оказались в джакузи, от горячей воды я начала терять сознание и медленно опускаться под воду. Если бы рядом никого не было, я бы утонула.

Эштон отнес меня к нашей кровати, он был в бешенстве. В какой-то степени я понимаю его реакцию. Если бы случай был первым – это один разговор, проблема в том, что подобное уже происходило.

Я была сбита с толку: Эштон сам призывал меня идти в этом направлении. Но когда я зашла слишком далеко, он дал мне понять, что чувствует, показав фотографию, на которой я лежала прошлой ночью головой на унитазе. Тогда это показалось мне добродушной шуткой, но на самом деле ужасно унижало.

У меня была стоматологическая операция, и мне прописали викодин. Я принимала его по назначению, когда мне было очень больно. Сначала. Потом, когда мне уже не было больно, я думала: «*Хм, может быть, я просто приму половину таблетки*». В то время у меня также болела спина, и мне выдали другое лекарство, чтобы облегчить боль. Поначалу таблетки снимали напряжение и делали жизнь чуть легче. В то время с алкоголем я не знала меры, но таблетки держала полностью под контролем. Они придавали мне силы, чтобы встать и сделать что-то необходимое. Правда, со временем они перестали оказывать тот же эффект, поэтому я стала принимать их все больше и больше, чтобы нормально себя чувствовать. И дошла до того, что стала принимать по двенадцать таблеток в день.

Остановилась я после того, как в один выходной, когда вся семья была в сборе, я ужаснулась от мысли, что не помню, сколько таблеток приняла. От осознания этого у меня перехватило дыхание.

Я никому ничего не рассказала. Но на следующий день решила поговорить об этом с Эштоном, и он спросил, не нужна ли мне помощь. Я ответила, что сама обо всем позабочусь, и сделала это.

На следующей неделе он уехал в Европу, а девочки остались с отцом. И я решила провести очищение организма. Это была одна из самых трудных вещей, которые мне когда-либо приходилось делать в жизни. Отказ от опиатов – это агония и просто невообразимые муки. Ты не можешь спать, потому что твое тело слишком сильно болит, единственное, на что тебя хватает, – добраться до туалета. Все тело изнывает и взывает: «Я умираю, если ты примешь хоть немного таблеток, вся эта боль уйдет!» Это как самый страшный грипп, которым когда-либо можно болеть. За ту неделю я выпотрошила все, что можно, из моего тела.

Когда Эштон вернулся домой, я чувствовала себя так, словно пережила войну. С его стороны я не получила никакой поддержки или сочувствия. Мне казалось, что в первую очередь он злился на меня за то, что я создала эту проблему: мол, заварила кашу – вот теперь сама и расхлебывай.

Глава 21

Эштон отдалялся от меня все больше и больше. Он по-прежнему занимался работой, масштабными инвестициями в информационные технологии, своей футбольной лигой. И явно давал понять, что все вышеперечисленное представляло для него большую ценность, – я не виню его за это. Но очень жалею, что не могла так же ценить себя.

Вместо этого я стала гнуть спину, чтобы соответствовать тому образу жены, который он себе представлял. Я поставила его на первое место, хотя он меня об этом не просил. Именно так в свое время поступали моя мама с бабушкой, и я переняла это для своих отношений. Мне хотелось сохранить наш брак, и я была готова сделать все что угодно, чтобы достигнуть этого. Поэтому не сказала «нет», когда ему захотелось попробовать секс втроем. Я хотела показать ему, что тоже умею веселиться и мне все еще есть чем блеснуть.

Присутствие других людей в наших отношениях создало ошибочное представление о превосходстве и дало лишь временное чувство восторга. Мы пустили в нашу постель двух разных людей. У них не было плохих намерений, и они не переходили границ дозволенного. Я знаю, что могу возобновить общение с любым из них для поддержки дружеских отношений. Один из наших партнеров сейчас состоит в браке и имеет ребенка. Они были действительно хорошими людьми, но это все равно была ошибка. Одна из основных идей моногамии заключается в том, что ваш партнер жертвует всем, чтобы быть с вами, таким образом, вы занимаете особое место в его жизни, которое принадлежит вам. А когда появляется другой человек, приходится делить это священное место, и оно больше не является только вашим.

Я была в Нью-Йорке на съемках фильма с Эллен Баркин «Родственнички», когда эта новость неожиданно появилась в прессе. Пока меня не было в городе, Эштон переспал в нашем доме с двадцатиоднолетней девушкой.

Я помню ту ночь, когда они встретились. Мы играли в боулинг с Румер, и, когда Эштон пошел сменить обувь, эта девушка дала ему свой номер на салфетке. По крайней мере, так он мне тогда сказал. Он показал мне салфетку в тот же вечер, как только мы вернулись домой.

– Это просто отвратительно, – сказала я. – Мы были там с нашим ребенком, а она – со своей матерью и сестрой!

Моей внутренней реакцией было отвращение, а после того,

как стало известно, что он все-таки проявил к ней интерес, я почувствовала удар в спину, будто он говорил: «Да пошла ты».

Внезапно его измена стала сенсацией во всех СМИ. Девушка даже пыталась продать его свитер на eBay за пятьсот долларов.

Эта новость появилась в прессе, когда мы планировали в рамках Глобальной инициативы Клинтона[78] представить созданный нами фонд[79], основной целью которого была борьба с торговлей людьми и сексуальным рабством. Мы потратили больше года на изучение этого вопроса и создание инфраструктуры: у Эштона был настоящий талант затрагивать глобальные проблемы, а для меня эта тема была очень личной. О том, чтобы отложить презентацию, не могло быть и речи.

Я отключилась от всего происходящего, так как знала, что таблоиды будут внимательно следить за моей реакцией. Если бы мы держались друг друга, возможно, пресса оставила бы этот инцидент с девушкой и ее шантажом без внимания. Наверное, правильнее всего было бы переступить через случившееся и все забыть.

Поэтому он приехал в Нью-Йорк, а я сделала вид, что все хорошо, и 23 сентября 2010 года, за день до нашей годовщины, мы провели презентацию. Помню, Эштон отметил, что на сегодняшний день насчитывается больше рабов, чем в любой другой период истории человечества, после чего в подробностях объяснил наши усилия, направленные на то, чтобы люди не использовали Twitter и другие интернет-платформы в качестве торговых площадок для продажи людей. Я рассказывала о кампании «Настоящие мужчины не покупают девочек» – она была направлена на изменение культуры, которая позволяет мужчинам спокойно платить за секс с несовершеннолетней девушкой.

– Каждый пятый мужчина занимался секс-торговлей, – объявила я залу, полному важных людей. Я стояла рядом с мужем, с которым мы поженились пять лет назад и который на днях изменил мне с девушкой возраста моей старшей дочери. – Настоящие мужчины защищают, уважают, любят и заботятся о девушках.

Но я не чувствовала, чтобы меня защищали, уважали, любили или заботились обо мне.

Вместе с Эштоном приехала Румер. К тому времени она стала актрисой и жила отдельно. Мы планировали встретиться задолго до того, как все это произошло, поэтому втроем отправились в Провиденс, штат Род-Айленд, навестить Скаут, которая недавно поступила в Брауновский университет. В глубине души я знала, что мы не должны лгать им, и теоретически я не лгала, но позволила им верить, что все сплетни, которые они читали в

прессе, были необоснованными. Мне хотелось защитить их, но теперь я понимаю, что это была огромная ошибка. Я обманула их, лишив возможности пережить эту ситуацию со мной как семья. Они заслуживали знать правду.

Мы с Эштоном решили вернуться в Лос-Анджелес, чтобы побыть вдвоем. Меня охватило странное чувство вины, я не могла избавиться от мысли, что измена произошла из-за меня. По словам Эштона, привлечение в наши отношения третьего человека размыло границы дозволенного, и это оправдывало то, что он сделал. Наверное, он чувствовал угрызения совести, но в то же время искал способ отвести вину, чтобы сохранить в своих глазах представление о себе как о примерном семьянине.

Эштон не пытался искупить свою вину, проявляя заботу и ласку. Оглядываясь назад, я думаю, что таким способом он хотел расторгнуть наш брак. Он просто не знал, как сделать это искренне и честно, или, может быть, сам еще находился в смятении. Я уверена, что одна его часть ценила то, что у нас было, а другая хотела как можно скорее закрыть эту главу его жизни и начать новую. Нельзя обвинять кого-то в отсутствии определенного уровня осознанности, необходимого для сострадания. Это было лучшее, что он мог сделать. Каждое его действие говорило: «Пожалуйста, не люби меня». Но, к несчастью для нас обоих, я любила его.

Таллуле, моей единственной дочери, которая все еще жила с нами, только что исполнилось семнадцать, и она переживала соответствующий период подросткового бунта. Однажды весной 2011 года она сказала мне, что собирается провести вечер с друзьями, чтобы готовиться к вступительным экзаменам в колледж, поэтому я воспользовалась случаем и пошла в кино. На середине сеанса начал звонить мой телефон – это была мама одной из девушек. Полиция задержала Таллулу и несколько ее друзей за употребление алкоголя. Они входили в дом подруги с бутылкой воды, полной на самом деле водки, в этом районе уже был комендантский час, и своим поведением они привлекли внимание полиции. Мне нужно было поехать и забрать ее из полицейского участка в Голливуде.

Когда я добралась туда, то прямиком направилась к дежурному офицеру и сказала:

– Послушайте, я знаю, что ситуация ненормальная, но это первое нарушение. Не могли бы вы отпустить их с предупреждением? Мы позаботимся, чтобы это больше никогда не повторилось.

Его ответ был таким:

– Эта информация исчезнет из ее досье, когда ваша дочь

достигнет совершеннолетия.

Но это никогда не исчезнет из ее «досье» в глазах общественности, как у ее подруг. Она навсегда останется с этим инцидентом. Потенциальные работодатели узнают о нем, как только захотят заглянуть в интернет. Я много лет повторяла одно и то же своим девочкам: не важно, с кем ты и каковы обстоятельства, в прессе это все равно будет звучать так: «Таллула Уиллис арестована». Из-за профессии родителей мои дочери всегда будут подвергаться гораздо более строгому контролю, чем их друзья; любая ошибка будет появляться в новостях. Как я и предполагала, инцидент с выпивкой осветили в TMZ[80], уже на следующий день.

Я не обняла Таллулу, когда впервые увидела ее в полицейском участке, а возможно, должна была. Она солгала мне, и я расстроилась. Но в тот момент могла думать только о том, чтобы уговорить копов не распространяться по этому поводу. Я пыталась защитить ее, но Таллула поняла это так, будто я старалась не запятнать свою репутацию.

Подростки делают глупости. Но я понимала, что то, как мы справимся с произошедшим, повлияет на ее отношение к наркотикам и алкоголю в будущем. Я была немного строга с ней. Брюса не было в те выходные, Эштона тоже. Я была единственным близким ей человеком, но через два дня мне нужно было ехать на благотворительный вечер в Нью-Йорк.

Оглядываясь назад, я понимаю, что не должна была уезжать. Мне следовало остаться дома и разобраться в том, что произошло с Таллулой. Но я уехала, а она осталась с Эммой – девушкой, которая вышла замуж за Брюса пару лет назад. Когда я вернулась домой, то обнаружила, что Таллула не собирается возвращаться обратно и тем более разговаривать со мной.

Будучи подростком, она нарушала установленные границы и бросала вызов правилам, чтобы понять, как долго это может сходить ей с рук. Это нормально. Но что было совершенно ненормально – так это то, что произошло дальше: вся семья встала на ее сторону. Внезапно Скаут тоже не захотела со мной разговаривать, поскольку ей каким-то таинственным образом тоже «потребовалось пространство». Брюс категорически отказался обсуждать со мной сложившуюся ситуацию и то, как лучше решить проблему Таллулы. Они обращались со мной так, будто это я была арестована в Голливуде! Это было непостижимо.

Конечно, у каждого были свои причины. Скаут пыталась освободиться, вырасти, начать новую жизнь в колледже, и я думаю, это была замечательная возможность заявить о своей независимости. Брюс начал новую жизнь с Эммой, и ему было не

до того. Таллула злилась на то, что ей указывали, что делать. Она была просто ребенком, но ее мнение стало всеобщим: только я была виновата в быстро «раздвигающимся разломе».

Думаю, что частично девочки злились на меня из-за того, что я сильно зависела от Эштона. Да, эти слова очень хорошо определяют наши отношения в то время. И я делала все то, что делают зависимые. Я ставила свою зависимость превыше своих потребностей и потребностей моей семьи, придумывала странные, неубедительные оправдания своему поведению и поведению Эштона. Я поддерживала всю семью, была опорой, и эта опора рушилась.

То, что две мои дочери не разговаривали со мной, было чем-то новым, беспрецедентным и ужасным. Это ставило под угрозу единственную роль, которой я по-настоящему гордилась, – роль матери. И к тому же я очень скучала по своим детям. Эштон злился, поскольку считал, что его отношения с девочками испортились из-за меня. Но казалось, что он изо всех сил старался меня поддержать. Тем летом он прислал мне прекрасное электронное письмо, которое много для меня значило. Он признался, что чувствует себя самым счастливым человеком на свете и что когда бог создал меня – он создал для него безопасность.

Инцидент Эштона с той девушкой был главным тревожным сигналом. В последний год я пыталась исправить наши отношения, старалась устранить любые недоразумения. Я не пила алкоголь больше десяти месяцев и сосредоточилась на своих собственных проектах: продюсировала телешоу, снялась в замечательном фильме «Предел риска», который должен был выйти осенью, и как раз мой дебют в качестве телевизионного режиссера был запланирован на тот же месяц. У Эштона тем временем начались съемки нового комедийного телесериала «Два с половиной человека», который несколько облегчил его финансовые проблемы после краха 2008 года. (Начиная с 9-го сезона он заменял Чарли Шина и играл главную роль с Джоном Крайером. Надо же, как тесен мир.) Я верила, что мы оба работаем над нашими отношениями, чтобы сохранить то, что у нас было.

Я все еще отчаянно хотела иметь от него ребенка. И в конце концов у меня не осталось выбора, кроме как принять вариант, который раньше казался мне немыслимым, – использовать донорскую яйцеклетку. Я начала просматривать списки агентства в поисках подходящей кандидатуры, а в процессе делилась многообещающими перспективами с Эштоном и выслушивала его мнение. Мы были в Айдахо – отмечали День независимости США,

когда я нашла идеального донора для нас. Я показала Эштону ее фотографию, и он согласился осуществить задуманное.

Это было во вторник. В четверг мы начали заполнять все бумаги. А в воскресенье, когда гуляли у реки, Эштон сказал мне:

– Я не уверен, что способен пойти на такой шаг, тем более нет гарантии, что это сработает.

У меня было такое чувство, будто меня окатили холодной водой. Я спросила Эштона, почему он позволил мне тратить время на поиски донора, пройти через этот долгий и болезненный процесс и чувствовать себя такой уязвимой, если он не был уверен. Его ответ был прост:

– Я никогда не думал, что ты пойдешь на это.

На следующий день я поехала в Нью-Йорк на работу – снимать серию интервью для шоу «Разговор», которое вела моя хорошая подруга Аманда де Кадене. Я лично пригласила Леди Гагу, Алишу Киз[81] и Донну Каран[82], поэтому мое присутствие было обязательным. Я была подавлена и ждала, что Эштон свяжется со мной и попытается все исправить.

Через неделю я улетела обратно в Лос-Анджелес; мы до сих пор не разговаривали. Когда я вошла в дом, то обнаружила переполненную людьми комнату – в этот день проходили наши еженедельные занятия по каббале. Я посмотрела на Эштона, и меня начал бить озноб. Его глаза были мертвыми. Более холодного и бесчувственного человека я не встречала – в нем не осталось ничего от того парня, в которого я влюбилась много лет назад. И уж тем более этот ледяной взгляд не мог принадлежать мужчине, который меня любит.

В тот вечер он сказал:

– Я думаю, мне нужно съехать.

– Стоп, стоп, стоп! – это все, что я могла тогда выдавить из себя. – Мы женаты, и это так не работает. В какой именно момент мы перешли от попыток решить наши проблемы к «я съезжаю»?

Было видно, что он чего-то недоговаривает. У меня было плохое предчувствие.

– Нам нужно пойти и поговорить с кем-нибудь, – настаивала я.

И мы это сделали, вот только ничего не помогло. Он действительно не хотел работать над нашими отношениями. Он не хотел заниматься сексом со мной, да чего уж там – даже прикасаться ко мне не хотел. Он уже принял решение. Для меня наш брак все еще много значил, но только для меня. Я пыталась понять человека, который две недели назад прислал мне электронное письмо, где говорилось, что он самый счастливый на свете. Мне хотелось понять происходящее. Я бы отпустила его,

если бы так было лучше. Но как понять – лучше это или нет? Его поведение сбивало меня с толку. Я попросила его не переезжать и предложила вместе попытаться разобраться в наших проблемах. Мы договорились, что это останется между нами и что мы ни с кем не будем встречаться, пока не разбе- ремся.

Это было в нашу шестую годовщину. В те же выходные Дэнни Мастерсон[83] организовал мальчишник. Эштон сказал, что не хочет пропустить его ни за что на свете, и уже вечером отправился в Сан-Диего. Он уехал, а вернувшись на следующий день, сказал, что прекрасно провел время. Чтобы отпраздновать нашу годовщину, он отвез меня на место нашего первого свидания, тот участок, который он купил и с которым были связаны его мечты. Наше общение было натянутым, и я просто нутром чувствовала, что он чего-то недоговаривает. Это сводило меня с ума.

На следующий день я должна была лететь обратно в Нью-Йорк, чтобы провести пресс-конференцию и представить проект, которым я очень гордилась. Это был мини-сериал для Lifetime[84] под названием «Пять» – он состоял из пяти короткометражных фильмов, рассказывающих о раке молочной железы. Пять историй, которые произошли в разное время и в разных местах, а режиссерами выступили пять разных женщин. Я была одной из них. Действие моей истории происходило в начале шестидесятых – в то время, когда люди даже не осмеливались произносить слово «грудь» публично, поэтому население не осознавало проблему. Одна из главный целей картины заключалась в том, чтобы привлечь внимание маленьких девочек к этому опыту и попытаться доступно рассказать им об этом. В первый день съемок Эштон прислал мне в студию прекрасный букет нежно-голубых цветов с открыткой: «Я верю в тебя». И я не могла перестать думать об этих цветах во время полета в Нью-Йорк.

Я находилась в отеле «Кросби», делала себе прическу и макияж к премьере сериала, как вдруг мне на телефон пришла рассылка от Google – на экране мелькнул заголовок «Эштон Кутчер пойман на измене». Поначалу я решила, что одна из бульварных газет напоминает о прошлогоднем случае. Но как только нажала на ссылку, то поняла, что новость – свежая. Согласно статье это произошло в выходные – на нашу годовщину, как раз в ту ночь, когда он поехал в Сан-Диего праздновать мальчишник. Молодая блондинка делилась впечатлениями и упоминала фразы, которые использует Эштон, когда флиртует. У меня свело живот. Я прекрасно знала эти фразы, а значит, девушка не лгала. «Ты не женат?» – спросила она Эштона, на что тот ответил, что расстался. Они провели ночь вместе, а затем он

поехал в Лос-Анджелес, чтобы вместе с женой отпраздновать годовщину свадьбы.

– Ты что, черт возьми, издеваешься надо мной? – первое, что вырвалось у меня, когда он снял трубку.

Под этим я имела в виду следующее: каким же надо быть тупым, неужели ты хотел, чтобы тебя поймали? (По правде говоря, да, подсознательно он хотел, чтобы его поймали.) Ты не подумал обо мне? Тебе действительно нужно было снова поставить меня в такую ситуацию? Не мог, по крайней мере, удосужиться изменить мне тайно – разбить мое сердце, но не унижать публично?

Он сразу же признался в содеянном. Я понимала, что мне нужно повесить трубку, пройти по красной дорожке и все время молиться, чтобы эта информация пока никуда не проскочила. В противном случае репортеры приставали бы ко мне с микрофоном, чтобы спросить, как я себя чувствую после того, как мой муж, с которым я прожила шесть лет, трахнул двадцатиоднолетнюю девушку. Каково мне сознавать, что они наслаждались в джакузи в те же выходные, когда была наша годовщина. Я думала, что, если это произойдет, меня вырвет прямо на ковровую дорожку.

Через неделю после моего сорок девятого дня рождения, 11.11.11, Эштон собрал вещи и ушел. Заявление, которое я опубликовала через своего пиарщика, было кратким, но прекрасно описывало мое состояние:

«С большой грустью и тяжелым сердцем я решила положить конец моему браку с Эштоном, который длился шесть лет. Как женщина, мать и жена я считаю, что некоторые ценности и обеты священны, и с такими мыслями продолжаю жить дальше».

Глава 22

Я не могла есть, похудела до девяноста шести фунтов[85], в результате стала похожа на скелет. У меня начались ужасные головные боли, тело ломило, а сердце было разбито. Я чувствовала, что сдаюсь.

Но меня не покидала мысль: *как я дошла до такого?*

На Рождество со мной перестала общаться Румер. Я плохо поступила и была не в лучшей форме. С нами был ее друг, и я вела себя слишком кокетливо – в том смысле, в каком иногда может вести себя женщина, когда ищет признания своей значимости.

Я начала злоупотреблять лекарствами от мигрени – ничего серьезного, но голова часто раскалывалась, и я пыталась таким образом избавиться от боли.

Я нашла способ.

На той вечеринке в моей гостиной в январе 2012 года я сделала не больше, чем другие присутствующие – Румер, некоторые ее и мои друзья. Да, я вдохнула немного закиси азота, выкурила спайса, который чем-то похож на марихуану, но это не значит, что я начала сходить с ума от передозировки. Просто у меня была странная реакция – припадок, который, по-видимому, не такое уж редкое явление при употреблении закиси, или гемиоксида, азота, самостоятельно сделанного вида «веселящего газа», который обычно используют дантисты.

Но, с другой стороны, если бы я была в здравом уме, то стала бы вообще принимать наркотики вместе со своим ребенком? Конечно, нет. Я ужасно напугала Румер, когда она увидела меня на полу в бессознательном состоянии, – она подумала, что я умру прямо у нее на глазах. Румер была совершенно ошеломлена и после той ночи присоединилась к своим младшим сестрам, отказываясь разговаривать со мной.

Безусловно, это было худшее, что могло со мной произойти. Хуже, чем то, что мои друзья позвонили в 911, прежде чем я смогла закричать: «Нет!» Хуже всех заголовков, которыми пестрили бульварные газеты: «Деми Мур госпитализирована!» Хуже, чем осознание того, что Эштон узнает эту историю. Хуже, чем мое разбитое сердце. Материнство было единственной сферой в моей жизни, в «успешности» которой я была по-настоящему уверена, – но как я могла быть успешной, если ни одна из моих дочерей не разговаривала со мной?

Как я дошла до такого?

У меня было чувство, что моя семья обвиняет меня во всех

несчастьях. Я злилась, что мои дочери не проявляли ни капли сострадания и что Брюс отказывался вмешиваться. Мне было стыдно, что я поставила себя в такое положение. Они все настаивали, чтобы я пошла в реабилитационный центр, мысль о котором приводила меня в безумие. Как они себе это представляли? Чтобы я просто появилась в реабилитационном центре и сказала: «Меня зовут Деми, и я не пью, но на днях вдохнула немного закиси азота?» Я знала, что настоящая проблема заключалась не в наркотиках и не в алкоголе.

Я чувствовала себя такой потерянной, что, просыпаясь, каждое утро думала: *«Я не знаю, что, черт возьми, мне делать, как пережить этот день?»* Моя боль – и физическая, и эмоциональная – была настолько сильна, что я едва могла двигаться. Редко выходила из дома – разве что для того, чтобы выпустить собак. Мысль о том, что я больше не нужна своей семье, была невыносима. В моей карьере не было никаких продвижений, а если бы и были – я чувствовала себя слишком измученной, чтобы работать. У меня не было другого выбора, кроме как просто быть с самой собой, и я ненавидела это.

И это жизнь? Потому что если так, то с меня хватит.

Я знала, что у меня есть выбор: я могла умереть в одиночестве, как мой отец, или прямо спросить себя, *как я дошла до такого*, а потом мужественно взглянуть правде в глаза.

КАК я дошла до такого?

Я дошла до такого, потому что моя бабушка всю жизнь терпела распутного мужа. Он был обаятельным, красивым и харизматичным, и она думала, что у нее нет другого выбора, кроме как смириться, ведь она вышла за него замуж. У нее не было ни образования, ни самостоятельного дохода, чтобы освободиться, поэтому она учила своих дочерей делать то же самое.

Я дошла до такого, потому что у меня была мать, которая вышла замуж за любовь всей ее жизни, но затем жила с ним в состоянии «от любви до ненависти – один шаг», пока он не закончил жизнь самоубийством. Она продолжала выбирать мужчин, которые все больше и больше оскорбляли ее, и она не знала покоя, пока не умерла.

Я дошла до такого, потому что была орудием в руках моей мамы, которая хотела вернуть отца. Родители делали то, что и всегда, когда попадали в неприятности, – лгали. Придя в этот мир, я уже была окутана тайной – ребенок не от того мужчины. Я не могу вспомнить время, когда не беспокоилась: а это нормально, что я здесь? И это действительно было ненормально. Я была запутана. И потратила десятилетия, пытаясь оправдать

себя и полагая, что если буду достаточно усердно работать, то, возможно, смогу заслужить право быть там, где захочу.

Я дошла до такого, потому что ни один из моих родителей не был достаточно взрослым или здравомыслящим, чтобы заботиться обо мне и моем брате, ведь все дети имеют право на заботу. Они любили нас, но не были способны поставить наши потребности на первое место. Они не знали, как оберегать нас от опасностей, и вместо этого снова и снова подвергали нас им.

Я дошла до такого, потому что не могла вынести вопроса: «Каково это – быть шлюхой своей матери за пятьсот долларов?»

Я дошла до такого, потому что в ответ на острую нехватку защиты и постоянные переезды в детстве стала выносливой и легко адаптировалась. Я так много времени приспосабливалась к новым условиям, школам, людям, директорам, ожиданиям, что даже не задумывалась о каких-то изменениях, которые связаны только со мной, моей личной ситуацией или моими потребностями. Я никогда этому не училась. Думаю, что жила в состоянии вечного недоверия, не знала, как вписаться в этот мир и чувствовать себя в нем комфортно. Именно поэтому я редко жила по-настоящему, полной жизнью.

Я дошла до такого, потому что так старалась быть непохожей на свою мать, и заботилась о других больше, чем о себе. Я старалась быть матерью, в которой нуждались мои дочери, старалась быть женой Брюса, а затем Эштона. Но что мне было нужно? Чего я хотела? Только я должна была понять мои потребности, желания и выразить их вслух. И только я могла убедить себя, что заслужила это.

Я дошла до такого, потому что, когда встретила мужчину своей мечты, старалась быть всегда рядом, и в итоге это стало моей зависимостью. Эштон, похоже, был ответом на мои молитвы. Когда мы встретились, у меня был опыт в отношениях, и я была готова быть преданной. Эштон же все еще пытался разобраться в себе, понять, кто он на самом деле. На заре отношений, я не принимала во внимание (а кто бы принимал?), что возможно то, что было волшебным для меня, не было таким же волшебным для него. Я чувствовала связь, общность. Он впервые сошел с частного самолета и вошел в мой дом, в мою семью, которую я уже создала. У меня была завидная карьера в той области, которую он только начинал покорять. Мне было сорок лет, у меня за плечами была долгая жизнь с известным бывшим мужем и тремя детьми, а взрослая жизнь Эштона – как личная, так и профессиональная – только начиналась. Но я не видела всего этого, потому что была полностью поглощена им. Я чувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, которая надеется

кому-то понравиться. И если бы в детстве я росла с чувством защищенности и получила нормальное воспитание, я бы пережила все эти эмоции, когда мне на самом деле было пятнадцать.

Я дошла до такого, потому что выбирала мужчин с такими же качествами, как у моего отца и деда, и я выворачивалась наизнанку, чтобы угодить им.

Я дошла до такого, потому что никогда не знала, как справиться с отказами и презрением, с которыми сталкивалась на протяжении всей своей карьеры. Я страшно боялась, что если буду обращать внимание на критику, то она разрушит меня. Этот негатив подпитывал во мне глубинное чувство, что когда-нибудь, так или иначе, на какой-нибудь встрече все скажут: «Что, черт возьми, она здесь делает? Она не должна быть здесь. Она недостаточно хороша. Она алчная. Уведите ее отсюда. Уведите ее».

Я дошла до такого, потому что с самого первого дня задавалась вопросом: «*Это нормально, что я здесь?*»

И наконец, пришло время ответить себе: да.

Я прошла лечение. Причиной послужили травмы, над которыми я никогда не задумывалась, и возникшая со временем созависимость. То, что произошло в гостиной, было симптомом, а не болезнью. Мое физическое здоровье ухудшалось – это было единственное, что у меня оставалось, и, когда оно начало уходить, у меня не было выбора, кроме как впервые научиться переваривать свой опыт. Я работала бок о бок с врачом, который помог мне вспомнить все главы моей жизни, одну за другой, чтобы я могла принять все, что произошло.

Мои дочери поставили мне ультиматум: «Мы не будем разговаривать с тобой, пока ты не пройдешь курс реабилитации». Я так и сделала, но они все равно не выходили на связь. Я сказала им, как важно, чтобы они посетили семейную неделю в рамках курса, – не только для меня, но и для всех нас. Но они отказались.

После окончания курса лечения я неоднократно пыталась связаться с ними. Предлагала им встретиться там, где им было бы удобно, вместе с психотерапевтом – что угодно. Но они либо отвергали меня, либо игнорировали. Я не могла понять, что же такое ужасное я сделала, в результате чего они просто вычеркнули меня из своей жизни, даже не разобравшись в ситуации. В конце концов я перестала пытаться и отпустила их. Если разорвать отношения со мной – лучшее для моих девочек, тогда я приму это, как бы мне ни было больно. Я должна была верить, что работа над собой – это самое полезное, что я могла сделать для них. Нам потребовалось три года, чтобы снова начать

общаться.

Тот факт, что на протяжении столь длительного периода я не могла видеться с моими детьми, сводил меня с ума и причинял боль. Но все же эти годы, проведенные наедине с собой, были невероятно вдохновляющими. Я получила возможность узнать, что такое жить просто для себя. Без исполнения роли матери или дочери. Жены или подруги. Секс-символа или актрисы. Знаю, кажется, это так естественно – жить ради себя, но у меня никогда не было такого опыта, и даже в день, когда я родилась, я не была самой собой.

Я не дождалась поздравления по телефону на Рождество, в день моего пятидесятилетия и в День матери. Никаких электронных писем. Ничего. И когда мне больше нечего было терять, я наконец-то смогла выдохнуть и освободиться от своих оков. Я не думаю, что мой инстинкт заботы позволил бы мне исцелиться, если бы рядом была семья. Может быть, чтобы прийти к этому, мне нужно было побыть одной, и мои девочки неосознанно дали мне такую возможность. Я должна была сосредоточиться на заботе о себе – получить помощь в коррекции аутоиммунных расстройств, которые оказались более серьезными, чем я представляла. Я прошла психологическое лечение, чтобы преодолеть травмы, которые похоронила глубоко в своем сердце, где они начинали гнить.

Один из наших коллективных страхов – одиночество. Осознание того, что я могу быть только с собой, было для меня настоящим подарком судьбы, который я сама себе создала. Возможно, проводить время в одиночестве было не совсем то, чего я хотела, но я была в порядке. Я не испугалась. Мне не нужно было спешить, чтобы заполнить пространство. Изоляция была одним из аспектов, направленных на мое исцеление, – и именно благодаря ей я начала экспериментировать со взглядом на вещи в целом. Что, если бы все случилось не со мной, а для меня? Я вспомнила, что главное – как мы оцениваем наши переживания.

Я уже знала это раньше. Когда моя мать умирала, я нашла способ, чтобы изменить подход к нашим отношениям. Я провела годы, глядя на нее с гневом и тоской и задаваясь вопросом: *«Почему ты не любила меня так сильно, чтобы стать лучше?»* Мне удалось перейти к состраданию, и этот переход освободил меня. Принятие ответственности за собственную реакцию – это путь к свободе.

Конечно, я научилась этому с мамой. Но это не означало, что применить урок снова будет легко. Некоторые вещи кажутся слишком болезненными, чтобы их сразу переосмыслить.

Например, если я реально посмотрю на свою проблему с невозможностью забеременеть, то вопрос: могу я или не могу это сделать – не имеет значения, главное – что я вынесла себе обвинительный приговор, и это было разрушительно. Если как женщина я считаю себя неудачницей, то, конечно, это разрушит меня. А что если я посмотрю на это по-другому? Что если это к лучшему – не быть привязанной к Эштону с ребенком? Когда я таким образом переосмыслила ситуацию, то смогла спокойно ее принять.

Но это не значит, что теперь я – святая Деми и не ощущаю боли. Это просто означает, что я наконец-то могу признать, что у меня есть слабости и потребности и что просить о помощи – нормально. Я не могу исправить все. Я могу чувствовать горе, неуверенность в себе, боль – и знаю, что это всего лишь чувства, и, как все остальное в этой жизни, они пройдут.

Разве нет более легкого способа познать все это? Неужели я не могла прийти к этому пониманию без ухода Эштона, без детей, которые не разговаривали со мной, без ухудшения здоровья? Очевидно, нет. Для большинства людей любой из этих бед было бы достаточно, чтобы остановиться и сказать: «Мне нужно разобраться в себе». Тем не менее я должна была достичь дна: потерять мужа, ребенка, фертильность, моих дочерей, дружбу с их отцом и карьеру, за которой можно было бы спрятаться. Слава богу, я не дошла до того, чтобы потерять свой дом.

Вещи, которые случаются с нами в жизни, не случайны – они происходят, чтобы привлечь наше внимание, разбудить нас. Какой же смысл заключается в том, что я почти все потеряла, потом погрузилась в страдания и в конечном счете заново создала себя? Я думаю, в основе всего происходящего лежала моя невероятная выносливость, стойкость, которая почти разрушила меня. Однако в какой-то момент я добралась до места, откуда уже просто не могла двигаться дальше. Могла лишь согнуться либо сломаться.

Я дошла до такого, потому что мне нужно было все это пройти, чтобы стать самой собой. Всю жизнь я была очень строга к себе. Была убеждена, что ничего не стою, не заслуживаю чего-то хорошего – любящего партнера, учета моих интересов или съемки в крутом фильме с актерами, которых я уважаю и которыми восхищаюсь. Прошлое говорило мне, что я ничего недостойна и репутация моя запятнана, и я верила в это. Но это было неправдой.

Есть две причины, по которым я захотела рассказать вам эту историю – историю о том, как я научилась признавать свое поражение. Во-первых, потому, что она моя. И принадлежит

только мне, а не желтой прессе, не моей матери или мужчинам, за которых я выходила замуж, не зрителям, которые любят или ненавидят мои фильмы, и даже не моим дочерям. Моя история принадлежит только мне. Я единственная, кто пережил это от начала и до конца, и я решила набраться смелости, чтобы рассказать ее от первого лица.

Во-вторых, несмотря на то, что она моя, возможно, часть этой истории и ваша тоже. Мне невероятно везло на протяжении всей жизни – и на плохое, и на хорошее. Изложение всего моего опыта в письменной форме помогает осознать, какой безумной и невероятной может показаться моя жизнь. Мы все страдаем, и мы все торжествуем, и только нам решать, как удержать баланс между тем и другим.

Эпилог

Пауло Коэльо был прав: Вселенная даст вам все, что вы захотите, но не всегда так, как вы этого ожидаете.

Рождество – мой любимый праздник, который занимает особое место в моем сердце. В это время во мне просыпается ребенок: хочется играть, создавать вокруг себя волшебство и радоваться обмену подарками. Я знаю, что в детстве мама всегда хотела сделать Рождество особенным для нас с Морганом праздником. И несмотря на то, что в силу финансовых проблем Джинни не всегда удавалось устраивать нам торжество, одной традиции мы придерживались всегда, и я сохранила ее. Смысл традиции заключается в том, что каждый может открыть один подарок в канун Рождества. Я всегда стараюсь дарить всем одинаковые забавные пижамы. (В этом году это были пушистые комбинезоны в виде оленей.) Мне кажется, я могу продолжить традицию, которую начала, но так и не смогла закончить Джинни.

Когда мои дочери решили оборвать со мной все контакты, я впервые почувствовала, что испытала Джинни, когда я вычеркнула ее из своей жизни. Как можно было ожидать сочувствия со стороны моих дочерей, если я сама в течение восьми лет не почувствовала ни капли сострадания к своей матери? То, что я полностью наладила отношения с Джинни, позволило мне найти путь к сердцу Румер, Скаут и Таллулы. Сейчас мы общаемся намного больше и искреннее, чем я когда-либо могла себе представить, а все потому, что вместе смогли оставить в стороне все предрассудки и заблуждения, которые нас терзали. Мне всегда хотелось, чтобы мои дети, став взрослыми, проводили бы со мной время не из чувства долга, а потому, что я им действительно нужна. Как раз этой зимой мои дети приехали ко мне в Айдахо.

И в результате у нас появилась настоящая разношерстная компания. Мое пушистое семейство состоит из восьми собак и кошки, плюс Румер привезла ко мне в дом свою кошку и двух своих собак, Скаут и Таллула привезли по собаке, не остался в стороне и мой друг Эрик Бутербо – тоже привез пса. Эрика можно назвать моим гей-мужем – знаю, звучит это далеко не романтично, но у нас очень теплые отношения. Я рада, что в моей жизни появился такой человек, как Эрик. Он всегда может прийти в трудную минуту ко мне и моим детям, к тому же разделяет мою страсть к одежде и дизайну. Никому я не могу доверить сервировку стола так, как ему. У меня есть коллекция сувенирных

тарелок из разных штатов, вместе они вообще не сочетаются, но Эрик каким-то образом всегда находит оригинальные способы их облагородить. Например, в это Рождество он украсил тарелки своими фирменными «изогнутыми» розами, которые скрупулезно распускал вручную – лепесток за лепестком.

Сара Джейн, Шери-О и Хантер тоже были на празднике. Также приехала моя подруга Маша – еще одна мать-одиночка, как Шери и я, которая привезла с собой двухлетнюю дочь Руми – одну из самых важных малышек в моей жизни.

Маша – сербка, родом из бывшей оккупированной коммунистами страны, поэтому видеть большое количество подарков под елкой ей непривычно. Она решила подарить нам нечто действительно прекрасное – картины, которые заказала у художника для каждого из нас. Они были нарисованы в соответствии с тем, как нас видела Маша. Моя картинка изображает королеву, и подтекст заключается в том, что я могу позволить себе носить корону.

Хейли – это моя крепость, место, где я растила своих дочерей. Добраться сюда было тяжело, но, несмотря на это, я бы ни за что не выбрала более легкий путь. Мы все пошли в разных направлениях, но в конечном итоге оказались в одном и том же месте. После всего пережитого мы больше не принимаем наши отношения как данность. Брюс вернулся в мою жизнь как бесценный друг и любимый член семьи. У моих дочерей появились две младшие сестры – Мейбл и Эвелин, дети Эммы и Брюса, а значит, наша семья продолжает расти. Я так благодарна, что мы все есть друг у друга.

Хотите верьте, хотите нет, но я также благодарна Эштону. Вся эта боль позволила нам стать теми, кем мы являемся сегодня. Мы продолжаем сотрудничать с нашим фондом «Торн», и я очень горжусь проделанной работой.

В Хейли зимой иногда кажется, что ты находишься не дома, а внутри снежного сугроба. Панорамные окна в задней части дома открывают вид на деревья и реку на фоне заснеженных гор. Большие хлопья падают быстро и мгновенно застилают пейзаж белым покрывалом, после чего все кажется совсем другим – по-новому красивым и спокойным.

Все разбежались праздновать Новый год, и я осталась наедине с собой. В ту ночь на небе стояла полная луна, и, созерцая ее, я почувствовала себя человеком с полным осознанием своего существования. Мне не нужны вечеринки, не нужны романтические свидания. Все необходимое у меня уже есть.

Я там, где должна быть, – здесь, с собой, в этом доме, на этой

планете.

Сейчас мне больше пятидесяти лет. Получается, я живу дольше своих родителей.

Знаю, что повидала многое на своем пути. Особенно если учесть, откуда я родом. И правда состоит в том, что единственный способ познать истину – это заглянуть внутрь себя.

Благодарности

Ариэль Леви

У меня нет слов, чтобы описать мою благодарность вам за помощь в создании этой книги. С самого начала вы видели все кусочки моей головоломки и с большим мастерством показали мне, как переплетать их, чтобы в конечном итоге создать настоящее произведение искусства. Ваш энтузиазм позволил мне найти радость, а необыкновенная проницательность и непосредственная простота помогли побороть неуверенность и оставить все страхи позади. Ваши понимание и милосердие открыли мне путь к истине. СПАСИБО ВАМ. Вы невероятный человек с доброй душой, и я благодарю Вселенную за то, что она свела наши пути вместе.

Дженнифер Барт

Это было наше долгое путешествие – длиною в девять лет, которое имело взлеты, падения и в конечном итоге успешное завершение. Все это время вы стояли рядом со мной, принимали во внимание важность моих обстоятельств, даже любезно предлагали перестать писать, если это необходимо, ставили меня и мое благополучие выше книги. Я так благодарна, что в тот день попала в ваш кабинет. Вы – великолепный редактор, умный, квалифицированный, всесторонне образованный. Я восхищаюсь вашей человечностью и вашим пониманием – как женщины, матери, сестры, дочери. Вы с неутомимостью показывали мне это во время тех бесчисленных часов, которые мы провели вместе в период работы над книгой. За это я вам очень благодарна. Спасибо.

Люку Джанклоу

Вы – воплощение простоты и изящества. Эта книга никогда бы не была написана без вас. С самого начала вы верили в меня и мою историю, даже когда я сама в нее не верила. В самый сложный период моей жизни я думала, что больше никогда не переступлю порог вашего кабинета, но вы ждали меня, держа дверь открытой. Вы прошли весь этот процесс со мной рука об руку, зная, когда ускорить темп, а когда замедлить, и, возможно, самым большим подарком, который вы для меня сделали, было успокоение, что вы всегда рядом, если я буду в вас нуждаться. Вы находили выход из трудных ситуаций и вселяли в меня оптимизм в самых сложных моментах жизни. Для вас не существовало неразрешимых проблем, поэтому все трудное на моем пути становилось легким, достижимым и даже забавным. Спасибо за весь проделанный вместе путь. Надеюсь, вы мною гордитесь.

Клэр Диппел

Мы все знаем, что Люк не был бы Люком без тебя. Спасибо за радостную улыбку каждый раз, когда мы входили в конференц-зал, и особенно за то, что ты пополняла запас Red Bull, который мне нужно было иметь под рукой!

Хантеру Рэйнкингу

С чего мне начать? С самого первого дня, а с тех пор прошло двадцать пять лет, ты делал все, что в твоих силах: был рядом со мной во время многочисленных съемок, поддерживал в двух разводах и сидел по ночам, ухаживая за моей матерью в ее последние дни. Моя благодарность тебе исходит из самой глубины души, и она настолько большая, что я не могла бы выразить ее словами. Я сбилась со счета, сколько раз ты с твоим юмором, любовью, хорошей долей дружеского сарказма и большим трудолюбием был рядом в самые поздние ночи и долгие дни. Я люблю и обожаю тебя, и клянусь, не знаю, что бы делала без тебя в своей жизни.

Ленни Эрнандесу

Вы, возможно, самый милый и добрый человек, которого я когда-либо встречала. Для вас нет непосильной задачи: не важно, какое задание я положу на стол, – вы примете его с улыбкой, радостью и энтузиазмом, а в ответ отплатите благодарностью. Вы – воплощение доброты, и это проявляется во всем, что вы делаете. Мое восхищение! Если бы завтра я узнала, что на самом деле вы – ангел, святой, бодхисатва, который живет среди нас, то я бы даже не удивилась. Я счастлива, что вы появились в моей жизни. Вы всегда помогали мне, и я не могу быть более благодарной за это.

Андреа Диас

Я знаю, откуда Ленни получает столько добра, – от такого ангела, как ты! Благодаря твоей любви все вокруг меня не рухнуло и до сих пор продолжает существовать: мой дом, мои собаки, моя жизнь. Я люблю, уважаю и восхищаюсь тобой. Честно, я бы пропала без тебя так же, как и мои питомцы: Литтл Мэн, Диего, Минки, Нибби, Харлоу, Мэрпл и Сусси Туниа!

Джейсону, Меррит и остальным ребятам

Спасибо вам за то, что открыли двери своего дома, сердца, семьи, а также окружили своей любовью и поддержкой. Ваша гостевая комната навсегда останется моей, и если вы ищете ключ, он все еще у меня!

Гленде Бейли, моему дорогому Скорпиону

Вы – мой учитель, мой друг и одна из самых замечательных людей, с которыми я когда-либо встречалась. Ваше великодушие и доброта сравнимы только с глубиной вашей любви и добросовестности. Спасибо за то, что видите меня, что

поддерживаете и верите в меня. Я так благодарна вам! Вы заставляете мое сердце петь от радости.

Моей команде – Мередит и Кэрри

Спасибо за помощь в освещении всего этого.

Кевину Хьювейну

Спасибо за то, что появился в моей жизни, любил меня и вообще был моим рыцарем. Я люблю тебя!

Доктору Хабибу Садеги

Вы встретили маленькую птичку со сломанными крыльями, которая вот-вот могла умереть, но показали ей, что она снова может летать, и, может быть, даже выше, чем когда-либо. Я бы не была сейчас здесь, не говоря уже о том, что я бы не написала эту книгу без вашей помощи. Вы открыли мне глаза, оживили мою душу и позволили моему сердцу снова петь. Я бесконечно благодарна вам за это.

Джону Кеньону

Ты был моим первым помощником, моим спасательным кругом истины и моим маяком здравомыслия, когда я выкарабкивалась из своей трагедии. Моя глубочайшая искренняя благодарность тебе за то, что ты подал мне руку помощи и никогда не отпускал.

Сату Хари

Ты был рядом, когда ничто не имело смысла и не поддавалось объяснению. И каждый раз непоколебимо, с заботой и добротой вводил мне по одной капельнице. Ты друг, учитель, ученик и мой товарищ по приключениям. Спасибо, что ты проделываешь этот путь со мной.

Кевину Даулингу

Твои исцеляющие руки и любящее сердце помогли мне больше, чем ты думаешь!

Тедж Хальсе

Приход в ваш класс и служение вам придали моей жизни смысл и цель, когда у меня их не было. Я благодарна вам за дыхание жизни, которое вы мне подарили.

Рону и Мэри Халник

Я надеюсь, что своими действиями, словами, поступками я покажу вам свою благодарность, продолжая ваше прекрасное учение таким образом, чтобы найти истинную себя. Вы помогли стольким людям, и я бесконечно благодарна, что теперь являюсь одной из них. Спасибо!

Моргану, моему двухметровому младшему брату

Мы, может, и не имеем утешения в виде матери и отца, но я благодарна за то, что мы есть друг у друга. Благодарю тебя за то, что ты проявил свою любовь и потратил время, чтобы отважиться

заглянуть в приятные, грустные и особо страшные части нашей жизни ради этой книги. Люблю тебя!

Тете Диане

Ты была рядом со мной, когда все отвернулись от меня. *Сказать* тебе спасибо – значит *не сказать ничего*. Ты – подарок судьбы, пример настоящей доброты, мы все должны стремиться быть такими же великодушными и самоотверженными, как ты! Спасибо, что отвечала на каждый звонок, отыскивала детали, заполняла пробелы в знаниях и присылала старые фотографии. Я люблю тебя.

Дяде Джорджу

Нам с Морганом повезло, что ты появился в нашей жизни. Для нас ты был гораздо больше, чем дядя, – ты был братом, который заботился о нас и стал настоящим отцом, когда не стало нашего. Твои знания добавили яркие оттенки к описанию моих родителей – никто другой не смог бы для меня этого сделать. Я так тебе благодарна.

Тете Билли и тете Чок

Спасибо вам за то, что восполнили пробелы любви, жизни и потерь, и за то, что находились рядом с моей мамой. Я люблю вас.

Моим швейным пчелкам – ГП, Дженни, Джен, Сара, Бриг, Даун

Я вас обожаю.

Лене Д.

Ты волшебная.

Пегги, Хизер, Гуйо, Мишель

Вы были рядом. Люблю вас!

Маше и моей любимой Руми Лу

Я никогда не устану благодарить Вселенную за то, что она привела вас в мою жизнь. За то, что позволила мне быть частью вашей жизни, свидетелем создания и роста этого невероятного маленького существа. Руми, я навсегда останусь твоей Ми, ты сможешь устраивать ночевки и играть со мной, когда захочешь. Я люблю вас!

Грете и Линде

Вы подняли, защищали меня и всегда были рядом, даже не предполагая, какой подарок дарите, особенно создавая радость и волшебство Рождества! Я всегда буду вам благодарна.

Эрику Б.

Ты – произведение искусства, лучший гей-муж и партнер на всю жизнь, о котором любая девушка может только мечтать. Я так благодарна за твое присутствие в моей жизни. Безумно люблю тебя!

Шери-О

Говорят, что человек понимает, кто его настоящие друзья, только когда все летит к чертям… Что ж, такое было, и ты помогла мне на сто процентов. Я одна из твоих самых больших поклонниц и очень рада, что вы с Си Джеем не только друзья, но и семья. Спасибо тебе за то, что искала фотографии, чтобы сделать эту историю более яркой.

Лоре Дэй

Есть всего лишь несколько человек, чьи советы я ценю больше, чем твои. Ты всегда была и будешь моей героиней. Ты присматриваешь за мной с материнской заботой и иногда защищаешь меня даже от самой себя. Мы – друзья, мы – семья, и, когда нужно, мы – матери, которых ни у кого из нас больше нет. Для меня большая честь быть частью твоего прекрасного магического круга. Ты готова свернуть горы ради тех, кого любишь, именно так и поступаешь. Спасибо, что веришь в меня и в эту книгу. Я люблю тебя!

Моим великолепным девочкам – Ру, Скаут и Лу

Мои любимые, мои ангелы, мои причины для всего. У меня перехватывает дыхание, когда я наблюдаю, как каждая из вас в своем возрасте по-своему растет и становится великолепной, смелой, величественной, умной, любящей, заботливой, сострадательной, красивой женщиной. Именно такими вы стали. Благодаря вашей любви и моральной поддержке я смогла создать эту книгу. Это моя история, и я осознаю, что, когда делилась здесь своим опытом, возможно, не показала полностью ваши переживания, вашу боль, страхи и успехи. Но этот мой опыт – для вас. Я так благодарна вам за то, что выбрали меня своей матерью. Это большая честь, благословение и величайший дар, который я когда-либо получала. Есть еще много историй, которые мы должны рассказать, уроков, которые предстоит усвоить, и чувств, которые нужно испытать. Мне не терпится продолжить наше приключение. Я люблю вас!

Иллюстрации

Бабушка Мари и дедуля Билл Кинг

Дэнни в детстве. Обратите внимание на его косой глаз

Мой отец Дэнни Гайнс, крайний слева, и его 8 братьев и сестер

Моя мама Джинни в подростковом возрасте

Фото Дэнни в старших классах из школьного альбома

Джинни и Дэнни на школьном балу

Свадьба Джинни и Чарли Хармона в 1962 г.

Фото Джинни в старших классах из школьного альбома

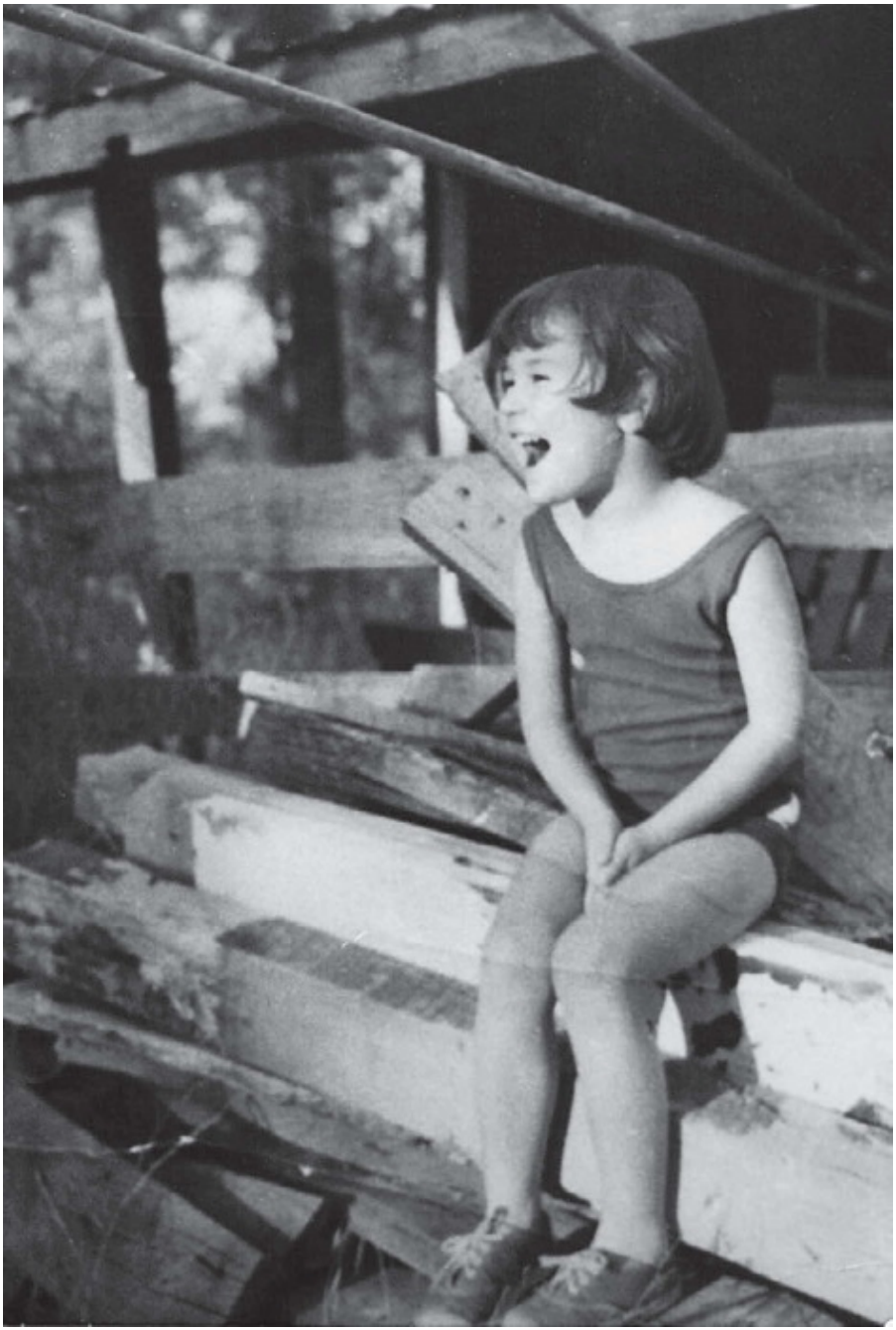
Джинни и Дэнни со мной. Я здесь только родилась, да и они совсем еще подростки

Свадьба Джинни с Дэнни чуть меньше, чем год спустя в феврале 1963 г.

4 поколения женщин: прабабушка Меткалф, Джинни (держит новорожденную меня) и бабушка Мари

С Дэнни и бабушкой Мари. Сложно выразить словами, как много для меня значили моя бабушка и чувство стабильности, которое она мне дарила

Здесь мне 1 год



Я в три года. Бесконечно ценю это фото

Я вся такая ковбойша

С моей любимой обезьянкой. Она навсегда осталась моей любимой игрушкой

С Дэнни в первый раз, когда меня положили в больницу. Здесь меня отпускают домой на Рождество

Здесь меня только что выписали из больницы, и я кормлю своего новорожденного брата

Принимаем ванну с Морганом

С Джинни, Морганом, Дэнни и тетей Бетти

Мои первые очки

Мое первое публичное выступление. Я в роли муравья танцую под Sugar, Sugar группы The Archies (вымышленная группа из Комиксов про Арчи)

Соседи по комнате. Мое второе воспаление почек в 11 лет, которое совпало с операцией на грыже Моргана

С мамой на Рождество, это ее любимый праздник

Талисман команды вырос: я уже чирлидерша в Розуэлле в 1975 г.

С папой, Морганом и кузенами примерно за год до развода

родителей

С Фредди в 1980-м за год до того, как мы поженились

Дядя Джордж вел меня к алтарю на моей свадьбе. Она

состоялась через 4 месяца после того, как Дэнни покончил с собой. Мне было 18 лет

С Дианой на моей свадьбе. Мои тетя и дядя всегда были для меня домом и до сих пор остаются

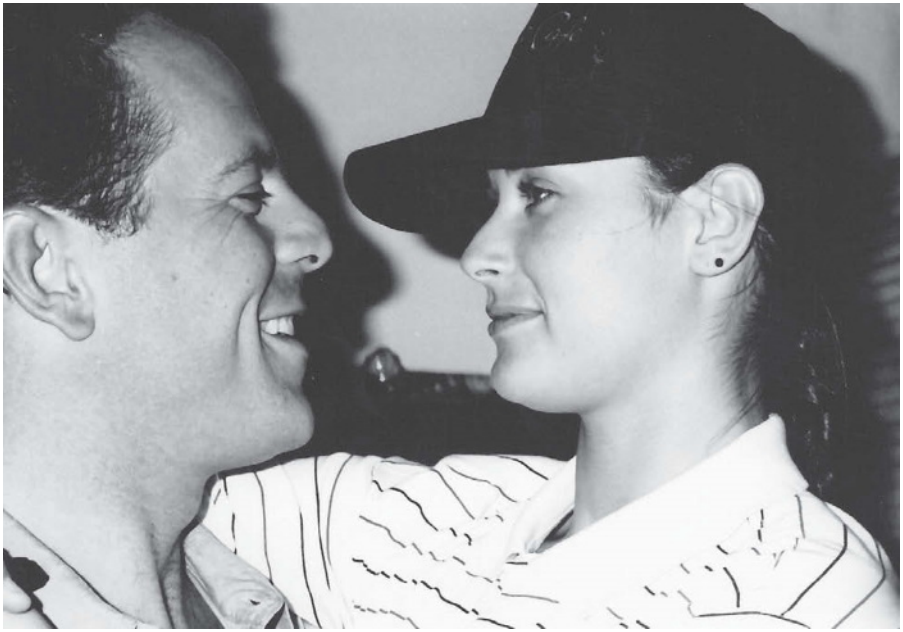
Мой первый модельный снимок после операции на глазу

На съемочной площадке фильма «Во всем виноват Рио», мой первый прорыв в кино в 1982 г.

Счастливые дни с Эмилио. Отложить нашу свадьбу было одним из самых сложных решений в моей жизни

С Пэтси Рюгг в 1996 г. Пэтси была не просто моим спонсором, она была мне как мама

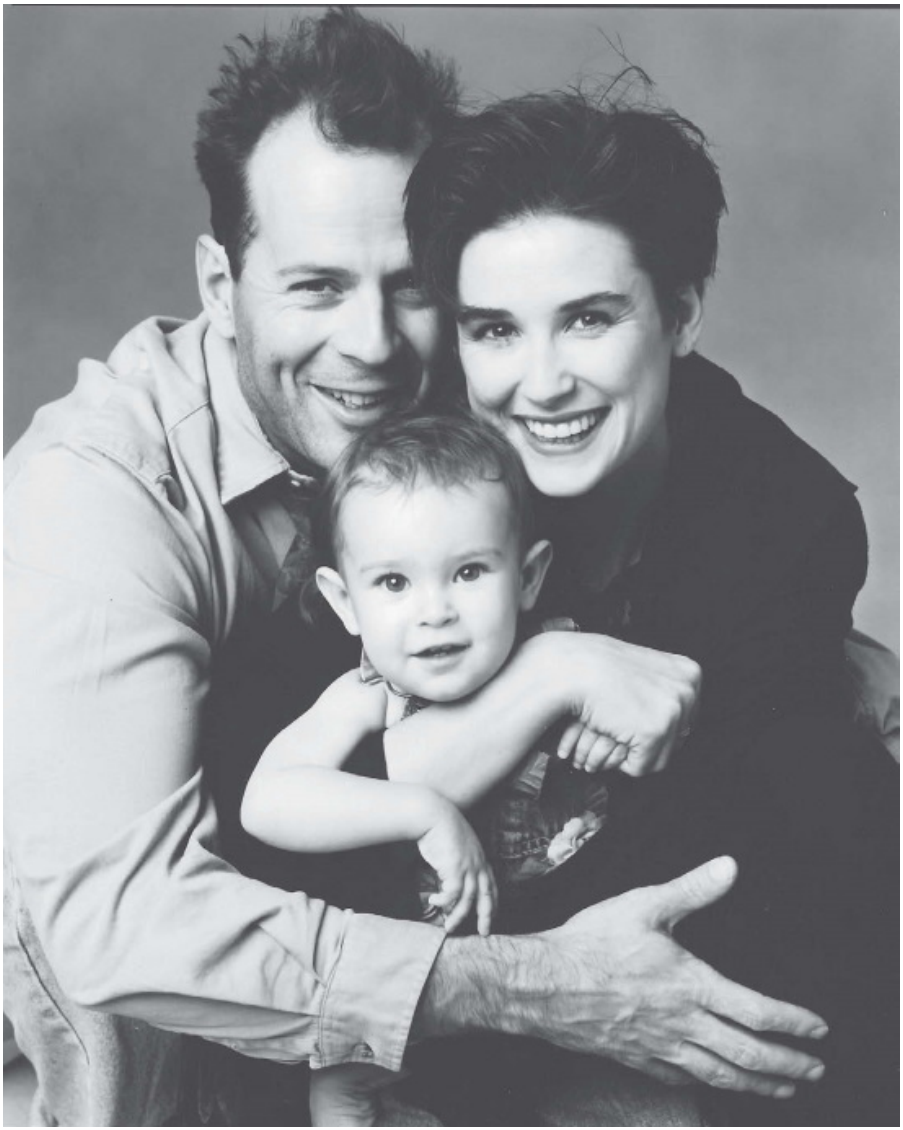
С Морганом отмечаем мой 23-й день рождения в Нью-Йорке, где проходит мой дебют в театре



Брюс буквально свел меня с ума: мы познакомились,

поженились и зачали ребенка, и все это за 4 месяца

Наше «второе» свадебное фото было сделано гениальной Энни Лейбовиц в декабре 1987 г. (мы расписались в Вегасе 21-го ноября)

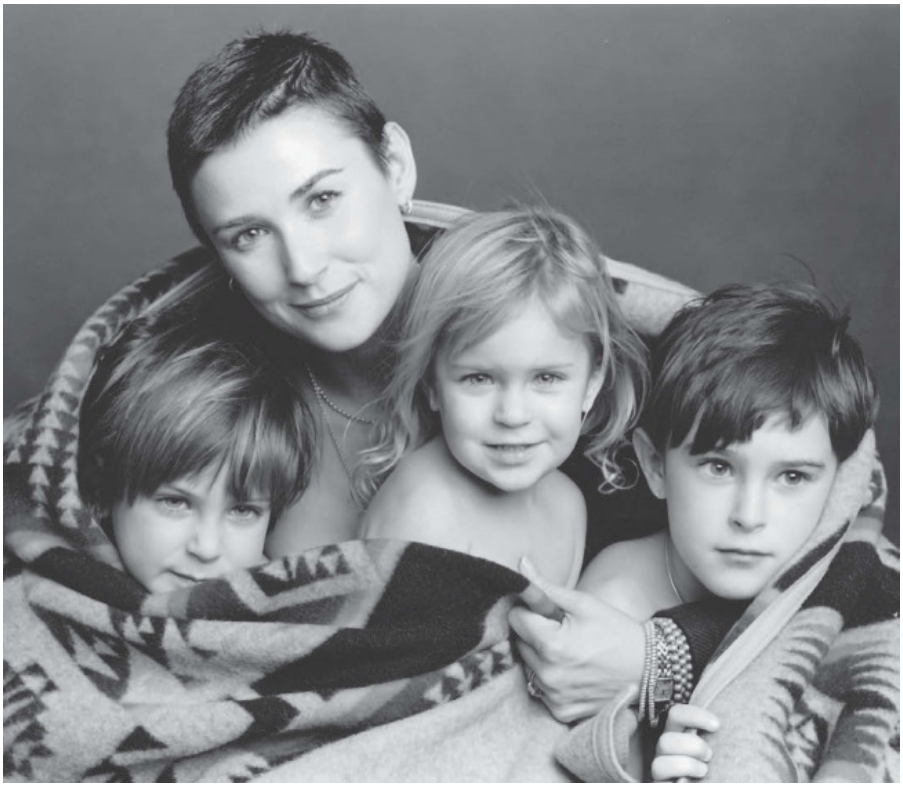


Брюс и Деми с Румер

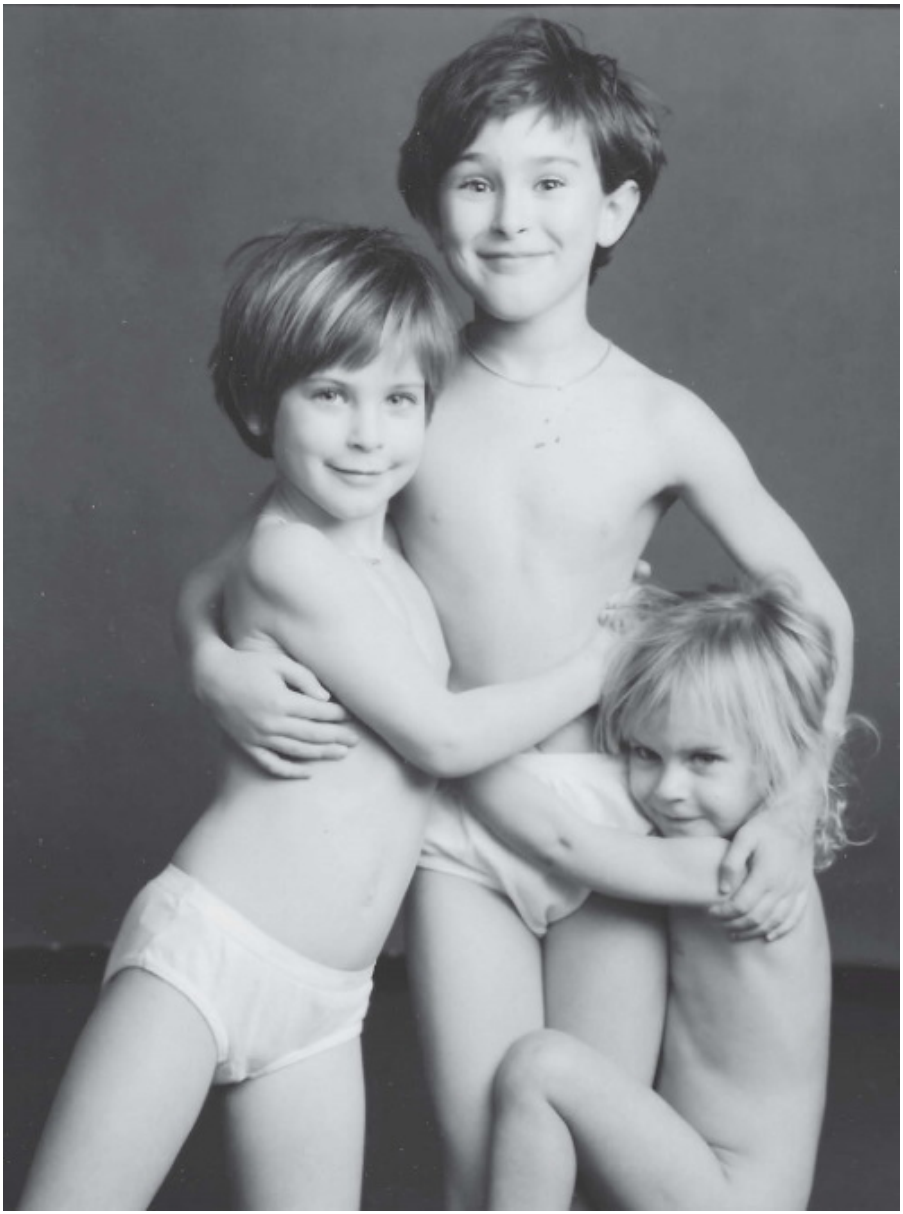
Брюс с Румер

С Петси

Новорожденная Таллула



Деми и ее девочки



Румер, Таллула, Скаут

Деми, Брюс и их дочери в дурацких шляпах

Деми, бабушка Мари и Джинни с Румер

Деми, Джинни, Румер, Таллула, Скаут

С Морганом и мамой в Нью-Мексико после того, как мы получили известие, что она заболела

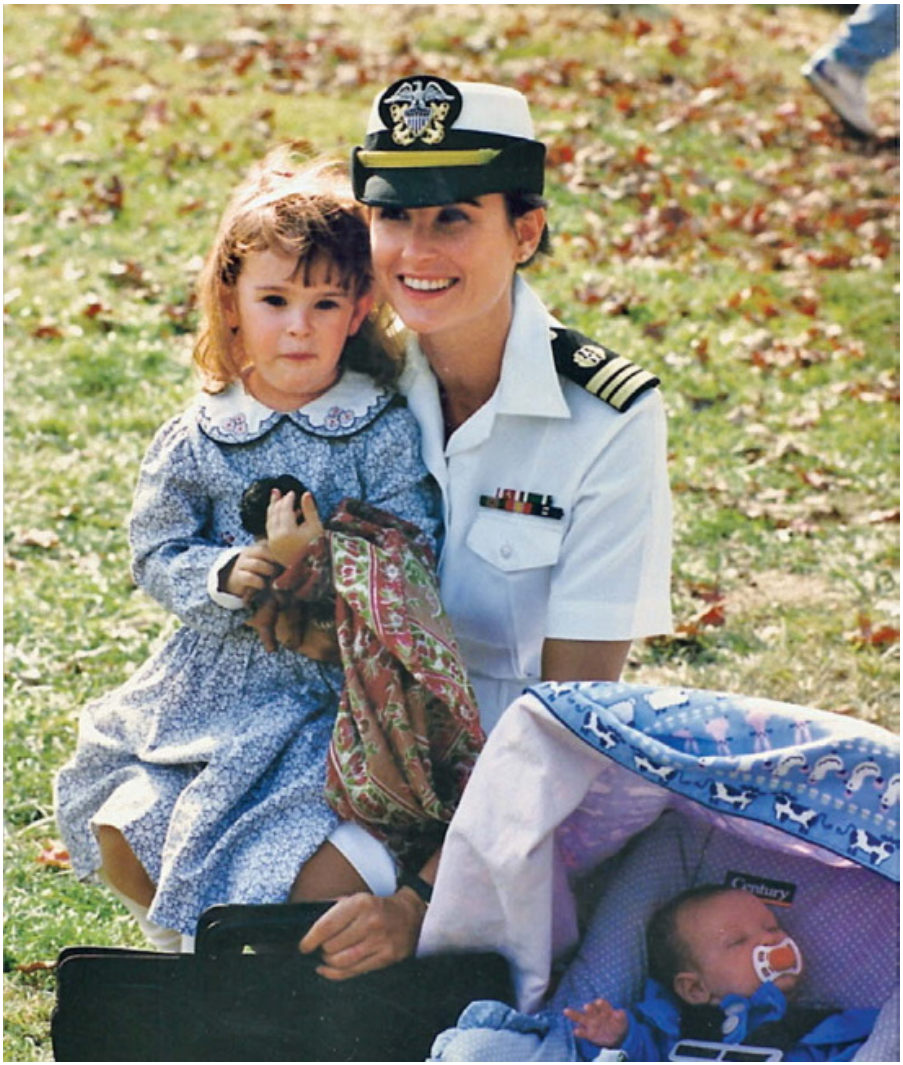
Я всегда буду благодарна за то время, что я провела, заботясь о своей матери в последние месяцы ее жизни

«Стриптиз»

«Привидение»

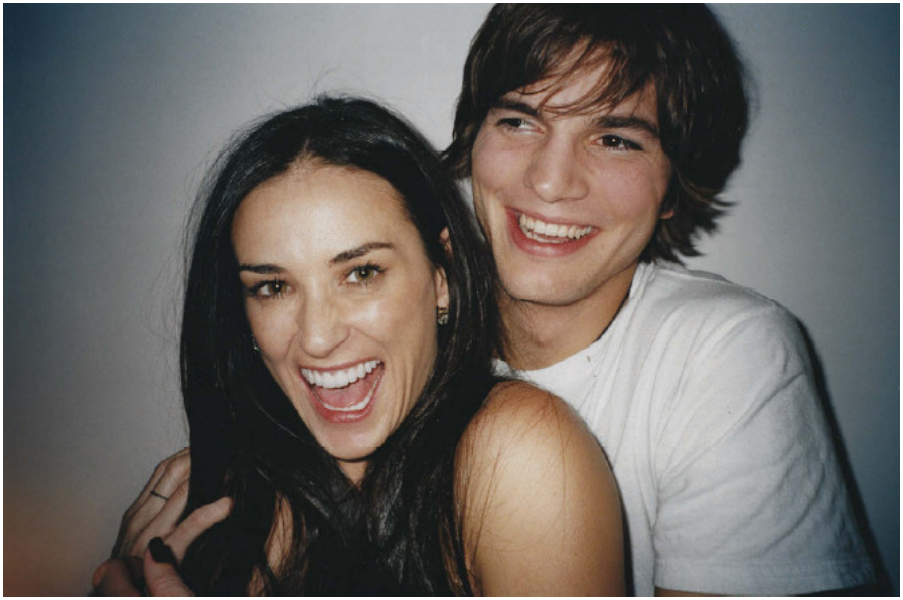
Хантер Рэйнкинг (слева) вошел в наши жизни примерно в то же время, что и Таллула. Больше 25-ти лет он со мной и в огонь, и в воду

С Таллулой на съемках фильма «Алая буква»


Century

«Солдат Джейн»

XXL



Любовь и близость, которые связывали меня и Эштона, были просто волшебством.

Я никогда не забуду наши счастливые времена

С Эштоном и слонами

С Шерри и Ари – пешие прогулки в Солнечной Долине

Рождественское селфи

Дом там, где живет твоя любовь: на вершинах гор с Эриель Леви и Шери Слейтер; наша разношерстная компания, собравшаяся на Рождество: Жаки, Джиа, Линда, Маша, Патрик, Руми Лу, Эрик, Грета, Сара Джейн, и Шери-О. И обязательно три мои мартышки

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

ЛОГО
ЛОГОТИП ВАШЕЙ КОМПАНИИ НА ОБЛОЖКЕ
КНИГА О БИЗНЕСЕ
ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ПОЛЕЗНЫЙ И ИНТЕРЕСНЫЙ ТЕКСТ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ ДЛЯ КЛИЕНТОВ
ТЕКСТ ДЛЯ КЛИЕНТОВ НА ОБЛОЖКЕ

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Перевод Игоря Бугаева.

2

Город в штате Калифорния.

3

45 кг.

4

Город на юго-западе США, административный центр штата Нью-Мексико.

5

Титулованный американский гольфист, «посол гольфа» в Латинской Америке.

6

Чирлидинг – вид спорта, сочетающий элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцев, гимнастики, акробатики). Команды чирлидеров соревнуются между собой, а также поддерживают выступления различных спортивных команд во время соревнований.

7

191 см.

8

Город в штате Огайо.

9

Кукурузная лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов.

10

Американский фолк-музыкант.

11

Движение внутри христианства, появившееся в XX в. в основном среди протестантских общин, провозглашающее, что в его деятельности проявляются дары Святого Духа.

12

Яркая африканская рубашка с длинными рукавами, популярная у хиппи.

13

Пятидесятники – религиозное течение протестантского происхождения, во многом схожее с харизматическим христианством.

14

Город в штате Калифорния.

15

Одна из старейших американских радиопередач, которая проводится в формате концерта в прямом эфире с участием звезд кантри.

16

Героиня актрисы-комика Сары Офелии Колли Кэннон, более 50 лет выступавшей в шоу «Гранд ол Опри».

17

Кредит с высоким процентом.

18

Заведение, в котором продаются алкогольные напитки.

19

Желтый кенар.

20

Прибрежный город в округе Лос-Анджелес, штат Калифорния.

21

Самый известный представитель американского хард-рока.

22

Город в штате Нью-Мексико.

23

Экранизация классического романа Т. Харди «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» (1891), поставленная в 1979 году.

24

179 см.

25

Состояние, когда человек воспринимает происходящее, будто оно происходит с кем-то посторонним.

26

Flea (Блоха) – прозвище бас-гитариста рок-группы Red Hot Chili Peppers.

27

Лид-вокалист рок-группы Red Hot Chili Peppers.

28

Криминальная драма, выходившая в 1978—1979 гг.

29

Британская и американская писательница.

30

Американский автор-исполнитель песен и пианист, обладатель шести премий «Грэмми».

31

Американский музыкант, основатель, участник и продюсер группы The Beach Boys, обладатель премий «Грэмми».

32

Город в штате Калифорния.

33

Специальный препарат против отеков.

34

Длительная американская мыльная опера, которая начала выходить с 1963 г.

35

Художественный фильм 1978 года, экранизация комикса о супергерое DC Comics.

36

3,5 грамма.

37

Организация по борьбе с алкоголизмом и наркотической зависимостью.

38

Американский актер и кинорежиссер, лауреат премий «Эмми» и «Золотой глобус».

39

Creative Artists Agency – крупнейшее актерское агентство.

6—9 кг.

41

Переохлаждение организма, при котором нарушается обмен веществ.

42

Административный округ в районе Лос-Анджелеса.

43

«Крысиная стая» – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х гг., которая группировалась вокруг киноактеров Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл. В начале 1960-х лидерами «крысиной стаи» были Фрэнк Синатра, Дин Мартин и Сэмми Дэвис.

44

Брюс Уиллис играл в фольклорном ансамбле The Accelerators.

45

Американский певец, пианист и композитор, стоявший у истоков рок-н-ролла.

46

Известный пляж в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

47

4 кг.

48

Лофт – чердак, технический этаж здания или верхняя часть объекта промышленного назначения, переоборудованные под жилье, мастерские, офисы.

49

Американская певица и пианистка.

American Society of Magazine Editors.

51

12,7 кг.

52

4,5 кг.

53

Американский джазовый пианист и композитор, обладатель 14 премий «Грэмми».

54

Американская актриса и кинопродюсер.

55

Американская актриса, знаменитая своим остроумием, блестящей внешностью, хриплым голосом и превосходно сыгранными ролями во многих пьесах и кинофильмах.

56

1,8 кг.

57

Американская телеведущая, журналистка и писательница.

58

Основное тактическое подразделение для специальных операций ВМС США.

59

Американский теле- и радиоведущий, продюсер.

60

Город в округе Сан-Диего, на юге штата Калифорния.

61

Программа военной подготовки SERE – Survival («Выживание»), Evasion («Уклонение»), Resistance («Сопротивление») and Escape («Побег»).

62

63 кг.

63

13,6 кг.

64

Окружной город в штате Айдахо.

65

Эксцентричный кондитер, персонаж фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика».

66

Психолог, автор книг по самосовершенствованию с упором на интуицию.

67

Одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки.

68

Американская актриса и модель.

69

Роскошный 27-этажный кооперативный жилой дом на Манхэттене.

70

Популярный американский актер и певец.

71

Район в центральном Лондоне, в сити Вестминстер.

72

Американский менеджер по управлению талантами, инвестор, писатель и бизнесмен.

73

Американский рэпер, продюсер, актер.

74

Израильский модельер, креативный директор дома высокой моды Lanvin в Париже с 2001 по 2015 г.

75

Балдахин, под которым стоит пара во время еврейской церемонии бракосочетания.

195 см.

77

Морской курортный город в Мексике.

78

Филантропический проект, призванный объединять и направлять возможности отдельных лиц и организаций во имя воплощения мировых перемен.

DNA – частный Фонд Деми и Эштона.

80

Thirty Mile Zone – таблоидный новостной сайт.

81

Американская певица, пианистка, автор песен, выступающая в стилях ритм-энд-блюз, соул и неосоул, обладатель многочисленных наград «Грэмми».

82

Американский модельер и бизнесвумен, создатель всемирно известных торговых марок Donna Karan и DKNY (Donna Karan New York).

83

Американский актер и диджей, наиболее известен по ролям в сериалах «Шоу 70-х» и «Ранчо».

84

Американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины.

85

43,5 кг.